Даниэла СТИЛ

ЧАРЛЗ-СТРИТ, 44

Современная и классическая библиотека романов

Чарлз-стрит 44
Даниэла Стил

Аннотация
Даниэла Стил. Чарлз-стрит, 44
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24

Аннотация

Франческе Тейел пришлось расстаться со своим давним другом и деловым партнером. Чтобы оставить за собой арт-галерею, ей нужны деньги. Набравшись храбрости, Франческа открывает двери своего дома для трех квартирантов. Казалось бы, все идет как надо.

Но события с каждым днем развиваются все стремительнее. Очень скоро Франческе предстоит стать свидетелем преступления, полностью пересмотреть свои взгляды на жизнь и, главное, найти новую любовь — трудную и прекрасную, чувственную и чистую…

Даниэла Стил
Чарлз-стрит, 44

Посвящается моим чудесным любимым детям Вити, Тревору, Тодду, Нику, Сэм, Виктории, Ванессе, Максу и Заре. Пожалуйста, берегите себя, будьте невредимы, счастливы, любимы, по возможности мудры, отзывчивы и великодушны. Пусть вам всегда сопутствуют удача и благословение. Идеальный рецепт жизни.

Со всей моей любовью, мама / Д. С.

Глава 1

Франческа Тейер сидела за письменным столом, пока цифры не начали расплываться у нее перед глазами. За последние два месяца она корпела над ними, наверное, уже в тысячный раз, потратив все выходные на очередные подсчеты. И пришла к тому же результату, что и прежде. Было три часа ночи, длинные волнистые волосы Франчески разлохматились: в глубокой задумчивости она по привычке запускала в них пальцы. Франческа пыталась спасти свой бизнес и дом, но до сих пор понятия не имела, как это сделать. При мысли, что она рискует потерять и то, и другое, у нее сжималось сердце.

Этот бизнес они с Тоддом затеяли вдвоем четыре года назад, открыв в нью-йоркском районе Уэст-Виллидж арт-галерею и специализируясь на демонстрации и продаже работ начинающих художников по весьма и весьма умеренным ценам. Франческа была глубоко убеждена, что на ней лежит ответственность за судьбу художников, которых она представляла. Ее познания в живописи были более чем обширными, позна-

ния Тодда — нулевыми. До того как у Франчески появилась собственная галерея, она успела поработать администратором двух других: галерея, куда она устроилась сразу после окончания учебы, находилась на окраине, вторая — в Трибеке. Но собственная галерея была ее давней хрустальной мечтой. У Франчески имелся диплом по изобразительному искусству, ее отец, известный художник, с недавних пор пользовался огромным успехом, галерея, открытая вместе с Тоддом, удостаивалась превосходных отзывов. Тодд азартно коллекционировал современное искусство и к помощи в открытии галереи относился как к развлечению. Собственная карьера адвоката на Уолл-стрит к тому времени ему уже поднадоела. Он сумел накопить солидную сумму и считал, что может позволить себе несколько лет отдыха. Бизнес-план, который он разработал для их общей галереи, сулил прибыли в ближайшие три года. Тодд не учел лишь пристрастие Франчески к недорогим работам никому не известных художников, ее старание помогать им по мере сил и не понял, что своей главной целью она считала показ картин, а не получение прибыли благодаря им. Ее стремление к финансовому успеху было гораздо скромнее аппетитов Тодда. Франческа до-

вольствовалась ролью галеристки и меценатки, а для Тодда на первом месте стояла возможность делать деньги. Он решил, что для разнообразия неплохо приобщиться к искусству после долгих лет работы с налогами и недвижимостью по поручению известной юридической фирмы. Но теперь Тодд заявлял, что ему осточертело выслушивать жалобы тонких и ранимых творческих натур, видеть, как утекают сквозь пальцы вложенные им средства, и беднеть с каждым днем. Галерея утратила для Тодда всякую привлекательность. В свои сорок лет он опять жаждал больших денег. К моменту серьезного разговора с Франческой он уже успел подыскать себе работу на Уолл-стрит.

Через год ему пообещали партнерство в фирме. С торговлей искусством он намеревался завязать раз и навсегда.

Франческа же не собиралась останавливаться на полпути: она мечтала об успехе своей галереи и ради него была готова на все. И в отличие от Тодда не боялась разориться. Но за последний год их отношения расшатались, в итоге Тодд окончательно возненавидел их общий бизнес. Они ссорились буквально из-за каждого пустяка, поступка, встречи, решения, связанного с галереей. Прежде обязанности были четко разделены:

Франческа искала художников, работала с ними, занималась выставками. Тодд оплачивал счета и ведал всеми финансовыми вопросами.

Как ни досадно, отношения между ними тоже сошли на нет. Они пробыли вместе пять лет, познакомившись, когда Франческе исполнилось тридцать, а Тодду — тридцать пять.

Франческе до сих пор не верилось, что отношения, которые еще недавно казались такими надежными, способны развалиться всего за год. Раньше они и не помышляли о браке, а теперь ссорились даже по этому поводу. Когда Тодду стукнуло сорок, его вдруг потянуло к традиционной жизни «как у всех». Внезапно оказалось, что он не имеет ничего против брака, мало того — ему не терпелось обзавестись детьми. А Франческа в свои тридцать пять мечтала о том же, что и пятью годами ранее, когда они только познакомились. Тогда они с Тоддом единодушно решили, что дети у них будут, но когда-нибудь потом, когда галерея наконец начнет процветать. Франческа с самого начала была откровенна с Тоддом и призналась, что слово «брак» внушает ей отвращение. Ей, словно зрительнице в первом ряду, пришлось наблюдать, как рвалась замуж ее мать и как все ее старания пять раз заканчивались грандиозным

провалом. Всю свою жизнь Франческа прилагала все мыслимые старания, чтобы не повторить материнских ошибок. Матери она всегда стыдилась. И не хотела быть похожей на нее ни в чем.

Родители Франчески развелись, когда ей было шесть лет. Она видела не только как мечется мать, но и как ее обаятельный, но безответственный красавец отец крутит романы с юными девушками. Ни одна из них не задерживалась в его жизни дольше, чем на полгода. Отец ни в грош не ставил близкие отношения, мать относилась к браку, как к фетишу, и у Франчески, которая наблюдала за ними, развилось нечто вроде фобии к тому моменту, как она познакомилась с Тоддом. Он сам в четырнадцать лет пережил скандальный развод родителей и не верил в прочность брачных уз. Опыт прошлого сблизил их, но со временем Тодд увидел в супружестве некий смысл. Он объяснил Франческе, что устал от богемного образа жизни, при котором люди просто живут вместе и считают, что детьми можно обзаводиться и вне брака. Не успел Тодд задуть сорок свечей на своем торте, как его словно подменили: без предупреждения он стал приверженцем традиционных ценностей. А Франческа предпочла бы, чтобы между ними все осталось, как было.

Не прошло и нескольких месяцев, как выяснилось, что все друзья Тодда уже живут в тихих пригородах. И ему вдруг разонравился Уэст-Виллидж, где жили они с Франческой и который она обожала. И сам район, и местные жители внезапно стали вызывать у него брезгливость. Вдобавок ко всем сложностям вскоре после открытия галереи они облюбовали в том же районе полуразвалившийся дом. Они увидели его снежным декабрьским днем, мгновенно пленились и купили его по очень выгодной цене — настолько плачевным было состояние дома. Общими усилиями они привели дом в порядок, своими руками выполнив большую часть работы. Ремонту они посвящали все время, свободное от бдений в галерее, и не прошло и года, как дом преобразился. Обставленный мебелью, купленной на гаражных распродажах, он стал уютным уголком, завоевал их любовь. А теперь Тодд заявлял, что последние четыре года безвылазно провел под протекающей раковиной, с инструментами в руках. Ему больше по душе комфортабельная современная квартира в большом доме, где весь ремонт сделан кем-нибудь другим. В отчаянии Франческа бросилась спасать и общий бизнес, и дом. Несмотря на распад союза с Тоддом, ей хотелось сохранить

и то, и другое, а как это сделать, она не представляла. Потерять не только Тодда, но и галерею с домом, — это уж слишком.

Оба испробовали все, лишь бы сохранить отношения, но тщетно. Прошли курс индивидуальной психотерапии и терапии для пар. Отдыхали друг от друга два месяца. До посинения обсуждали ситуацию. Шли на компромисс всякий раз, когда это требовалось. Но Тодд упрямо настаивал на том, чтобы закрыть или продать галерею, а Франческе было больно даже думать об этом. Мало того, он предлагал немедленно пожениться и обзавестись детьми, а она не хотела этого — и понимала, что может не захотеть никогда. От одного слова «брак» Франческу по-прежнему передергивало, несмотря на всю любовь к Тодду. Его новые друзья казались ей невыносимо скучными. Он считал их прежних друзей недалекими и пошлыми и твердил, что знать больше не желает веганов, голодающих художников и, как он выражался, «всяких левых». Франческа недоумевала, как за несколько коротких лет их интересы могли настолько разойтись, но факт оставался фактом.

Прошлое лето они провели врозь, каждый занялся своим делом. Вместо того чтобы, по обыкновению, плавать под парусом вдоль берегов

Мэна, Франческа три недели прожила в колонии художников, а Тодд съездил в Европу, попутешествовал с друзьями, на выходные отправлялся в Хэмптонс. К сентябрю и годовщине разногласий оба поняли, что все попытки примирения напрасны, и договорились расстаться. Единственным камнем преткновения осталась дальнейшая судьба галереи и дома. Франческа вложила в покупку своей половины дома и ремонт все свои немногочисленные сбережения, и теперь, чтобы оставить дом за собой, ей предстояло выкупить у Тодда его половину — или дать согласие на продажу дома. На дом они потратили все, что у них оставалось после открытия бизнеса, Франческа признавала требования Тодда справедливыми, но выкупить у него половину дома ей было не на что. Тодд согласился подождать и дать ей время. Но уже наступил ноябрь, а от решения она была так же далека, как и два месяца назад. Тодд рассчитывал, что вскоре она образумится и сдастся.

В его планы входило продать дом к концу года или получить свою долю. И заодно выйти из общего бизнеса. Когда у Тодда выдавались свободные выходные, он по-прежнему помогал Франческе в галерее, но его душа уже не лежала к ней, а жизнь под одной крышей в отсутствие

отношений оборачивалась новыми стрессами для обоих. Они не спали вместе уже много месяцев, Тодд старался почаще бывать у друзей. Это огорчало и его, и Франческу. Она сожалела о потерянных отношениях и тревожилась из-за галереи и дома. Горечь поражения, ненавистная Франческе, стала ее постоянной спутницей. Мало того, что отношения с Тоддом кончились крахом: по прошествии пяти лет было больно и горько начинать все с нуля. И вдобавок закрыть галерею или продать ее, да еще лишиться дома. Франческа понимала, что этого удара она не выдержит, но сколько ни смотрела на цифры, чуда не происходило, решение не являлось к ней. Все попытки складывать, вычитать и умножать приводили к одному и тому же результату: денег нет, выкупить долю Тодда не на что. Франческа уставилась на цифры, чувствуя, как катятся слезы по щекам.

Она заранее знала, что услышит от матери, если поделится с ней своими бедами. Ее мать была категорически против любого бизнеса и покупки дома совместно с человеком, которого Франческа любила, но не представляла своим мужем. По мнению ее матери, сочетать инвестиции и романтику более неудачным образом было бы невозможно.

— А если вы расстанетесь? — допытывалась она, подразумевая, что это неизбежно — ведь ее собственные отношения всегда заканчивались разводом. — Что ты будешь делать? Тебе же не причитается ни алиментов, ни отступных.

Мать Франчески была твердо убеждена: любые отношения должны начинаться добрачным соглашением и заканчиваться соглашением об алиментах.

— У нас все решится так же, как при твоих разводах, мама! — объясняла Франческа, раздраженная намеками, — впрочем, как и большинством материнских замечаний. — Благодаря хорошим юристам. Мы постараемся призвать на помощь всю любовь, какая у нас останется, будем вести себя прилично и проявлять уважение друг к другу.

Ее мать умудрялась не только добиться благоприятных для себя условий развода, но и сохранить дружеские отношения с бывшими мужьями, которые обожали ее. Талия Хэмиш-Андерс-Тейер-Джонсон-ди Санджоване была красива, эффектна, избалована, эгоистична, жизнелюбива, шикарна и, по меркам большинства людей, чуточку сумасбродна. Желая проявить снисходительность к матери, Франческа называла ее «колоритной». Но в сущности, мать всю жизнь была для нее источ-

ником мучительного унижения. Она побывала замужем за тремя американцами и двумя европейцами. Оба ее европейских мужа, британец и итальянец, носили титулы. Четырежды разведенная, в последнем браке она овдовела. Ее мужьями были пользовавшийся шумной популярностью писатель, отец Франчески — художник, отпрыск семейства известных британских банкиров, техасский застройщик, который предложил бывшей жене щедрые алименты и два торговых центра, благодаря чему она и вышла за почти нищего, но очаровательного итальянского графа, который спустя восемь месяцев погиб в страшной автокатастрофе в Риме, разбившись на своем «феррари».

Порой родная мать казалась Франческе инопланетянкой. У них не было абсолютно ничего общего. Теперь, конечно, мать имела полное право воскликнуть «Я же говорила!», узнав, что ее дочь опять осталась одна. Но сообщить матери эту новость Франческе пока не хватало духу. Она не желала опять выслушивать упреки и наставления.

Мать не предложила ей помощь, когда Франческа покупала дом и открывала галерею, и вряд ли предложит теперь. Затраты на дом она счита-

ла безрассудством, ей не нравился район, и она, подобно Тодду, советовала Франческе продать дом, уверяя, что при этом оба владельца останутся в выигрыше. Но Франческе нужны были не деньги, а ее обожаемый дом, и она не сомневалась в том, что существует способ сохранить его. Надо только найти этот способ. Мать ни за что не поможет ей. Она никогда ей не помогала. Франческа давно поняла, что ее мать не из тех женщин, которых можно назвать практичными. Всю свою жизнь она полагалась на мужчин, только благодаря алиментам и отступным от них она продолжала жить на широкую ногу. За свою жизнь она не заработала своими руками ни гроша, только получала деньги, выходя замуж или разводясь, что, по мнению Франчески, было не лучше проституции.

Сама Франческа пользовалась полной независимостью и не собиралась расставаться с ней. Наблюдая, как живет мать, она поклялась себе никогда и ни на кого не рассчитывать, особенно на мужчин. В семье Франческа была единственным ребенком. Ее отец Генри Тейер практичностью ненамного превосходил ее мать. Долгие годы Генри был нищим художником, обаятельным чудаком и ловеласом, пока одиннадцать лет назад

ему, уже сорокачетырехлетнему, не повезло познакомиться с Эйвери Уиллис. Генри предложил ей стать его адвокатом в судебном процессе против галериста, который обманом отнял у Генри деньги, и Эйвери Уиллис выиграла этот процесс. А потом помогла подопечному выгодно вложить полученные деньги, вместо того чтобы транжирить их на очередных подружек. После этого Генри сделал, по мнению Франчески, единственный гениальный ход в своей жизни — через год женился на Эйвери. В свои пятьдесят она впервые вышла замуж и за последующие десять лет помогла мужу сколотить немалое состояние, удачно вложить деньги и обзавестись превосходной недвижимостью. Она уговорила Генри купить дом в Сохо, где они продолжали жить и где находилась его мастерская. Со временем к городскому дому прибавился загородный в Коннектикуте. Эйвери взяла на себя роль агента Генри, цены на его работы взлетели до небес, финансовые дела наконец-то наладились. А Генри впервые за всю жизнь хватило ума хранить Эйвери верность. Считая, что его жена способна творить чудеса, он обожал ее. После матери Франчески она стала единственной женщиной в мире, на которой он согласился жениться. Но Эйвери и Талия были

настолько разными, насколько это возможно.

Эйвери сделала достойную восхищения карьеру юриста и никогда не зависела от мужчины. Теперь ее единственным клиентом был муж. Ей недоставало шика, но эта миловидная женщина была цельной, практичной и умной. Они с Франческой понравились друг другу с первого взгляда. По возрасту Эйвери годилась Франческе в матери, но вовсе не желала опекать ее. Своих детей у нее не было, до замужества она относилась к браку столь же неприязненно, как и Франческа. С родителями ей не повезло: если Эйвери и заговаривала о них, то называла чокнутыми. С мачехой Франческа дружила последние десять лет. В свои шестьдесят Эйвери выглядела естественно и моложаво. Она была всего двумя годами моложе матери Франчески, но с первого же взгляда на них обеих становилось ясно, что Талия сделана совсем из другого теста.

В шестьдесят два года Талия мечтала лишь об одном: найти очередного мужа, уверенная, что шестой супруг окажется идеальным и последним. Франческа в этом сомневалась и надеялась, что матери хватит ума удержаться от очередной глупости. Правда, ей казалось, что чересчур активные поиски «номера шесть» отпугнут от

матери всех возможных кандидатов. В то, что Талия вдовела уже шестнадцать лет, несмотря на непрестанные романы, верилось с трудом. Она все еще была хороша собой, сменив пятерых мужей к сорока пяти годам. Порой Талия грустила о своих безвозвратно ушедших пятидесяти годах: лишь со временем она поняла, что в пятьдесят шансов найти нового мужа у нее было гораздо больше, чем в нынешнем возрасте.

В отличие от Талии Эйвери полностью устраивали ее жизнь и брак с любимым человеком, причуды которого она воспринимала снисходительно и добродушно. Насчет поведения ее супруга в былые годы она не питала никаких иллюзий. За свою жизнь он успел переспать с сотнями женщин на обоих побережьях и по всей Европе. Генри нравилось напоминать, что до знакомства с Эйвери он был «паршивцем», и Франческа знала, что это чистая правда. Ее родителем стал безответственный человек, никчемный муж и отец, способный остаться беспечным мальчишкой до глубокой старости. Несмотря на несомненный талант художника, ее отец был ребенком, впрочем, как и мать, только без талантов.

Словом, единственным благоразумным чело-

веком в кругу близких Франчески была Эйвери, твердо стоящая обеими ногами на земле. Для Франчески она стала бесценным подарком судьбы, как и для ее отца. Спросить совета у Эйвери следовало уже давно, но Франческа никак не могла собраться с духом и позвонить ей. Нелегко было признаваться, что она потерпела поражение на всех фронтах — и в личной жизни, и в своем непростом бизнесе, особенно если придется свернуть или продать его. Возможно, она не сумеет сохранить даже любимый дом на Чарлз-стрит, если не найдет деньги, чтобы расплатиться с Тоддом. Но как, черт возьми, как это сделать? Денег у нее просто нет, взять их неоткуда, и точка. Такое чудо не сотворит даже Эйвери.

Наконец Франческа погасила свет в своем кабинете по соседству со спальней. Спускаясь в кухню за стаканом подогретого молока, чтобы быстрее уснуть, она вдруг услышала настойчивый стук капель и увидела течь из маленького слухового окна. Капли ударялись о перила и скатывались с них. Об этой течи они давно знали, Тодд уже несколько раз пытался заделать ее, но от ноябрьских ливней она появлялась вновь. А сегодня устранять протечку было некому: Тодд не ночевал дома. Он постоянно твердил, что Франческе

ни за что не удастся в одиночку поддерживать в доме порядок, и возможно, он был прав. Но она считала, что должна попытаться. Даже если протечет крыша или рухнет ей на голову. Что бы ни случилось, на какие бы жертвы ей ни пришлось пойти, расстаться с этим домом Франческа пока не была готова.

С решительным видом она спустилась в кухню, на обратном пути застелила перила полотенцем, чтобы оно впитывало воду. До возвращения Тодда, который обещал приехать утром, ничего другого ей не оставалось. Выходные он, как обычно, проводил у друзей. С такой мелкой протечкой можно было и подождать. Именно из-за этих пустяковых протечек и поломок он спешил продать дом. Ему надоело устранять одну проблему за другой, и он, понимая, что здесь ему уже не жить, не желал владеть недвижимостью, отнимающей слишком много времени. Он торопился сбыть дом с рук. Если же дом удастся выкупить, вместе с ним Франческе достанутся все проблемы, и решать их придется самой. Вздохнув, Франческа побрела наверх, в свою спальню, мысленно пообещав себе завтра же утром позвонить мачехе. Может, она что-нибудь придумает, подскажет решение, которое ускользнуло от Франчески. Больше ей не

на что надеяться. Но ей нужен этот дом с дырявой крышей и с трудом удерживающаяся на плаву галерея с выставленными в ней работами пятнадцати начинающих художников. Дому и галерее Франческа отдала четыре года жизни, а теперь, несмотря на все увещевания Тодда и матери, не желала расставаться с мечтой.

Глава 2

Звонок Эйвери на следующее утро дался Франческе легче, чем она ожидала. Разговор не успел начаться, а у нее поднялось настроение. Несколько минут они просто болтали о пустяках и смеялись над очередными уморительными выходками отца Франчески. Во многих отношениях он оставался обаятельным подростком, что очень нравилось Эйвери, и Франческа с возрастом научилась прощать отца за то, что он не в силах вести себя, как подобает взрослому человеку. После этой легкомысленной прелюдии Франческа перешла к делу и посвятила Эйвери в подробности своей ситуации. У нее то и дело перехватывало горло, пока она рассказывала о ссоре и разрыве с Тоддом, о дилемме, связанной с галереей и домом и о том, как она обеспокоена.

— Какая жалость! — с сочувствием воскликнула Эйвери. — Я же чувствовала: что-то у вас не ладится. В последнее время мы почти не видели Тодда.

Точнее, не видели совсем: этим летом Франческа навещала их в Коннектикуте одна. Всякий раз

она извинялась за Тодда и находила ему оправдания, но Эйвери не без оснований подозревала, что его отсутствию есть иные объяснения. Генри разделял ее подозрения, но не желал лезть в личную жизнь дочери, которая всегда отличалась скрытностью. «Если у них нелады, она сама расскажет нам, когда будет готова», — объяснил он Эйвери, и та согласно кивнула. Поэтому теперь известие не стало для нее неожиданностью.

— С галереей и бизнесом справиться будет непросто. Галерея приносит большие убытки? — Эйвери размышляла, удастся ли Франческе продать бизнес.

— Вообще-то нет, но мы едва сводим концы с концами. Вряд ли кто-нибудь согласится купить неприбыльный бизнес. Тодд считает, что если бы я подняла цены, то галерея стала бы прибыльной уже через два-три года, но только если я перестану заниматься одними начинающими художниками. На них большие деньги не сделать, а я не хочу торговать картинами знаменитостей. Это совсем другое дело, у меня были иные планы, когда я открывала галерею.

В своих взглядах на искусство Франческа была неисправимой идеалисткой, на что вечно сетовал Тодд. Ему хотелось придать их бизнесу

более коммерческий характер, приумножить вложенные в него средства, а Франческа наотрез отказывалась идти на такой компромисс, хотя и понимала, что когда-нибудь придется, и заранее ненавидела себя за это. Она предпочитала художников, серьезно относящихся к искусству, пусть даже неизвестных, а коммерческая живопись была не в ее вкусе, хотя и устраивала Тодда. Совсем недавно она приобрела работы молодого талантливого японца, в котором разглядела колоссальный потенциал. Его первая выставка удостоилась прекрасных отзывов, а Франческа продавала его картины практически за бесценок. Однако она считала, что не вправе запрашивать больше за никому не известного мастера. Выбирая, что и как продавать, она руководствовалась исключительно этическими нормами.

— Может, тебе стоило бы поступиться принципами и начать продавать художников, которые на полпути к вершине карьеры, — заметила здравомыслящая Эйвери. От отца Франчески она немало узнала о живописи, а в бизнесе разбиралась и до знакомства с ним. Но Генри был игроком совсем другой лиги, и благодаря Эйвери теперь его работы стоили бешеных денег. — Давай-ка первым делом поговорим о доме. Ты уже решила,

что продашь, чтобы собрать деньги и выплатить Тодду его половину? — деловито спросила она, и Франческа снова пала духом. Нет, ничего она не решила. В том-то и беда.

— Все, что у меня было, я вложила в этот дом. Каждый месяц я с трудом наскребаю на свою долю выплат по кредиту. Но я, кажется, знаю, как могла бы поступить: сдавать часть дома жильцам. Если бы нашлось трое таких, одной проблемой стало бы меньше.

— Не представляю, как ты уживешься с чужими людьми, — откровенно высказалась Эйвери. Она знала, насколько скрытна ее падчерица; как единственный ребенок в семье, она всегда была одиночкой. Но если она готова пустить в дом жильцов, тем лучше. Эйвери поняла, что Франческа полна решимости сохранить дом, иначе ей и в голову не пришло бы жертвовать уединением. — Но если ты справишься, вопрос ежемесячных выплат можно считать закрытым. А как быть с долей Тодда? — последние слова Эйвери произнесла задумчиво, с расстановкой, и вдруг ее осенило: — Не знаю, как ты к этому отнесешься, но тебе принадлежат шесть картин твоего отца. Это лучшие из его ранних работ, на аукционе их наверняка приобретут за огромную

сумму. Ее хватит, чтобы рассчитаться с Тоддом, — конечно, если ты готова их продать. Если хочешь, я могу даже созвониться с дирекцией галереи, где выставлены его работы. Им давно не терпелось заполучить хоть что-нибудь, относящееся к раннему периоду. На такие картины всегда есть спрос.

Слушая Эйвери, Франческа невольно поморщилась и сразу почувствовала себя виноватой. Она не представляла, как продаст отцовские работы — до такого отчаяния она еще никогда не доходила. Но теперь ее положение и вправду было отчаянным, и единственным, что она могла продать, оставались картины отца.

— Как думаешь, что он скажет? — в тревоге спросила Франческа. Да, Генри был эксцентричен, даже чудаковат, и все-таки приходился ей отцом, и она не только любила его, но и уважала как талантливого художника. И обожала все шесть отцовских картин, доставшихся ей.

— Думаю, он поймет, — мягко отозвалась Эйвери. — Пока мы не поженились, ему вечно приходилось продавать что-нибудь задешево, лишь бы не умереть с голоду. Кому, как не ему, знать, каково это? Представь, однажды он даже продал маленького Поллока, чтобы выплатить

алименты, причитающиеся твоей матери. Вот и ты делай то, что считаешь нужным, Франческа. — Эйвери и вправду была практична, потому Франческа и обратилась к ней, а не к родителям.

— Может, удастся обойтись продажей пяти картин и сохранить хотя бы одну. Это же папин подарок. Продавая его работы ради покупки дома, я чувствую себя последней дрянью.

— А разве у тебя есть другой выход?

— Ни единого! — Правда, про картины она и не вспоминала. Но больше ей совершенно нечего продать, чтобы расплатиться с Тоддом. Ей вдруг пришло в голову, что дом можно и продать, лишь бы не расставаться с картинами. Но терять дом она не желала. — Ты не позвонишь в галерею? Посмотрим, что там скажут. Если назначат приличную цену, я, пожалуй, соглашусь их продать. Но предлагай им только пять картин. Я непременно должна сохранить хотя бы одну. — Для Франчески отцовские картины имели не только денежную, но и сентиментальную ценность. Значит, ей предстоит еще одна жертва, и немалая.

— Обязательно, — пообещала Эйвери. — У них есть список коллекционеров, интересующихся работами Генри. Вот увидишь, картины будут распроданы мгновенно. Конечно, если ты не

хочешь подождать и выставить их на аукцион.

— Ждать я не могу, — честно ответила Франческа. — Тодду уже не терпится продать дом, а я пообещала ему к концу года либо выкупить его долю, либо согласиться выставить дом на продажу. Осталось меньше двух месяцев. Ждать аукциона мне некогда.

— Тогда посмотрим, что скажут в галерее. Прямо сейчас и позвоню им, вот только договорю с тобой. — У Эйвери родилась еще одна идея, но она пока не знала, как отнесется к ней ее муж. И все же она решилась поделиться с Франческой: — Твой отец не помнил себя от радости, когда узнал, что ты открываешь свою галерею. К начинающим художникам он относится так же внимательно, как ты. Вот я и подумала, что он мог бы стать твоим партнером — негласным, разумеется, и молчаливым, хотя не представляю, что может заставить твоего отца молчать. Но он, возможно, был бы рад помочь тебе, пока галерея не начнет приносить прибыль. Судя по твоим словам, Тодд готов удовлетвориться совсем небольшой суммой.

Тодд и вправду поступил благородно, пожелал получить чисто символическую сумму, немногим превышающую ту, которую он вложил в

дело. С домом дело обстояло иначе, за четыре года он заметно прибавил в цене, но и при разделе дома Тодд был готов проявить благородство. На вырученные от продажи дома деньги он собирался купить квартиру. Тодд вытерпел даже бесконечную процедуру раздела собственности и совместного владения. Его постигло тяжкое разочарование. Ни он, ни Франческа не ожидали ничего подобного, но теперь оба понимали, что прошлого уже не вернешь, и хотели только поскорее покончить с ним. Из уважения к Тодду Франческа старалась действовать быстро, хотя возникающие препятствия казались ей непреодолимыми.

— Мне и в голову не приходило просить папу вложить средства в галерею, — призналась заинтригованная Франческа. — Думаешь, он согласится?

— Очень может быть. Эта затея наверняка увлечет его, вдобавок он будет рад тебе помочь. И потом, не такие уж большие средства понадобится вложить. Не хочешь пообедать вместе с ним и спросить сама?

Идея понравилась Франческе, на помощь отца она могла рассчитывать — в отличие от матери, которая никогда не разделяла ее энтузиазма.

Искусством Талия не интересовалась, хотя ей принадлежало несколько картин Генри, цена которых давно выросла. Когда-то Талия повесила их в доме из чистейшей сентиментальности, а картины вдруг превратились в ценное имущество. Работы, принадлежащие Талии, тоже относились к ранним, следовательно, одним из самых ценных. Она часто повторяла, что ни за какие деньги не продаст их. То же самое Франческа думала о своих картинах.

— Сейчас позвоню ему и приглашу пообедать завтра вместе, — решила Франческа, в которой впервые за пару месяцев пробудилась робкая надежда. — Эйвери, ты волшебница и гений. Папе чертовски повезло найти тебя.

— Не больше, чем мне повезло найти его. Он хороший человек, особенно теперь, когда бросил коллекционировать подружек. — Эйвери познакомилась с некоторыми девушками Генри, и почти все они пришлись ей по душе, хоть и казались странными. Выяснилось, что до нее, Эйвери, никто из женщин Генри практичностью не отличался. К матери Франчески она даже привязалась. Талия была настолько невероятна и оригинальна, что соскучиться с ней никто бы не смог, как и остаться к ней равнодушным. Но

и неловкость Франчески была понятна Эйвери. Даже она признавала, что нелегко иметь такую мать, как Талия, особенно ребенку, мечтающему о самой обычной матери, такой, как у всех. Быть «как все» Талия не собиралась. И Генри предпочитал раскованность и оригинальность. Рядом с родителями, напрочь отметающими условности, Франческа не могла не вырасти сдержанной и скромной. Меньше всего ей хотелось быть похожей на родителей, и она стала совсем другой, напоминала скорее мачеху, чем родных. Эйвери тоже понимала, насколько причудливую пару составляли Генри и Талия. Удивительно, как настолько разные люди сумели продержаться в браке целых семь лет. Единственным достойным результатом этого союза стала дочь, а теперь, когда она была уже взрослой, Генри и Талия поддерживали исключительно дружеские отношения. Но Эйвери нравилась Талии. Ее любили и уважали все, она умела расположить к себе окружающих дружелюбием, умом и непринужденными манерами. Сообразительная, цельная, невзыскательная, она производила впечатление естественности и реальности. Этими достоинствами мать Франчески не обладала.

— Кажется, ты разом решила все мои про-

блемы, — со вздохом облегчения призналась Франческа.

— Пока еще нет. Сначала мне надо созвониться с агентом твоего отца, а тебе — поговорить с отцом насчет галереи. Но думаю, начало уже положено, — подбодрила падчерицу Эйвери, искренне надеясь, что для нее все сложится удачно. Франческу она очень любила, видела ее достоинства и считала, что своим трудолюбием она давно заслужила награду. Эйвери было больно думать о том, что из-за разрыва с Тоддом Франческа рискует потерять все сразу.

— Я знала: ты непременно что-нибудь да придумаешь, — радостно продолжала Франческа, в душе которой впервые за несколько месяцев пробудилась надежда. — А я понятия не имела, как мне быть. И уже была готова признать, что решения нет.

— Ты стояла почти вплотную к нему, — просто объяснила Эйвери. — Кое-что видится лишь на расстоянии. Будем надеяться, наш План сработает. Я поговорю с агентом Генри и сразу сообщу тебе обо всем, что мне удастся выяснить. Твое предложение придется очень кстати: выставка «Арт Базель» в Майами уже совсем скоро, и даже если сейчас не найдется коллекционеров,

готовых купить у тебя ранние работы Генри, то на выставке от них наверняка отбою не будет. Скорее всего к концу года ты получишь деньги.

— И наконец-то обрадую Тодда, — грустно вздохнула Франческа, вспоминая о нем.

— Заодно и сама порадуешься — тому, что сумела сохранить дом, — добавила Эйвери. Эти двое не вступали в брак, но им пришлось делить все, что они имели. Такое расставание ничем не лучше развода.

— Если с домом все получится, я буду счастлива, — согласилась Франческа. — Пожалуй, надо сказать родителям про Тодда. Ты не представляешь себе, как я этого боюсь. Разговор с папой — это еще куда ни шло, но мама тысячу раз напомнит мне все, о чем предупреждала с самого начала. Она сразу сказала, что мы спятили, когда узнала, что мы решили купить дом и основать общий бизнес, не успев пожениться.

— В наше время так поступают многие. Люди живут вместе и, само собой, делают совместные вложения.

— Объясни это маме, — криво усмехнулась Франческа.

— Даже пытаться не стану, — отказалась Эйвери, и обе рассмеялись. У Талии на все имелось

свое мнение, и переубедить ее хоть в чем-нибудь было немыслимо.

— Позвоню папе, приглашу его на обед. И скажу маме про Тодда. Так ты не забудь рассказать мне про разговор с агентом.

— Не забуду. Обещаю тебе. А пока не вешай нос. Все у нас получится, — заверила Эйвери, и через минуту разговор завершился. Вместо Эйвери в нем должна была бы участвовать мать, но представить себе Талию в такой роли не сумел бы никто. По отношению к дочери Талия вела себя не как мать, а скорее как эксцентричная тетушка, а Эйвери — как подруга.

Франческа села за свой письменный стол и надолго задумалась, прежде чем снова взялась за телефон. После разговора с мачехой у нее с души словно свалился камень. Как и надеялась Франческа, Эйвери дала ей удачный совет. Она всегда приходила на помощь, ее решения неизменно оказывались взвешенными и здравыми, как и в тех случаях, когда помощь требовалась отцу Франчески. Генри не уставал удивляться талантам жены. Для него она сотворила не одно, а несколько чудес, подтверждением чему стало их комфортное существование. У Эйвери имелись и собственные средства: она сделала блестящую ка-

рьеру и с толком вложила заработанные деньги. Мысль о том, что можно зависеть от кого-нибудь, кроме самой себя, вызывала у нее лишь смех. Как выражалась Эйвери, не для того она всю жизнь рвала задницу, чтобы зависеть от мужчины. Своими деньгами она привыкла распоряжаться так, как считала нужным, и не отказалась от этой привычки после замужества. В этом союзе Генри выигрывал куда больше Эйвери. В финансовом отношении он нуждался в ней, а она в нем — нисколько. Но эмоциональная связь между ними существовала — именно такая, какой она всегда представлялась Франческе. Увы, подобной близости они с Тоддом так и не достигли. И все-таки теперь, когда они расстались, ей было больно. Нестерпимо больно.

Следующим Франческа набрала номер матери. Небрежно осведомившись, как у дочери дела, Талия завела нескончаемый разговор о себе — о своих делах, мелких неприятностях, о своем дизайнере интерьеров, который не справился с работой, о брокере, который в последнее время делает одно неудачное вложение за другим, и о том, как все это выводит ее из себя.

— Даже мужа у меня нет, некому меня обеспечить! — сокрушалась она.

— Для этого муж тебе не нужен, — практично напомнила ей Франческа. — Дон обеспечил тебя на всю оставшуюся жизнь.

За годы два торговых центра, доставшихся Талии, превратились в десять, другие инвестиции тоже оказались успешными. Несмотря на привычку прибедняться, Талия вовсе не бедствовала. Об этом свидетельствовал хотя бы небольшой, но роскошный пентхаус на Пятой авеню, — элегантный и в то же время уютный, с живописным видом на Центральный парк.

— К Дону у меня нет никаких претензий. Просто это так тяжело — знать, что у меня нет мужа и что меня некому защитить… — На миг голос Талии стал тонким и жалобным, хотя и беспомощной она никогда не была. Франческа не стала напоминать, что пора бы и привыкнуть — как-никак последний муж Талии погиб в Риме шестнадцать лет назад. От него Талии достался титул графини, который она с удовольствием носила. Она жалела только о том, что ее покойный муж не был князем, и однажды призналась Франческе, что всегда мечтала зваться княгиней. Но графиня — тоже неплохо. Графиня ди Санджоване.

Франческе надоело изнывать от страха, и она ринулась в омут головой.

— Мы с Тоддом расстались, — спокойно объявила она и затихла, ожидая реакции матери.

— Когда? — Голос Талии прозвучал сдавленно: похоже, в отличие от Эйвери и отца она ни о чем не подозревала.

— К этому шло последние несколько месяцев. Мы пытались наладить отношения, но не смогли. Он возвращается на работу в юридическую фирму и хочет, чтобы я выкупила его долю галереи и дома.

— А тебе это по карману? — без обиняков спросила мать. Не посочувствовала, просто спросила.

— Пока нет. Но я надеюсь, что смогу позволить себе такую покупку к концу года. — Объяснять матери, что она посоветовалась с Эйвери, Франческа не стала. Не стоило ранить чувства Талии, хотя от совета Эйвери пользы было гораздо больше. Мать Франчески всю жизнь доверяла управлять своим состоянием чужим людям, а Эйвери все важные решения принимала сама.

— Я же говорила: не надо было тебе покупать дом и ввязываться в бизнес с этим человеком. Подобные поступки — безумие, если ты не замужем; сразу было ясно, что все запутается и закончится скандалом. С ним трудно договориться?

Талии нравился Тодд, но не откровенно отрица-

тельное отношение Тодда и Франчески к браку. Скрывать свое недовольство Талия даже не пыталась, в некоторых вопросах она придерживалась на удивление старомодных взглядов.

— Вовсе нет, мама. Он ведет себя пристойно. Но хочет получить свою долю за дом и бизнес.

— А ты в состоянии выплатить ее?

— Если повезет. Если нет, придется продать дом и закрыть галерею. Но я вывернусь наизнанку, лишь бы этого не допустить.

— Какая досада, что ты так прочно увязла в финансовых отношениях с ним! Я всегда знала, что добром это не кончится. — Об этом Талия не уставала напоминать дочери.

— Помню, мама. Но нам казалось, что мы всегда будем вместе.

— Все в этом уверены, пока не разбегутся. И если уж не судьба жить замужем, лучше остаться с отступными и алиментами, чем с разбитым сердцем. — Эту мудрость Талия усвоила твердо, о другой карьере она и не помышляла.

— Жизнь на алименты — это не работа, мама. По крайней мере я такой не хочу. Надеюсь, я все-таки выкручусь.

Как обычно, в первые же минуты разговора мать начинала раздражать ее.

— Почему бы тебе не взять и не продать дом? Без Тодда ты все равно не сумеешь поддерживать его в порядке. Этот сарай разваливается на глазах. — То же самое говорил и Тодд, уверенный, что без него Франческе ни за что не справиться с мелким ремонтом. Она уже решила доказать, что оба ошибаются. — Хотя бы кредитные выплаты тебе по карману? — продолжала расспросы мать, даже не пытаясь предложить помощь. Но Франческу это не удивляло. Беседа развивалась именно так, как она и предвидела, и слова «я же тебе говорила» повторялись в ней, словно припев. Никаких сюрпризов. Мама, как обычно, верна себе.

— Я решила сдавать часть дома, чтобы выплачивать кредит, — нехотя сообщила Франческа.

Ее мать мгновенно пришла в ужас и взвилась:

— Ты спятила? Пускать в дом неизвестно кого, случайных людей! Ты правда решила сдавать комнаты чужим?

— Я хочу сохранить дом, мама, значит, другого выхода у меня нет. Жильцов я буду выбирать осмотрительно, я не собираюсь пускать в дом кого попало. Сначала выясню, кто они такие, а потом подумаю.

— А потом окажется, что у тебя за стеной живет

маньяк-убийца, — встревоженно подхватила мать.

— Надеюсь, нет. Я постараюсь подыскать жильцов получше.

— По-моему, затея кошмарная. Ты об этом еще пожалеешь.

— Тогда и напомнишь мне, что предупреждала, — сухо заключила Франческа. Свою мать она знала слишком хорошо. Талия не упускала случая напомнить дочери о том, сколько ошибок она уже совершила и как она, Талия, пыталась предостеречь ее.

— И все-таки тебе следует передумать, — настаивала Талия.

— Не буду, — честно ответила Франческа. — Иначе не сумею выплатить кредит без Тодда. Как только галерея начнет приносить прибыль, я перестану сдавать комнаты. Но пока что выбора у меня нет. Придется стиснуть зубы и терпеть.

И не только чужих людей в доме. Франческа была готова на все, лишь бы сохранить галерею и дом: готова отказаться от уединения в собственном доме ради выплаты кредита, от отцовских картин — ради доли Тодда, но если отец не захочет вложить средства в ее бизнес, все пропало. Об этом даже думать не хотелось.

— Это полное безумие. Теперь я всю ночь не сомкну глаз, буду думать, кто теперь поселится с тобой в одном доме, и переживать.

— Не так страшно, если жильцов будет несколько. Для безопасности троих должно хватить.

— Должно-то должно, но хватит ли — неизвестно. И потом, если они подпишут договор аренды, тебе придется терпеть их все время, пока не закончится ее срок. Даже если эти люди окажутся неприятными, просто выставить их за дверь ты не сможешь.

— Не смогу. Поэтому постараюсь выбрать приятных, — деловито объяснила Франческа.

После этого она постаралась как можно скорее завершить разговор. Ее мать услышала все, что должна была узнать: о расставании с Тоддом, об отчаянных попытках сохранить галерею и дом. Ей незачем знать больше, особенно неприглядные подробности. Мать повела себя в точности так, как предсказывала Франческа: раскритиковала ее, но никакой помощи не предложила. Все-таки есть в мире постоянство.

Со звонком отцу было покончено быстрее и проще. От Франчески потребовалось только пригласить его завтра на обед и услышать, что он принял приглашение. За обедом она и собиралась

рассказать ему все, помня о том, что отец гораздо спокойнее и покладистее матери. С отцом они договорились встретиться в его любимом ресторане «Ла Гулю»[1]. Оттуда было близко до его галереи, в этом ресторане он часто бывал и даже считался чем-то вроде местных достопримечательностей, не простым, а знаменитым завсегдатаем. Отец явно был рад звонку.

— У тебя все хорошо? — спросил он перед тем, как закончить разговор. Приглашение встретиться прозвучало неспроста. Отец с дочерью редко бывали вместе на людях.

— Вполне. Завтра обо всем поговорим.

— Ладно. Мне давно не терпится повидать тебя, — галантно добавил он. В шестьдесят пять лет его голос в трубке по-прежнему звучал молодо. Он и выглядел моложе своих лет — впрочем, как и его жена. Франческа считала, что с виду ее матери можно дать намного больше лет, чем Эйвери: лихорадочные поиски нового мужчины придавали выражению лица Талии оттенок отчаяния и, подобно годам, старили ее. Отец держался гораздо свободнее, был дружелюбным

[1] Примечания: 1

«Ла Гулю» (La Goulue) — «прожорливая», прозвище французской танцовщицы Луизы Вебер, натурщицы Тулуз-Лотрека. — *Здесь и далее примеч. пер.*

и спокойным — благодаря не только характеру, доставшемуся от природы, но и поддержке Эйвери. А личная жизнь Талии зашла в тупик еще несколько лет назад. У Франчески на этот счет сложилась своя теория: ее мать слишком сильно жаждала близких отношений, и это желание проявлялось в каждом ее поступке. Такой урок стоило запомнить, особенно теперь, когда Франческа впервые за пять лет была свободна и могла ходить на свидания.

Эта мысль невероятно угнетала ее, она не была готова даже предположить, что когда-нибудь в ее жизни появятся другие мужчины. Втайне она мечтала о том, чтобы ей больше никогда не пришлось ходить на свидания. Новых отношений она не хотела, жизнь, в которой есть место свиданиям, считала худшей из возможных. Но ей предстояло подыскать себе трех соседей по дому, чтобы раздобыть денег и сохранить его, а со временем вновь начать с кем-нибудь встречаться, если только она не хочет провести остаток жизни в одиночестве. Решение важное, но с ним можно повременить. В конце концов, Тодд пока даже не вывез свои вещи.

Обед с отцом на следующий день прошел без приключений. Он подъехал к «Ла Гулю» в такси

как раз в тот момент, когда после краткой прогулки от ближайшей станции метро подошла Франческа. Как всегда, Генри притягивал к себе взгляды: в черно-белом твидовом пальто, купленном в Париже несколько лет назад, с поднятым от ветра воротником, в далеко не новой шляпе борсалино, привезенной из Флоренции, ботинках и джинсах, он выглядел и джентльменом, и художником. Морщины на его угловатом лице сбегали к квадратному подбородку с глубокой ямочкой, которая в детстве завораживала Франческу. При виде дочери Генри просиял и обнял ее. Холодности Талии в нем не было и в помине, всем видом он давал понять, что рад встрече.

Сообщить ему о разрыве с Тоддом оказалось легче, чем ожидала Франческа. Отец признался, что не удивлен, и добавил, что Франческа и Тодд всегда казались ему слишком разными. Сама она так не считала. Она думала, что общего у них даже слишком много. Поначалу так и было, но не теперь.

— В мире искусства он был просто туристом, — заметил ее отец, когда принесли обед. Генри заказал луковый суп и зеленую фасоль — он следил за своей фигурой, длинной, гибкой и тонкой, такой похожей на унаследованную Франческой.

Сытная и полезная домашняя стряпня Эйвери пришлась ему по вкусу. Франческа относилась к еде далеко не так внимательно, особенно с тех пор, как ушел Тодд. По вечерам она ленилась готовить ужин для себя одной, поэтому с недавних пор начала набирать вес.

— Я всегда был уверен, что когда-нибудь он вернется на Уолл-стрит, — добавил ее отец, принимаясь за луковый суп. Франческа заказала салат с крабами.

— Забавно… — откликнулась она, помолчав. — А я об этом даже не задумывалась. Но как видишь, ты оказался прав. Тодд говорит, что ему осточертело быть бедным.

Отец рассмеялся.

— Точно, совсем как мне, пока Эйвери не спасла меня.

Франческа объяснила отцу, что пытается выкупить у Тодда его долю дома и, виновато потупившись, добавила, что хотела бы продать несколько отцовских картин. К этому известию он отнесся со всем сочувствием. Франческа понимала, почему женщины обожали Генри. Покладистый, обаятельный, он никогда не опускался до критики и, казалось, был готов простить женщине что угодно. От такой реакции Франчес-

ке сразу стало легче, она поняла, что отец и не думает обижаться на нее. К тому времени принесли кофе, и Франческа, набравшись смелости, попросила отца помочь ей в галерее, вызвав у него улыбку. Эйвери намеками предупредила его, о чем пойдет разговор, добавила, что дочери нужна его помощь, и попросила быть с ней помягче. Но он догадался бы и без просьб. Дочь была его единственным ребенком, а Генри, считавший себя ненадежным отцом, по натуре был добрым человеком.

— Очень лестная для меня просьба, — отозвался он, отпивая фильтрованный кофе. — Правда, вряд ли в управлении галереями я смыслю больше тебя, скорее, гораздо меньше. Но я с удовольствием побуду твоим безмолвным партнером.

Франческа назвала сумму, которая нужна ей, чтобы рассчитаться с Тоддом, — не заоблачную, но превышающую все ее сбережения.

— Когда галерея начнет приносить прибыли, ты всегда сможешь выкупить мою долю, — твердо пообещал отец. — Тебе не придется вечно терпеть меня под боком.

— Спасибо, папа. — Франческа вздохнула с неподдельным облегчением. В этот момент, когда они улыбались друг другу, сходство между ними

было особенно заметным. От горячей благодарности на глаза Франчески навернулись слезы. Отец только что пообещал ей спасти галерею, ради которой она трудилась, не покладая рук, четыре долгих года.

После обеда позвонила Эйвери, и этот звонок стал первым шагом к возможности сохранить дом. Агент Генри пришел в восторг, узнав, что Франческа собирается продавать картины. На три полотна покупатели нашлись сразу же, еще две агент твердо рассчитывал продать в Майами не позднее декабря. Но даже денег от первых трех хватило бы, чтобы выполнить условия Тодда.

Отец попрощался и поспешил к себе в галерею, на встречу с агентом. Направляясь к входу в метро, чтобы вернуться в центр, Франческа чувствовала себя так, будто ее в последнюю секунду вытащили из-под ножа гильотины. Благодаря отцу и картинам, которые он подарил ей и которые за годы так заметно прибавили в цене, галерея и любимый дом останутся при ней. О таком исходе она не смела даже мечтать. Сбегая по ступенькам на станцию подземки, Франческа невольно расплылась в широкой улыбке. Жизнь определенно налаживалась, даже разрыв с Тоддом уже не казался трагедией. У нее пока есть надежда, есть

бизнес и дом, и очень милый папа.

Глава 3

Сразу после возвращения домой Франческа позвонила Тодду на работу с известием, что она рассчитывает отдать ему деньги — или по крайней мере большую часть суммы — в ближайшие несколько недель. Отец обещал, что Эйвери уже назавтра выпишет ей чек, которого как раз хватит на долю галереи, принадлежащую Тодду. А Эйвери заверила, что чек за первые три картины придет в течение месяца. Обещанное полностью устраивало Тодда.

— Значит, мне пора присматривать себе жилье, — грустно произнес его голос в трубке. — На выходных постараюсь съехать, — добавил он, и эти слова резанули Франческу как ножом по сердцу. О переезде Тодда они поговаривали уже не первый месяц, он давно не бывал дома в выходные, но только теперь разрыв вдруг стал близкой реальностью. Все кончено.

— Незачем так спешить, — негромко возразила Франческа. Они любили друг друга, думали, что всегда будут вместе, но что-то не сложилось, и это печалило обоих. Оказалось, проще сосредото-

читься на деловых вопросах, на галерее и доме, чем завести разговор об утрате, которая постигла обоих. Это была гибель мечты. Обоим и раньше случалось переживать расставания, но ни он, ни она еще ни с кем не жили так долго. Происходящее вдруг стало до боли напоминать развод. Франческа задумалась: как же быть с вещами, которые они покупали вместе, — с диваном, лампами, посудой, любимым ковром в гостиной? От этого вопроса защемило сердце. Но рано или поздно их пути все равно бы разошлись, думала Франческа и понимала, что этот довод ей ненавистен. И Тодда он не радовал.

— Я сообщу тебе, как только что-нибудь найду, — сказал он и заторопился на очередную встречу, которую оба восприняли как подарок судьбы. У Франчески мелькнула мысль: интересно, как скоро Тодд начнет снова ходить на свидания, когда познакомится с кем-нибудь? Или у него уже есть другая? Она никогда не спрашивала, чем он занимается по выходным, но сомневалась, что с кем-то встречается. В доме теперь они почти не сталкивались: Тодд возвращался поздно ночью и ложился в комнате для гостей на другом этаже.

Разговор с ним напомнил Франческе, что ей

пора подыскивать жильцов, если она не передумала оставлять дом себе. С ее плеч словно свалилась неподъемная ноша, но легче не стало — внезапно накатила тоска. Они с Тоддом не пылали ненавистью друг к другу, просто не могли больше жить вместе, каждый выбрал свой путь. Тодд заговорил о переезде в жилые районы, в привычный ему мир. Переселиться в центр он когда-то согласился только ради Франчески, а теперь спешил покинуть ее стихию. Наверное, ее отец прав, и Тодд не только в искусстве, но и в ее жизни был всего лишь туристом: поселился в чужой стране, прожил в ней несколько лет, а потом вернулся на родину. Франческа не винила его, только жалела, что у них ничего не вышло, и ее жалости хватало и на себя, и на Тодда.

В тот вечер она долго говорила об этом с Эйвери, надеясь услышать мудрый отклик.

— Нельзя заставить человека быть таким, каким он просто не создан, — напомнила ей Эйвери. — Он мечтает о том, что тебе ни к чему. По крайней мере говорит, что мечтает. Брак, дети прямо сейчас, пока он еще сравнительно молод, Уолл-стрит, право, а не живопись, — вот что ему нужно, как и традиционный мир, и жизнь в нем. Если он считает твой образ жизни богемным,

значит, так жить он не желает.

— Понимаю, — тихо произнесла Франческа. — Мне просто грустно. Тяжело будет видеть, как он переезжает. — Весь минувший год она провела в постоянной борьбе, и это было не легче. Но теперь они больше не спорили и не ссорились, как раньше, на протяжении нескольких месяцев. Они почти не разговаривали, разве что перебрасывались парой фраз, необходимых, чтобы завершить прежние отношения. Все это напоминало даже не развод, а смерть. За последние пять лет Франческа почти забыла, как больно видеть подобные финалы. Эйвери сочувствовала ей и радовалась, что Генри охотно согласился помочь дочери с галереей. По крайней мере у Франчески останется бизнес и дом. Значит, не все еще потеряно.

Франческа поделилась с Эйвери планами: как только у нее появится время, она займется поиском новых художников. Ей хотелось сделать все возможное, лишь бы галерея продолжала существовать и набирать популярность, а кроме того, она считала себя обязанной отчитываться перед отцом, хотя он и уверял, что не намерен вникать в дела галереи. Ему и без того хватало дел: весной намечалась выставка. Поддержку дочери он был готов обеспечить, но диктовать ей свои условия

не собирался. Франческа знала, что делает, оба понимали: пройдет еще немало времени, прежде чем галерея начнет приносить существенную прибыль. Отец относился к этому положению спокойно — в отличие от Тодда, которому не терпелось увидеть результаты. Но такой подход для художественных галерей просто-напросто не годился. Отец прав, Тодд действительно был случайным человеком в мире искусства. И теперь вернулся в свою стихию.

Вечером Франческа просмотрела в газете и в Интернете объявления тех, кто искал соседей и жилье. Ни одно из них не соответствовало ее требованиям. Подумав, она решила сама поместить объявление. Дом на Чарлз-стрит было решено разделить по этажам. На самом верхнем находилась маленькая солнечная гостиная, с которой соседствовали спальня площадью еще меньше и совсем крохотная ванная — впрочем, этих комнат вполне хватило бы одному человеку. Все три комнаты сейчас занимал Тодд. Этажом ниже располагалась спальня самой Франчески, в недавнем прошлом — их общая спальня с Тоддом, а при ней — гардеробная, отделанная мрамором ванная и кабинет, где работала Франческа.

Столовую под бывшей общей спальней она на-

меревалась превратить в гостиную, благо рядом была ванная для гостей, а библиотеку — в спальню для жильца, который пожелает арендовать весь этаж. Большую гостиную Франческа решила оставить за собой, кухня занимала помещение на уровне сада — просторная, солнечная, с удобной зоной столовой, которой смогла бы пользоваться и хозяйка, и все ее квартиранты. К кухне прилегала большая кладовая, где сейчас Тодд хранил свой спортивный инвентарь. Ее окно было обращено в сторону сада, при ней имелась приличная ванная, и вместе они, как студия, могли сойти для третьего жильца. Конечно, поначалу будет нелегко, но места в доме хватит для четверых — при условии, что все жильцы будут вежливыми, воспитанными и внимательными друг к другу. Итак, сдать можно верхний этаж, этаж под собственной спальней и студию рядом с кухней. Франческа была уверена, что все сложится как надо.

Тем вечером она составила подробное описание дома и каждого из сдаваемых помещений. Сперва она хотела подчеркнуть в объявлении, что комнаты сдаются только женщинам, но ставить лишние условия, с ходу отвергая достойных кандидатов, ей не хотелось. Поэтому упоминать про пол будущих жильцов она не стала, решив

сначала посмотреть, кто откликнется на объявление.

Она перечитывала объявление в последний раз, когда в дверь кабинета постучался Тодд, шагнул на порог и остановился с озабоченным лицом.

— У тебя все хорошо?

Он беспокоился за нее, по-прежнему считал, что без него она не справится, значит, должна продать этот дом. Однако он понимал, что ничего подобного она не сделает, — мало того, из упрямства будет прилагать все усилия, чтобы добиться своего, даже если ради этого ей придется впустить в дом чужих людей. Затея с жильцами казалась Тодду сумасбродством и внушала тревогу.

— Да, нормально, — усталым голосом откликнулась Франческа. — А у тебя?

— Даже не знаю. Странное ощущение, правда? Словно мы сами разводим наши пути. Я не думал, что это будет так болезненно. — Он казался беспомощным и грустным. Франческе вспомнилось все, что она любила в нем, и от этих воспоминаний стало совсем тошно.

— И я не думала, — честно призналась она. Но ни одному и в голову не приходило попытаться вернуть то, что между ними было. Если и было,

то ушло давным-давно, и стало ясно, что они слишком разные. Их разделяли «непримиримые противоречия», как в формулировке причин развода. И все-таки им было больно, несмотря на все трудности последнего года.

— Не представляю, что будет со мной, когда ты начнешь собираться. Пожалуй, уеду к папе в Коннектикут, чтобы этого не видеть.

Он кивнул, но ничего не сказал. К отъезду он уже был готов, но заранее тосковал, думая о том, как оставит Франческу здесь одну. Она была все так же красива, как пять лет назад, так же притягательна и мила, и все же оба они изменились до неузнаваемости. Они уже не принадлежали друг другу, стали фрагментами прошлого.

— Если после переезда понадобится моя помощь — звони. Мастер на все руки к твоим услугам. В следующей жизни, видно, быть мне сантехником. — Он грустно улыбнулся, вызвав у нее ответную улыбку. Ремонт в доме ему давно осточертел, но помощь он предлагал не из вежливости. Они не пылали ненавистью друг к другу, и в происходящем это обстоятельство было и лучшим, и самым досадным, усиливая грусть. Если бы они злились и скандалили, обоим давно полегчало бы, но в этой малости им было

отказано.

— Инструменты я оставлю тебе, — пообещал Тодд. Мысленно он добавил, что будет только счастлив оставить их здесь, чтобы больше никогда к ним не притрагиваться.

— Спасибо! — Она засмеялась. — Надо бы мне поскорее научиться пользоваться ими.

— А если кто-нибудь из жильцов окажется психом? Преступником? Аферистом? И обчистит дом? — спросил он, хотя и понимал, что Франческа решительна и смела и прекрасно знает, чего хочет. Ведь обходилась же она без него тридцать лет, пока они не встретились. Тодд не ошибся бы, предположив, что и без него она не пропадет. А скучать по ней ему предстояло все равно. Хотя и выяснилось, что Франческа не создана для него, он любил ее как человека, который навсегда занял особое место в его жизни. Тодд понимал, что будет всегда беспокоиться о ней и надеяться, что с ней ничего не случится. Те же чувства Франческа испытывала к нему.

— Попадутся такие — попрошу их съехать, — твердо заявила она.

Тодд поднялся к себе в спальню, а Франческа еще раз перечитала объявление. Завтра его предстояло отправить в газету и вывесить в

Интернете. А потом… неизвестно, что из этого выйдет. Трудно представить, что в этом доме поселятся три совершенно чужих человека. Это все равно что попасть в другой мир. Франческа решила разузнать всю подноготную будущих жильцов и разрешить им вселиться только после того, как Тодд найдет себе новое пристанище, но мысль начать поиски уже сейчас казалась ей удачной. Еще неизвестно, как долго придется искать троих, готовых жить с ней под одной крышей.

Ложась в постель той ночью, Франческа не могла подобрать названия своим чувствам. Ей становилось тревожно, стоило подумать о том, что Тодд скоро уедет, больно — при мысли об остальных событиях, которые неминуемо последуют, и странно, когда она гадала, кто же в конце концов поселится рядом. Дом номер 44 по Чарлз-стрит должен был вскоре измениться до неузнаваемости — как и жизнь самой Франчески без Тодда.

Глава 4

Объявление Франчески собрало неожиданно много откликов, большинство которых оказались возмутительными. Франческа была ошеломлена тем, что и как незнакомые люди охотно рассказывали о себе. Несколько только что вышли из реабилитационного центра или наркологической клиники и признавались, что снимать отдельную квартиру пока не готовы, поэтому с удовольствием поживут у нее. Всем без исключения понравилось описание дома. Среди ответивших было несколько пар, которым Франческа сразу объяснила: помещения, которые она сдает, слишком малы для двух человек, вдобавок она готова мириться всего с тремя жильцами. Одна пара с двумя детьми выразила желание арендовать две трети помещений, что никак не устраивало Франческу. Вдобавок она опасалась, что дети, мальчишки трех и пяти лет, разгромят ее дом. Двое претендентов недавно освободились из тюрьмы, где один отбывал срок за сексуальные домогательства. Другой уверял, что не совершал должностного преступления, за

которое его осудили. Какого именно — Франческа не спрашивала. Четырем лесбийским парам потребовался дом целиком, и они интересовались, готова ли Франческа переселиться куда-нибудь, на что она, разумеется, ответила отказом, ведь поиски жильцов она затеяла лишь для того, чтобы остаться в своем доме. По меньшей мере треть ответивших на объявление держали собак, как правило, крупных: немецких овчарок, лабрадоров, двух ирландских волкодавов, немецкого дога, родезийского риджбека, ротвейлера и питбуля. Такого соседства Франческа не хотела. Она уже гадала, ответит ли ей вообще хоть один нормальный человек — приятный в общении, без партнера, детей и собак, вредных привычек и судимостей. Теряя надежду, Франческа начинала думать, что Тодд и ее мать были правы. Или все претенденты ненормальны, или она сама — потому что ей вздумалось найти среди них трех здравомыслящих, порядочных жильцов. Может, таких нет во всем Нью-Йорке.

Незадолго до Дня благодарения ей позвонила молодая женщина, назвавшаяся Эйлин Флэндерс. Она сообщила, что в мае закончила Мэримаунтский университет Лойолы в Лос-Анджелесе, что родом из Сан-Диего, только что нашла работу и

перебралась в Нью-Йорк. Она была специалистом по коррекционному обучению и работала с детьми, страдающими аутизмом. Ни о каких реабилитационных центрах она не упоминала, о тюремных заключениях — тем более, объяснила, что живет одна и что у нее нет ни детей, ни собак. Начало обнадеживало. Правда, Франческа заподозрила, что Эйлин растатуирована с ног до головы, носит ирокез и пирсинг на всех частях тела, но первый телефонный разговор с ней прошел гладко. Эйлин объяснила, что хотела бы переселиться на новое место побыстрее, но пока живет в общежитии христианской ассоциации, где может провести еще несколько недель — последнее она добавила, узнав от Франчески, что дом освободится только к первому января.

Тодд уже нашел квартиру на Восточной Восемьдесят первой улице, у самой реки. В праздники, между Рождеством и Новым годом, он планировал уложить вещи и съехать первого января. До этого времени впускать в дом жильцов Франческа не собиралась: и ей, и Тодду было бы слишком больно видеть чужих людей в доме, который хорошо помнил эмоциональную бурю разрыва. Эйлин не возражала, она все равно собиралась на праздники домой, в Сан-Диего. Пока все вы-

глядело пристойно, и Франческа пообещала на следующий день показать ей дом.

Назавтра, открыв дверь и увидев на пороге Эйлин, Франческа сразу вздохнула с облегчением. Одетая в кроссовки «Найк» и джинсы, красное полупальто со шнурами и капюшоном, белые перчатки и пушистые наушники, Эйлин казалась малышкой с рождественской открытки. Волосы у нее были огненно-рыжие, лицо усеяно веснушками, глаза голубые, а улыбка обнажала ровные белые зубы. Она не пользовалась косметикой, выглядела пятнадцатилетней школьницей и явно волновалась в ожидании, когда ей откроют дверь.

Франческа пригласила ее войти, уже в холле между ней и гостьей завязался непринужденный разговор. Оглядевшись, Эйлин восхитилась прелестью дома. Простенок над парадной дверью украшало окно с витражом, узкая, но живописная винтовая лестница вела наверх. В приоткрытую дверь гостиной, которую Франческа оставляла для личного пользования, был виден мраморный камин. Эйлин спокойно выслушала известие, что часть мебели будет вывезена из дома уезжающим Тоддом, и обещание Франчески как можно скорее найти замену недостающим предметам

обстановки. Комната на верхнем этаже уже была обставлена вещами, которые не захотел забирать с собой Тодд. Если понадобится, Франческа была готова обставить и остальные помещения, которые собиралась сдавать.

Она провела Эйлин наверх, в комнаты, где еще были разбросаны вещи Тодда, так как ночевать он приходил сюда. Эйлин подошла к окну, отметила живописный вид на соседский сад за домом, заглянула в ванную и стенные шкафы и, похоже, осталась довольна увиденным. А Франческе пришлась по душе сама Эйлин, которая производила впечатление цельной и чистой натуры, девушки из провинциального городка, потерявшейся в мегаполисе. Эйлин рассказала, что она старшая из шестерых детей, и спросила, есть ли поблизости католическая церковь. Лучшей квартирантки Франческа и пожелать не могла. Эйлин была воплощением милой, дружелюбной, самой обычной девушки. Ничто в ней не вызывало тревогу или сомнение. Облегчение отчетливо читалось на лицах обеих.

Франческа показала гостье этаж ниже собственной спальни и объяснила, что столовая будет превращена в гостиную, а комната поменьше — в спальню. Помещения на этом этаже были про-

сторнее, но темнее, чем на верхнем, Франческа и Тодд выкрасили стены в травянисто-зеленый цвет, подходящий для столовой, но мрачноватый для гостиной и слишком мужской для Эйлин. А комнаты в самом низу Эйлин совсем не понравились. Она призналась, что будет бояться, как бы кто-нибудь не пробрался в дом через раздвижные двери, и вообще наверху она чувствовала бы себя спокойнее. Зато ее привела в восторг кухня в стиле кантри, мебель в которой Франческа и Тодд собрали и установили своими руками. Точнее, этим занимался Тодд, а Франческа наблюдала, подавала ему инструменты и приносила кофе. Кухня была их любимым местом в доме и обещала стать любимым местом Эйлин.

— Мне кажется, в этом доме жили люди, которые очень любили друг друга, — заметила Эйлин, и Франческа кивнула, не зная, что ответить, и пряча заблестевшие от слез глаза. Да, дом номер 44 по Чарлз-стрит еще недавно переполняли любовь и надежда. А теперь они рассеялись, и рядом с Франческой вместо Тодда появилась похожая на эльфа девушка из Сан-Диего. Несправедливо, но такова жизнь. За последние месяцы Франческе удалось смириться с этим, оставалось пережить трудный переходный период. А теперь разговор с

Эйлин напомнил Франческе: все, что происходит с ней сейчас, — это не сон. Так или иначе, гостья оказалась самой подходящей претенденткой из всех, кто откликнулся на объявление. Франческа была готова сдать ей верхний этаж — разумеется, предварительно убедившись, правду ли девушка рассказала о себе. Она назвала цену, и Эйлин преспокойно выслушала ее. Непомерной назначенная арендная плата не была, но ее хватило бы, чтобы покрыть четверть ежемесячной выплаты по кредиту Франчески.

— Пожалуй, это я потяну. Я думала, что сниму отдельную квартиру, может, с одной соседкой. Но все, что я до сих пор видела, стоило чересчур дорого. А здесь хоть и дороговато, но мне нравится, особенно то, что рядом будут люди. И безопаснее, и не так одиноко.

Франческа была готова с ней согласиться.

— Уже известно, кто остальные жильцы?

— Вы первая, кто мне подошел, — честно ответила Франческа, а потом рассказала, что расстается с близким человеком, который вскоре переезжает, и впервые будет сдавать часть комнат дома чужим людям.

— Сочувствую, — с неподдельной искренностью откликнулась Эйлин. — Я тоже рассталась с

близким человеком — еще там, в Лос-Анджелесе. Потому и уехала. Мы начали встречаться сразу после того, как я закончила учебу, а потом он вдруг словно спятил. Глаз с меня не спускал, почти выслеживал, когда я попросила не держать меня на коротком поводке. Однажды ночью он влез ко мне в окно и чуть не задушил. На следующий день я уволилась и уехала в Нью-Йорк. Это было месяц назад, мне очень повезло так быстро найти здесь работу. — Она вздохнула с таким облегчением, что Франческе стало жаль ее. Девушка выглядела настолько чистой, милой и невинной, что трудно было вообразить себе человека, которому могло прийти в голову душить или пугать ее.

— Хорошо, что вы уехали оттуда, — сказала Франческа, возвращаясь из кухни в холл. — Правда, психов везде хватает. — Со многими из них как потенциальными жильцами ей пришлось беседовать в последние дни. — В Нью-Йорке тоже нельзя забывать об осторожности. Но в нашем районе тихо и безопасно. На работу и обратно я хожу пешком — у меня галерея в нескольких кварталах отсюда.

— Вот здорово! — с восторгом воскликнула Эйлин. — Обожаю по выходным ходить в галереи.

В числе прочих сведений о себе Эйлин назвала телефон владельца ее лос-анджелесской квартиры. Там она жила последний год учебы и еще пять месяцев после ее завершения, после занятий работала в детском приюте и в детском саду для детей с особенностями развития. Все в ней говорило о цельности натуры, девушка была на удивление мила. Франческа пообещала позвонить ей сразу же, как только примет окончательное решение. Правда, вспомнила она, впереди длинные выходные, День благодарения, так что до понедельника созвониться не удастся, но в понедельник — обязательно. Эйлин это устраивало, она надеялась, что Франческа согласится видеть ее своей квартиранткой. И Франческа, и дом сразу полюбились ей. Эйлин призналась, что чувствует себя почти как дома, там, где выросла. Словом, обе остались довольны друг другом. Эйлин оказалась именно такой квартиранткой, о какой мечтала Франческа: Неприятных сюрпризов от нее можно было не опасаться. В наше время редко встретишь настолько чистого, пожалуй, даже идеального человека. Франческа сочла появление Эйлин знаком, что судьба на ее стороне.

Итак, первая квартирантка была найдена, поэтому Дня благодарения Франческа ждала,

слегка повеселев. Она знала, что в этом году ей придется нелегко: впервые за последние пять лет рядом с ней в праздничный день не будет Тодда. Он собирался к родным в Балтимор, а она — к отцу в Коннектикут. Мать Франчески уезжала в Палм-Бич к друзьям.

Утром, перед самым отъездом, Франческа и Тодд столкнулись в холле. Обменявшись взглядами, полными острой боли, они неловко обнялись.

— Удачной тебе индейки, — тихо произнесла она.

— И тебе, — отозвался он, бегло коснулся губами ее щеки и торопливо вышел. Снова испытав странное ощущение, Франческа вздохнула и направилась к своей машине, припаркованной на Чарлз-стрит. Процесс расставания порой казался ей бесконечным, но теперь, похоже, все-таки подходил к финалу. А Франческа даже не знала, радоваться этому или печалиться.

Сидя за рулем, по дороге в Коннектикут она опять задумалась об Эйлин и порадовалась счастливой встрече. Девушка казалась ей прямо-таки безупречной соседкой. Оставалось лишь дождаться ответа от хозяина квартиры, где она жила раньше, и убедиться, что первое благоприятное впечатление было верным.

В полдень, когда Франческа вошла в отцовский дом, у камина в гостиной уже потягивали шампанское человек десять, а Эйвери и сотрудники банкетной компании хлопотали на кухне. Индейка в золотистой аппетитной корочке выглядела великолепно. Спешить обратно в город Франческе не хотелось, она собиралась переночевать в гостях. Большинство приглашенных составили местные жители, друзья хозяев, и художники; среди них были и соседи с ухоженной фермы, и нью-йоркский арт-дилер Генри. Общество получилось стильным, интеллектуальным, интересным и жизнерадостным. Франческа знала почти всех присутствующих, в обществе друзей отца и Эйвери ей всегда было весело. В детстве Франческа редко виделась с отцом, а теперь обнаружила, что с ним приятно общаться. Генри относился к ней скорее как к близкой подруге, чем к дочери. Раньше, в юности, Франческу это часто озадачивало, ей хотелось иметь настоящего папу, как у всех, а не эксцентричного художника, который то и дело меняет молоденьких подружек. Все сразу изменилось после его женитьбы на Эйвери, но к тому времени самой Франческе уже минуло двадцать пять. Теперь же, в свои тридцать пять, она научилась принимать отца таким,

каков он есть — талантливым, добродушным, безответственным и компанейским. А с недавних пор к этим чувствам прибавилась глубокая благодарность за то, что он помог ей с галереей.

За обедом Генри объявил собравшимся, что теперь он официальный совладелец галереи Франчески. После обеда агент негромко сообщил ей, что буквально накануне продал по ее поручению еще одну отцовскую картину — по невероятной цене, так что вырученных денег должно было хватить, чтобы выплатить Тодду еще одну часть суммы, причитающейся ему за дом. Благодаря продаже четырех картин она почти рассчиталась с Тоддом. Еще одна сделка — и расчет будет полным. И она даже сможет оставить себе небольшую сумму. Все складывалось в точности так, как и было задумано, да еще и быстрее, чем ожидалось. Теперь оставалось только найти еще двух квартирантов, чтобы не опаздывать с выплатами по кредиту.

Ночь Франческа провела у отца и Эйвери, а днем в пятницу вернулась в город. На два праздничных дня она закрыла галерею, но в субботу собиралась вновь открыть ее. По субботам в галерею забредали не просто случайные посетители, но и серьезно настроенные покупатели. К

восторгу Франчески, эта суббота выдалась оживленной, в галерее побывало несколько молодых пар. Поначалу все они заметно нервничали, явно опасаясь, что цены окажутся неподъемными, но узнав, что они вполне доступны, возликовали. Именно в этом Франческа и видела смысл своей работы: ей хотелось помочь молодым коллекционерам встретиться с художниками, карьера которых только начиналась. Двум парам она продала три очень неплохих картины — больших, разумно оцененных и способных стать акцентом интерьера. Конечно, при таких ценах Франческа и не ожидала значительной прибыли, и все-таки ее душа пела при мысли о продаже сразу трех полотен, она знала, что их авторы будут в таком же восторге, как и покупатели. Галерея предлагала покупателям прекрасные образцы живописи, Франческа гордилась ею и каждым из художников, работы которых выставляла. Посетители, купившие у нее полотна в эти выходные, радовались удаче так искренне, что Франческа растрогалась. Так всегда с ней бывало. Ей уже не терпелось сообщить о сделках художникам, которым именно сейчас отчаянно недоставало хороших вестей. Посмеиваясь, Франческа сравнивала себя с наседкой, заботливо опекающей

цыплят. Вчерашние разговоры с друзьями отца, в том числе знаменитыми художниками, помогли ей взбодриться. В мир искусства она была влюблена всем сердцем и уже давно чувствовала себя деталью этого сложного механизма. Она служила связующим звеном между творцами, среди которых встречались редкие таланты, и коллекционерами их работ. Об этом она и мечтала, эту работу знала как свои пять пальцев. Она жила и дышала ею. Она умела высматривать удачные полотна, находить новые имена, умела вовремя дать художнику хороший совет, чутьем угадывала, что будет пользоваться спросом. Вот почему она была твердо убеждена: дайте только срок, и ее галерея будет приносить прибыль. В своем кабинете Франческа подолгу беседовала с художниками о творческом процессе, стараясь незаметно направлять их к новой фазе работы. Ей платили глубоким уважением.

Все воскресенье Франческа разбирала шкафы и готовила верхние комнаты к переезду. В понедельник утром первым делом позвонила прежнему хозяину Эйлин в Лос-Анджелес, желая побольше разузнать о своей будущей соседке. Домовладелец ответил, что Эйлин — очень милая девушка, что она не доставляла ему никаких

забот и всегда платила за жилье своевременно. На запрос, направленный в ее банк, через три дня пришел полностью устроивший Франческу ответ. Выяснилось, что у Эйлин нет судимостей, ее никогда не изобличали в неплатежеспособности, ее кредитная история чиста, за ней не числится неоплаченных счетов. Франческа позвонила девушке и сообщила, что она может переселяться второго января, через день после отъезда Тодда. Известие привело Эйлин в восторг. Теперь оставалось найти еще двух жильцов, но судя по тому, что успела повидать Франческа за последний месяц, ей предстояла нелегкая задача. Эйлин была редкой находкой, жемчужиной в своем роде. Но не может быть, чтобы в многолюдном Нью-Йорке не нашлось еще двух таких же жильцов, как она! Франческа по-прежнему регулярно просматривала объявления, но уже несколько недель натыкалась только на чудаков и психов. Иногда кандидатуры оказывались настолько чудовищными, что она лишь горестно смеялась, кладя трубку.

В выходные после Дня благодарения она поужинала с матерью в маленьком французском бистро, которое любили они обе, и победоносно сообщила, что нашла Эйлин. Ее мать по-прежнему

считала затею с жильцами безумием, но с годами Франческа научилась не придавать ее мнению особого значения. Кстати, такой квартирантки, как мать, в своем доме она бы не потерпела.

Талия посвятила дочь во все подробности сезона в Палм-Бич. Ее светская жизнь всегда была насыщенной, особое пристрастие она питала к модным водам, Палм-Бич, Ньюпорту, Сен-Тропезу, Сардинии, зимой выезжала в Санкт-Мориц, Гштад и на Сент-Бартс. Талия никогда не работала, но благодаря бывшим мужьям могла позволить себе любые поездки. Она потакала себе во всем, была утонченной сибариткой, а Франческа считала мать донельзя избалованной. Ее заботила лишь собственная персона. В прошлые выходные в Палм-Бич она побывала на пышном балу дебютанток и долго, в мельчайших подробностях описывала Франческе свой бальный туалет. Тот и вправду был хорош, но Франческе наскучил бесконечный рассказ. Она уже давно научилась машинально издавать невнятные возгласы и менять выражения лица, изображая интерес. В который раз Франческа задумалась о том, как уживались друг с другом ее родители… впрочем, во времена их супружества ее отец был сексуален и молод, а мать лишь позднее стала

избалованной снобкой.

Все еще красивая, Талия выделялась в любой толпе — рослая, статная блондинка, как ее дочь, с большими зелеными глазами и нежной шелковистой кожей. Прекрасную форму она поддерживала с помощью личного инструктора, в еде была привередлива. На встречу с дочерью она явилась в шубе, сверкая сапфирами в ушах, подобранными точно в тон стильного темно-синего шерстяного платья от Диора. Она легко переступала ногами в туфлях на сексуальных шпильках. Мужчины всегда слетались к Талии, как пчелы на мед, несмотря на возраст, но серьезных отношений у нее уже давно ни с кем не возникало. Слишком уж экзотической птицей она казалась, слишком много в ней было эксцентричности, вдобавок об избалованности и привычке к роскоши она заявляла всем своим видом. Франческа обычно называла мать «колоритной», подразумевая, что она не без странностей. После праздников Талия собиралась лечь в клинику для похудения, а к лету успеть сделать абдоминопластику. В бикини она по-прежнему была неотразима — как и Франческа, которой было недосуг демонстрировать фигуру в купальниках. Поднимая соскользнувшую с колен салфетку, Франческа

мельком взглянула на собственные и материнские ноги под столом и невольно улыбнулась. Настолько высокими, как на сегодняшних туфлях из лакированной черной кожи, шпильки Талии еще никогда не были. Сама Франческа, успевшая до обеда продать две картины, пришла на встречу в джинсах и кроссовках. Между ними не было решительно ничего общего.

— Какие у тебя планы на Рождество? — с сияющей улыбкой спросила Талия, словно общалась не с дочерью, а с племянницей, с которой виделась раз в году. Из вопроса следовало, что проводить с Франческой Рождество сама Талия не намерена. Как обычно. Чаще всего она уезжала кататься на горных лыжах в Швейцарию или же на остров Сент-Бартс в Карибском море, особенно если кто-нибудь приглашал ее на яхту, что случалось довольно часто. Жизнь Талии напоминала бесконечный отпуск с вояжами круглый год.

— Может, съезжу к отцу, — туманно отозвалась Франческа.

— Мне казалось, он уезжает кататься на лыжах в Аспен. — Мать слегка нахмурилась. — Если не ошибаюсь, так сказала Эйвери. Мы созванивались недавно.

— Значит, останусь дома. Не стоит закрывать

галерею, так что мне будет чем заняться, а Тодд как раз переезжает.

— Очень жаль. Вам следовало пожениться. Может, тогда не разбежались бы так скоропалительно.

— Если отношениям пришел конец, бумажкой с печатями их не восстановишь, — бесстрастно возразила Франческа.

— И то верно. — Мать обаятельно улыбнулась. — А я вечно в кого-нибудь влюблялась, — добавила она, и Франческа не стала напоминать, что последняя влюбленность Талии давно в прошлом. — Может, на Сент-Бартсе кого-нибудь встречу, — мечтательно продолжала Талия, и ее лицо осветилось надеждой. Она ни на минуту не переставала надеяться на новую любовь и брак. Годы без замужества она считала пустой тратой времени. Охотница в ней всегда была начеку.

Франческа сменила тему, рассказала о первой выбранной квартирантке, и мать недовольно нахмурилась.

— Даже если она состоит в организации герлскаутов и выглядит, как Крошка Бо-Пип, это меня не убеждает. По-моему, ты все-таки делаешь глупость, впуская в дом посторонних. Ты же понятия не имеешь, кто они такие и что с собой

притащат.

— Мама, если я хочу сохранить дом, у меня нет выбора.

— Лучше бы ты подыскала себе квартиру.

— Мне не нужна квартира. Я люблю свой дом.

— В таком доме невозможно жить без мужчины. Это просто небезопасно.

— А может, я найду жильца-мужчину, — осторожно возразила Франческа, вспоминая, сколько потенциальных кандидатов уже расспросила и насколько неподходящими они оказались — разумеется, об этом в разговоре с матерью и заикаться не стоило.

— Тебе нужен муж, Франческа, — попыталась вразумить ее Талия и рассмеялась: — Как и мне.

И в том, и в другом Франческа не могла с ней согласиться, но промолчала. Мать часто отпускала подобные замечания, ловиться на такую приманку не следовало. В этом просто не было смысла.

— Так когда ты уезжаешь на Сент-Бартс, мама? — спросила Франческа, надеясь вернуться к нейтральным темам.

— За два дня до Рождества. Дождаться не могу. Я так устала от здешней зимы! А потом — кататься на лыжах в Швейцарию. Тебе тоже не мешало бы развеяться.

Мать жила на другой планете, в мире вечеринок и поездок, и даже не представляла себе, как много работает Франческа. Все, что имела Франческа, она заработала своим трудом, начав с нуля. Отец оплатил ее обучение, но в дальнейшем она ни от кого не зависела. Мать и не думала делиться с ней состоянием, доставшимся от бывших мужей, считая, что в каком-то смысле заработала его.

Как всегда, обед в обществе матери оставил у Франчески чувство эмоциональной опустошенности. Их разговоры были поверхностными, им недоставало глубины и смысла. Хорошо еще, что встречи с отцом ее неизменно радовали.

На той неделе он заглянул в галерею и купил для Эйвери маленькую картину, уверенный, что приобретение придется его жене по душе. Франческа сделала ему скидку, как партнеру, поэтому картина досталась ему чуть ли не даром, но он признался, что это полотно выбрал бы в любом случае. Он поразился, узнав, что Франческа часто бывает на выставках и ярмарках искусств в других городах, ищет новые, еще неизвестные широкой публике имена, проводит часы в мастерских, вместе с художниками изучая их работы. В галерею Франчески попадали только

достойные картины. Генри был почти убежден, что один или двое нынешних подопечных его дочери со временем смогут снискать громкую славу. Франческа объяснила, что картины художника, одну из которых купил Генри, пользуются устойчивым спросом, на День благодарения она как раз продала несколько, размерами побольше. Правда, Генри считал, что цены в галерее слишком занижены, хотя и выгодны для покупателей. Тем временем Франческа заявила, что готовность потратить деньги у людей чаще всего появляется перед праздниками. Радужное настроение отца объяснялось тем, что он сам только что продал одну из своих лучших работ. Часть вырученной суммы он сразу отложил на новый «рейнджровер» для Эйвери: ей всегда хотелось иметь такую машину, но, несмотря на финансовые успехи, она по-прежнему ездила на старенькой «тойоте» и, хотя Генри уверял, что это небезопасно, отказывалась сменить ее. Он по секрету сообщил Франческе, что хочет сделать жене сюрприз и перед отъездом в Аспен преподнести ей на Рождество машину.

Запирая галерею ближе к вечеру в сочельник, Франческа вдруг замерла, пораженная мыслью: ее родителям нет дела до того, как она проведет

Рождество. У них, как всегда, свои планы. Рядом с Тоддом праздники преображались, но не в этом году. Сейчас свои планы появились и у него — в отличие от Франчески. Конечно, она могла бы позвонить друзьям, навестить их или знакомых художников, но настроение к этому не располагало. Два приглашения в гости она уже отклонила. В этом году ей хотелось побыть одной, точнее, наедине со своей меланхолией. Переезд Тодда неумолимо приближался, по прибытии домой Франческу встретил штабель коробок в холле. Значит, он все-таки уезжает. Франческа была готова к этому, но все равно загрустила. Не поддаться унынию на ее месте не сумел бы никто.

Сочельник она провела у экрана, смотрела один фильм за другим и жевала ужин из китайского ресторана. Ставить и наряжать елку она раздумала и не жалела об этом. Ей хотелось, чтобы праздники пролетели как можно быстрее. После Нового года начнется совершенно другая жизнь. Опять одинокая.

На Рождество родители позвонили ей, Тодда она видела мельком — он куда-то убегал. Тодд помахал ей, улыбаясь, но не переставая говорить по мобильнику. Франческа отметила, что он в костюме, и задумалась: куда он идет и с кем? Теперь

ей даже не верилось, что совсем недавно они жили вместе и думали, что у них есть что-то общее.

Днем она долго гуляла по Уэст-Виллидж, улыбалась парам, которые вывели на прогулку детей. Навстречу то и дело попадались радостно взбудораженные люди, нагруженные коробками в подарочной упаковке, а один раз Франческа увидела, как из машины выбрался Санта-Клаус в красном бархатном костюме, надел колпак, нацепил бороду и заспешил поздравлять кого-то. Странно было оставаться одной в такой день, но Франческа ничего не имела против, и это ее забавляло. Одиночество гораздо проще вынести, чем необходимость притворяться, будто она счастлива. Ей представилась мать на яхте в Карибском море, с надеждой ждущая своего очередного мужчину, отец и Эйвери в Аспене, и Франческа вдруг поняла, что даже рада возможности наконец-то побыть одной. Тем вечером она улеглась спать пораньше и вздохнула с облегчением: праздники заканчивались.

А потом наконец наступил день, которого она ждала уже несколько месяцев и боялась дождаться. Накануне наступления Нового года она забралась в постель в девять вечера, к полуночи крепко спала, а утром проснулась от грохота

шагов Тодда, бегающего вверх-вниз по лестнице и перетаскивающего свои коробки. Он заказал грузовик, ему пришли помочь двое товарищей. Франческа понуро побрела в гостиную и успела увидеть, как из нее выносят диван. Они с Тоддом уже договорились, как поделить вещи, за этот диван он охотно заплатил. Добротный, обитый коричневой кожей, диван прекрасно вписывался в интерьер. Теперь придется покупать новый. Тодд согласился оставить ей кровать и почти всю обстановку спальни, хотя эти вещи покупал он. Но диван и два глубоких уютных кресла уезжали вместе с ним в новую квартиру. Провожая их взглядом, Франческа едва сдержала тошноту. Ей казалось, будто у нее отпилили конечности и сложили в картонные коробки, завернув пузырчатой пленкой и засыпав полистироловыми шариками, и что вместе с бокалами для вина, которые тоже покупал Тодд, дом покидает ее сердце.

К середине новогоднего дня все было кончено. Кузов грузовика до отказа набили вещами, Тодд разыскал Франческу на кухне. Стоя у окна, она отрешенно смотрела на зимний сад.

— Уезжаю, — тихо произнес он, когда она обернулась, и увидел, что по ее щекам стекают слезы. Тодд обнял ее, сам едва не плача. — Глупо это зву-

чит, но я тебя люблю. Прости, что все так вышло.

— И я. И я тебя люблю.

Но как бы больно ни было обоим, как бы они ни были привязаны друг к другу, оба понимали: это к лучшему. Они все равно расстались бы, если не сейчас, так потом.

— Позвони мне, если что-нибудь понадобится. Я приеду в любое время и помогу.

Она кивнула, не в силах выговорить ни слова. Он поцеловал ее в лоб, круто повернулся и почти побежал к лестнице, оставив плачущую Франческу посреди кухни. Через несколько минут хлопнула входная дверь. Он ушел. Казалось, кто-то вырвал у нее сердце. И Тодду в эту минуту было не легче — Франческа знала наверняка. То, во что ей не верилось до последней минуты, наконец случилось. Весь дом принадлежит ей, Тодд на Чарлз-стрит больше не живет. Ей осталось лишь одно: следовать дальше своей дорогой. Зная наверняка, что Тодд уже так и сделал.

Глава 5

На следующий день после отъезда Тодда Франческа купила цветов почти для каждой комнаты. Она отдраила кухню, пропылесосила коридоры, убедилась, что на верхнем этаже порядок, и к полудню, когда прибыла Эйлин, дом выглядел опрятно и гостеприимно. Широко улыбаясь, Эйлин шагнула через порог, навстречу ждущей Франческе. С собой девушка привезла четыре чемодана, несколько коробок и три пакета из магазина обуви. Франческа предложила помочь ей отнести вещи наверх, и Эйлин смущенно указала на обувные пакеты:

— Извините, на Рождество я что-то разошлась. Сначала впала в депрессию, а потом у меня случился приступ обувного обжорства. В чемодан они не влезли.

— Ничего страшного. — Франческа улыбнулась ей. — Я еще и не такое видела: моя мама обувная фетишистка. У меня зависимость от «Найка», зато мама носит такие шпильки, что от одного вида кружится голова.

— Я тоже такие люблю, — призналась Эйлин,

пока они ставили вещи на пол в спальне верхнего этажа. После этого Эйлин спустилась в холл за остальным.

Тем днем атмосфера в доме изменилась. Накануне во всех комнатах пеленой висели уныние и скорбь, а сегодня Франческа проснулась с ощущением свободы. Самое страшное наконец произошло и осталось в прошлом. Тодд уехал. Конечно, Франческе было грустно, но она уже не изнывала от опустошенности, как в те минуты, пока наблюдала, как он грузит свое имущество в грузовик и уезжает. Худшее позади. Как ни странно, отъезд Тодда мало что изменил, ведь они уже несколько месяцев жили порознь, разве что больше не придется сталкиваться с ним в дверях или на лестнице. Почти целый год они двигались параллельными курсами. Спустившись в кухню, Франческа застала там Эйлин и отметила, как забавно девушка смотрится в доме. Наступило воскресенье, галерея была закрыта, Франческа решила просто дать себе отдохнуть.

При виде хозяйки дома Эйлин широко улыбнулась. В ее манерах было много детского.

— Я без ума от своих комнат. Такая прелесть! Кстати, спасибо вам за цветы! — восторженно выпалила Эйлин, имея в виду вазу с розовыми

гвоздиками и розами, которые Франческа накануне днем поставила ей в спальню. — Наконец-то у меня такое чувство, будто я вернулась домой. С тех пор как я сюда приехала, пришлось жить на чемоданах. Так приятно, когда можно разложить вещи и устроиться, — видимо, ее не раздражала даже необходимость бегать по лестнице на верхний этаж. Заметив на кухонном столе компьютер, она с надеждой взглянула на Франческу: — Нельзя ли мне проверить свою электронную почту? Своего ноутбука у меня пока нет…

— Пожалуйста. — Франческа и правда не возражала. Ноутбуком, который они с Тоддом привыкли оставлять на кухне, она пользовалась редко, а рабочий компьютер держала в кабинете.

— Я только на минуточку. — Эйлин подключилась и улыбнулась, читая свою почту. Один раз она даже рассмеялась, вызвав улыбку у Франчески, которая незаметно покинула кухню и поднялась к себе. Хорошо, когда в доме есть люди. Дом, казалось, постепенно оживал, наполнялся радостью после того, как много месяцев подряд простоял мрачным и опустевшим. Франческа уже почти жалела, что без еще двух жильцов ей никак не обойтись. Лучше, конечно, жить вдвоем с Эйлин, но пока для нее это непозволительная

роскошь. Нужны еще двое, а пока приличных претендентов не попадалось. Перед Рождеством от звонков и писем чудаков и психов у Франчески не было отбоя. Нашлась, правда, одна женщина, судя по голосу, приличная, только что переселившаяся в Нью-Йорк из Атланты, но она нашла себе другое жилье, не успев даже побывать на Чарлз-стрит. Скорее бы уж кого-нибудь найти. Денег, полученных от Эйлин за аренду, на выплаты по кредиту не хватит.

Днем Франческа вздремнула, что случалось с ней редко, — видимо, сказались вчерашнее прощание с Тоддом и эмоциональная опустошенность после него. Тодд обещал звонить, но Франческа не знала, сдержит ли он обещание, а если и сдержит, нужны ли ей эти звонки. Потерять связь с Тоддом было бы обидно, но прямо сейчас поддерживать ее не хотелось. Им обоим пока что предстояло проделать часть пути в одиночку.

К ужину Франческа спустилась в кухню, где снова увидела Эйлин, доедающую суп возле компьютера. Девушка извинилась сразу же, как только Франческа вошла в комнату, налила себе стакан молока и взяла яблоко. Суп у Эйлин был свой, угощаться за счет хозяйки дома она

явно не собиралась. Франческа решила, что это добрый знак: ей досталась хорошо воспитанная квартирантка.

Франческа присела за стол и увидела, что Эйлин зашла на один из сайтов знакомств и теперь просматривает фотографии.

— А вы когда-нибудь пробовали? — с проказливым видом спросила Эйлин и хихикнула. — Мне так нравится! Все равно что заказы на дом, только не еды из ресторана, а парня. Я еще в колледже попробовала в первый раз. Познакомилась с отличными ребятами из Лос-Анджелеса и Сан-Диего. С одним даже встречалась почти год, пока он не напился и не ушел в морпехи.

— Не думала, что люди до сих пор творят такое… в смысле, напиваются и вдруг решают уйти в армию. Нет, в Сети я никогда и ни с кем не знакомилась. По-моему, это слишком опасно. Мне было бы страшно встретиться с сетевым знакомым наяву. Неизвестно, какой он на самом деле.

Идея интернет-знакомства и вправду внушала ей чувство, близкое к отвращению. Отчаянный и жалкий шаг. Гораздо безопаснее знакомиться через своих друзей и знакомых. Правда, Франческа знала немало пар, которые не только познакомились в Интернете, но и поженились вскоре

после этого.

— Со временем развивается шестое чувство: заранее знаешь, каким окажется новый знакомый. Из всех, с кем я встречалась, противными были разве что двое.

— Значит, вы много с кем встречались? — с интересом спросила Франческа. Ее удивило, что эта миловидная, дружелюбная девушка, воплощенная заводила из команды поддержки, ищет знакомства в Интернете. Эйлин могла бы заполучить любого мужчину, стоило ей только захотеть! Вместе с тем Франческа знала, что не так-то просто найти своего единственного, свою половинку, потому в Сети и существуют службы знакомств.

— Вообще-то нет. Так, баловалась, когда было больше нечем заняться.

Франческа задумалась: может, ей стоило бы составить список правил и в первую очередь запретить жильцам приводить к себе гостей? Нет, пожалуй, так командовать она не имеет никакого права. Она хозяйка дома, а не воспитательница в женском общежитии и уж тем более не мать. Они с Эйлин обе взрослые, у каждой своя жизнь, и кого бы Эйлин ни привела домой, жить с этим человеком ей, а не Франческе. Нет, пусть решает

сама. Франческа направилась к себе, кусая яблоко на ходу, а Эйлин все сидела перед открытой страницей с фотографиями. Хочется ей знакомиться в Интернете — ее дело, и не важно, насколько разумным кажется Франческе такой шаг. Просто ей самой он не подходит.

До сих пор Франческа даже не задумывалась о том, что могла бы с кем-нибудь встречаться, и не испытывала ни малейшего желания заводить новые знакомства. Она еще не готова. Эйлин полна жизни, она в новом для нее городе, возможности которого неисчерпаемы. А Франческа старше и осторожнее. Электронные «свахи» ее ничуть не прельщают. Если она и будет с кем-нибудь встречаться, то познакомится по старинке — через друзей и подруг, на вечеринке у знакомых или у себя в галерее. Но пока ей не хочется не то что встречаться — даже смотреть на мужчин. И потом, у нее все равно нет времени, поиск в Сети она будет вести лишь с одной целью: отыскать еще двух жильцов.

Это случилось лишь спустя две недели, в середине января. На объявление Франчески ответил человек, показавшийся ей по голосу вполне нормальным и здравомыслящим. Он представился дизайнером, объяснил, что почти все время ра-

ботает дома, изредка уезжает в деловые поездки, платежеспособен и подыскивает жилье вроде того, которое предлагает Франческа. В разговоре также выяснилось, что он недавно развелся, что своей мебели у него нет и что ему хватит спальни и маленького кабинета — лишь бы нашлось место для чертежной доски и стола с компьютером. Пока еще свободный этаж в доме Франчески и ее бывшая столовая подойдут. Они договорились о встрече, чтобы собеседник Франчески смог приехать осмотреть дом. По телефону он упомянул, что ему тридцать восемь лет, а при встрече объяснил, что у него есть семилетний сын, который проводит с ним половину выходных каждого месяца.

— Вы не будете возражать? — с тревогой спросил он. Подобные объявления о сдаче жилья ему уже попадались, но везде было четко сказано, что о присутствии детей не может быть и речи. После затянувшейся паузы Франческа наконец кивнула:

— Думаю, это приемлемо, если ребенок не будет находиться здесь постоянно. — Она сочла, что четыре выходных дня в месяц — это немного. Крис Харли заметно успокоился. Он оказался высоким и худым, с волосами песчаного оттенка, серы-

ми глазами и серьезным лицом. Его бледность невольно наводила на мысль, что солнечного света он не видел годами. Если бы не хмурый вид, он мог бы считаться интересным мужчиной.

Во время встречи он говорил очень мало, если не считать вопроса о сыне. Он осмотрел комнаты, остался доволен и негромко объявил: «Я согласен». Во время экскурсии по дому он не охал и не ахал, как Эйлин. Ok вообще ничем не выражал свое отношение к тому, что видел. Франческе показалось, что он слишком погружен в себя, но против этого она ничего не имела. В конце концов, они не на свидании, им незачем знакомиться ближе и становиться друзьями. Ей требуется знать только одно: ответственный ли он человек и сможет ли платить за жилье? Романтика тут ни при чем. Похоже, и потенциальный жилец не интересовался знакомствами. Показав ему будущее жилье, Франческа провела его вниз, в кухню, а также в комнату рядом с ней. Но гость уже решил, что наверху ему будет удобнее. Студия рядом с кухней показалась ему слишком тесной, вдобавок жить рядом с кухней ему бы не хотелось. Он сам предложил приобрести мебель для спальни, чему Франческа была только рада.

Когда они зашли в кухню, Эйлин уже была

там и снова сидела за компьютером, за которым проводила уйму времени не только в поисках знакомств, но и проверяя электронную почту. Вскинув голову, она улыбнулась Крису, а позднее сказала Франческе, что он «симпатяга». Франческе уже казалось, что ее квартирантка чересчур помешана на парнях. По вечерам она куда-то уходила, но никто из ее знакомых в доме не появлялся и не доставлял Франческе никаких хлопот. Крис Харли пока что производил впечатление подходящего жильца, хотя Франческа не знала о нем ничего, кроме того, что он разведен, работает дизайнером и считает, что может позволить себе такое жилье. Большего ей и не требовалось — разве что выяснить в банке, не числятся ли за ним какие-нибудь грешки.

Крису она задала те же вопросы, что и Эйлин, получила от него информацию и вдруг заметила, что его лицо кажется ей знакомым. Как будто она уже однажды встречалась с ним. А может, ей просто померещилось. Во всяком случае, предварительно они договорились, Франческа пообещала проверить все, что сочтет нужным, в ближайшие дни, и если никаких сомнений у нее не возникнет, Крис может переселяться к ней когда угодно, чем раньше, тем лучше. Значит,

вскоре у них будет еще один сосед.

Покидая дом на Чарлз-стрит, Крис Харли выглядел довольным. Франческа обещала позвонить ему сразу же, как только получит результаты проверки. Но судя по виду Криса, проблем с арендной платой и счетами у него быть не могло: он вел себя обстоятельно, проявлял умеренность во всем, его речь выдавала образованного и воспитанного человека. Он объяснил, что разрабатывает промышленную упаковку, и предложил Франческе свою визитку. Неприязни в ней он не вызвал, а своему чутью она привыкла доверять. Такого цельного и порядочного мужчину было бы приятно видеть в доме.

Об этом Франческа сказала Эйлин, пока они наводили порядок на кухне.

— Да еще и красавца, — словно невзначай добавила Франческа, а Эйлин пожала плечами:

— Слишком он какой-то обычный и скучный. Не по мне.

Франческа чуть было не спросила, а кто Эйлин по душе, если не считать десятков мужчин, которых она выискивала в Интернете, просматривая бесчисленные фотографии.

— И потом, глупо связываться с соседом. Когда соседство настолько тесное, о комфорте можно

забыть!

С этим они дружно согласились.

— А если не поладим, кому-то из нас придется съезжать. Так что лучше уж я обойдусь теми, с кем знакомлюсь в городе или в Интернете.

В настоящий момент Эйлин переписывалась с полудюжиной перспективных кандидатов, и Франческа понятия не имела, с кем из них девушка встречается, а с кем нет.

К удовольствию Франчески, кредитная история Криса оказалась безупречной. Он годился во вторые жильцы, она решила ответить ему согласием, несмотря на то что пока не видела его сына и, в сущности, не считала, что это необходимо. В конце концов, что такого ужасного может натворить семилетний ребенок? Четыре дня в месяц — пустяки. Она позвонила Крису по рабочему номеру и сообщила, что он может переселяться к ней, когда пожелает.

— Замечательно! — обрадовался он. — На выходных и перееду. Вещей у меня немного, все необходимое для спальни я куплю завтра.

В душе Франчески шевельнулось любопытство: почему же он все-таки не снял отдельную квартиру? Но спрашивать она не стала. Если он не желает жить отдельно, тем лучше для нее. Про-

должая разговор, Крис обмолвился, что оставил бывшей жене все, что имел, так что теперь у него есть только одежда, стопка книг и две картины. От жены и сына он ушел практически с пустыми руками и поселился в отеле, где и жил уже два месяца. Увидев объявление о сдаче жилья в особняке, он решил, что было бы неплохо для разнообразия пожить где угодно, только не в многоквартирном доме.

С приездом Криса атмосфера в доме вновь изменилась. Он привнес в нее обстоятельный и весомый оттенок, вел себя так серьезно и невозмутимо, что Франческа была готова поклясться: этот человек не создаст ей никаких проблем, ужиться с ним будет проще простого. Именно таким Франческа хотела видеть своего жильца или соседа. Но на Эйлин он почти не произвел впечатления.

— Слишком он тихий, — без особого интереса заметила она. Криса она сочла еще и стариком. Эйлин нравились ровесники, недавно закончившие колледж, как она сама. А Крис в свои тридцать восемь казался не просто зрелым, а старым, пожалуй, даже старше Тодда. Франческа подозревала, что его состарило или отцовство, или развод. Так или иначе, она не сомневалась,

что Крис — взрослый, ответственный человек, именно такой, каким и должен быть квартирант.

Свою чертежную доску и принадлежности для рисования Крис перевез на новое место в ближайшие выходные и аккуратно поставил на пол в холле — рядом с гантелями, телевизором с плоским экраном, аудиосистемой и чемоданом с одеждой. Мебель для его спальни привезли днем раньше, и Франческа обнаружила, что он приобрел двухэтажную кровать, что показалось ей странным. Она не сразу сообразила, что вторая кровать предназначена для сына.

После переезда Крис закрылся у себя, на следующий день Франческа его не видела, так как рано ушла в галерею. А к тому времени, как вернулась, Крис успел спуститься в кухню, приготовил себе какой-то незамысловатый обед и снова ушел работать. Эйлин уехала на все выходные.

В доме воцарились тишина и порядок. Нового жильца Франческа увидела лишь в воскресенье на кухне, где он варил себе кофе. Она спросила, все ли его устраивает, и он подтвердил, что все и полностью. Присев к кухонному столу, Крис выпил кофе, прочитал газету, налил себе вторую чашку и вскоре ушел наверх. Вступать в разговор

он не пытался, в его глазах Франческа разглядела печаль. Что бы ему ни довелось пережить, распространяться об этом он не желал. Похоже, заводить друзей на новом месте он не собирался, был приятен в общении, вежлив, но так же холоден, как во время знакомства. Франческа рассудила, что это к лучшему.

Вечером, позвонив Эйвери, она рассказала о новом квартиранте.

— Прямо идеал жильца, — заметила Эйвери. — Тактичен, воспитан, платежеспособен. А его сына ты уже видела?

— Пока нет. Наверное, увижу в следующие выходные.

— Будем надеяться, что он не сорванец.

— Крис не похож на человека, способного терпеть детские шалости. Он, похоже, и шутить-то не умеет. В нем есть что-то печальное, даже трагическое. А еще он постоянно молчит.

— Может, просто переживает трудные времена. Или такой по натуре. Не всем же быть обаятельными болтунами, как твой отец! — Они обе рассмеялись. — А что насчет нижних комнат? — Эйвери поразилась тому, как быстро нашлось сразу двое жильцов, еще удивительнее было то, что с жильцами Франческе несказанно повезло:

квартирантка мила и приветлива, квартирант серьезен и ненавязчив. Лучше и быть не могло. — От Тодда нет вестей?

— Несколько дней назад он звонил в галерею, но я как раз уезжала к художнику за новыми работами. — Ради экономии, чтобы снизить накладные расходы, со многими делами Франческа справлялась сама. — Оставил сообщение: он надеется, что у меня все в порядке. Неприятно в этом признаваться, но я скучаю по нему. Скучаю по тому, как все начиналось, а не как продолжалось, особенно весь последний год. Словом, живу себе потихоньку. Только и делаю, что хожу на работу, возвращаюсь домой поздно вечером, ужинаю, смотрю телевизор и засыпаю.

— Все еще наладится. Но тебе не мешает выбраться на люди, проветриться, сходить куда-нибудь на вечеринку.

Однако Франческа была не в настроении. Она рассказала Эйвери о новом подопечном, художнике из Бруклина, которого нашла через знакомых. Несколько минут они говорили об отце, который напряженно готовился к предстоящей выставке. По словам Эйвери, его последняя картина обещала стать сенсацией. Эйвери была самой рьяной поклонницей Генри. Наконец попрощавшись и

повесив трубку, Франческа выключила свет и затихла в темноте. Из комнаты Эйлин доносились отголоски какой-то телепередачи, снизу — шаги Криса. Этих людей Франческа почти не знала и сомневалась, что когда-нибудь узнает близко, однако она питала к ним теплые чувства. Думая об этом, она незаметно уснула.

На следующей неделе ей предстояло открытие выставки. Любое открытие сопровождалось неразберихой и стрессами. Все работы требовалось доставить в галерею своевременно, для чего порой приходилось торопить художников, иногда писавших до последней минуты. Этим задачи Франчески как хозяйки галереи не исчерпывались: она рассылала приглашения посетителям, убеждала арт-критиков уделить ее выставке внимание, сама продумывала освещение и помогала устраивать его. К открытию выставки Франческа уже валилась с ног.

С художницей, работы которой были выставлены на этот раз, поладить оказалось непросто: она сама пожелала развесить картины. Четыре из них раскупили в первый же вечер, а затем несколько недель Франческа была слишком занята, чтобы проверять, кто еще отозвался на ее объявление о сдаче жилья. Так получилось само

собой, она просто об этом забыла. Ей настоятельно требовался еще один жилец, а искать его было некогда. С Крисом и Эйлин она почти не виделась, жизнь под одной крышей с жильцами текла гладко. Только через три недели после переезда Криса Франческа наконец познакомилась с его сыном. Она сидела на кухне, проверяя почту, как вдруг услышала удивленный возглас, вздрогнула и подняла голову. На нее с интересом уставился мальчуган в красном свитере и джинсах.

— Мне у тебя нравится, — сразу объявил он и улыбнулся. Он был темноволосым, с большими голубыми глазами, и на отца ничуть не походил. — Я Йен, — вежливо добавил он и протянул руку. Невозможно милый, он казался ангелочком из телерекламы.

— А я Франческа. Хочешь есть?

Было восемь утра, Крис еще не выходил из своих комнат. Йен сам оделся и спустился в кухню.

— Хочу. Можно мне банан?

Франческа сняла с холодильника гроздь бананов, отломила один и вручила мальчику. Он сказал «спасибо».

— А хлопьев с молоком хочешь?

Он кивнул, она насыпала кукурузных хлопьев в миску, залила молоком и выставила на стол

вместе с тарелкой для банана.

— Я сам готовлю себе завтрак каждый день, — сообщил Йен. — Мама долго спит, она всегда вечером куда-то уходит, — добавил он, хотя Франческа ни о чем не расспрашивала. Что ответить, она не знала. Общаться с детьми она не привыкла.

— В каком ты классе? — спросила она, с улыбкой наблюдая, как он набил рот бананом так, что раздулись щеки. Чтобы прожевать все, что есть во рту, мальчику понадобилось немало времени.

— Во втором. В этом году я учусь в другой школе. Старая была лучше, но мама говорит, до нее слишком далеко. — В этот момент в кухню вошел Крис. Он улыбнулся сначала сыну, потом Франческе, заметив, что она не поленилась покормить ребенка. Таким счастливым Франческа не видела Криса с тех пор, как он переселился к ней. Оказалось, и он умеет держаться непринужденно, с дружеской теплотой. Видимо, сына он очень любил и гордился им.

— Спасибо, что дали ему поесть. Он вышел, пока я был в душе.

— Мы прекрасно побеседовали, — заверила Франческа, и Йен довольно улыбнулся. Он тоже чувствовал себя свободно, казался самостоятель-

ным и ничуть не смущался в обществе взрослых.

— А мы идем в зоопарк! — объявил мальчик. — Там новый белый медведь и кенгуру!

— Здорово! — весело отозвалась Франческа. Крис тем временем достал из холодильника яйца, которые принес вчера, и поджарил одно для сына.

— Хочешь с нами? — продолжал Йен, вызвав у Франчески улыбку.

— Я бы с удовольствием, но надо идти на работу.

— А кем ты работаешь?

— У меня художественная галерея в нескольких кварталах отсюда, — объяснила она. — Я продаю картины. Если хочешь, можешь прийти посмотреть.

— Придем, — пообещал Крис, поставил тарелку с яичницей перед Йеном и сам сел, принимаясь за завтрак. Пока они ели, Франческа вернулась к чтению электронных писем. На ее объявление откликнулась еще одна кандидатка, женщина из Вермонта, которая писала, что ищет пристанище в Нью-Йорке и хотела бы посмотреть комнату, которую предлагает Франческа. Женщина оставила свой номер и выразила надежду, что Франческа ей позвонит. Франческа записала номер и уже

собиралась перейти к следующему письму, но женщина из Вермонта сразу понравилась ей, вдобавок из ее письма следовало, что находиться дома целыми днями она вряд ли будет. Все складывалось так удачно, что лучше и быть не могло. Даже Йен умудрился вписаться в группу взрослых. Мальчуган оказался ненадоедливым и обаятельным.

Франческа поболтала с ним еще немного, пожелала удачного дня в зоопарке и ушла наверх. К тому времени, как она собралась на работу, отец с сыном уже покинули дом.

День в галерее выдался беспокойным, зато удалось продать еще одну картину. Продажи неуклонно росли уже несколько месяцев, но поскольку цены были невысоки, то и прибыль оставляла желать лучшего. Франческа уже подумывала поднять цены, да и Эйвери настоятельно советовала ей так поступить.

Только в середине дня Франческа вспомнила про женщину из Вермонта, ответившую на ее объявление. Она набрала указанный в письме номер и услышала молодой голос. Новая претендентка на жилье была, похоже, ровесницей Франчески, по телефону ее голос звучал жизнерадостно и приветливо. Франческа сообщила, что комната

все еще свободна, и постаралась поточнее описать ее, не приукрашивая. Да, комната невелика, полноценной квартирой ее никак не назовешь, зато из нее открывается симпатичный вид на сад, к тому же рядом кухня и есть отдельная ванная.

Ее собеседница, которую звали Мария Дэвис, сразу же объявила, что ее все устраивает. Простор ей не нужен, а вот кухня пригодилась бы, и довольно часто. Можно ли будет пользоваться ею?

— Пожалуйста, ведь я работаю шесть дней в неделю до семи, поэтому редко бываю дома даже по вечерам, как и другие жильцы. Правда, один из них работает дома, но он почти не выходит из своей комнаты. А другая квартирантка — недавняя выпускница колледжа, учительница, — уходит каждый вечер. В доме тихо, кухней пользуются редко. Я обычно слишком устаю, чтобы готовить, поэтому ограничиваюсь салатом или покупаю еду навынос по дороге домой. Остальные тоже готовят редко, так что кухня в вашем распоряжении.

Никто из жильцов Франчески еще ни разу не приготовил на новом месте ужин, по вечерам они почти не виделись.

— Это было бы чудесно! На следующей неделе я приеду из Вермонта и посмотрю комнату, если вы

не возражаете. Вы не могли бы до того времени придержать ее? — Мария вдруг забеспокоилась так откровенно, что Франческа рассмеялась.

— В очередь за ней пока что никто не выстраивается. Правда, сегодня я собиралась звонить еще одному человеку, но раз позвонила вам первой, вам и предпочтение. Когда вы хотите приехать?

— Можно в среду? — с надеждой спросила собеседница.

— В самый раз!

Они назначили время, и Франческа сделала в ежедневнике запись о встрече на всякий случай, чтобы не закрутиться и не забыть. Разговор закончился. Собеседница произвела на Франческу очень приятное впечатление, а еще одна кандидатка, которой она позвонила чуть позже, уже нашла другое жилье. Начинался февраль, времени на поиски двух жильцов ушло довольно много — может, наконец-то повезло отыскать третьего? Франческа не думала, что дело окажется таким долгим. С другой стороны, она осторожничала, соглашалась показать жилье далеко не всем, многим отказывала сразу. Только Эйлин и Крис внушали ей доверие, да может, еще эта женщина, которая искала недорогое жилье. Мария упомянула, что недавно овдовела, потому и решила

переселиться в Нью-Йорк. И добавила, что ей опротивели суровые вермонтские зимы.

Занявшись другими делами, Франческа вскоре забыла о разговоре с ней и вспомнила лишь во вторник вечером, увидев запись. В минувшие выходные она опять виделась с сыном Криса — незадолго до того, как отец увел его к матери вечером в воскресенье. Специально для Йена Франческа прихватила из галереи леденец на палочке — она держала на рабочем месте вазу с конфетами для детей. Она попросила у Криса разрешения угостить мальчика, и тот не стал возражать. Поход в гости к белому медведю имел шумный успех, вдобавок оказалось, что в зоопарке недавно родился тигренок. Йен обрадовался леденцу, а на прощание помахал Франческе рукой. Мальчик и вправду оказался очень милым. Знакомство даже с самыми симпатичными детьми никогда не вызывало у Франчески желания иметь своих. Детей ей заменяли пятнадцать подопечных художников, которых ей хватало по крайней мере пока, а может, и на всю жизнь. Особенно теперь, когда в ее жизни больше не было мужчины. Краткого общения с такими детьми, как Йен, оказывалось достаточно, чтобы испытать естественное умиление. Большего

Франческа и не желала. Но она не могла не замечать, как привязан к сыну Крис. На Йена он смотрел сияющими глазами.

Мария, женщина из Вермонта, появилась на пороге дома на Чарлз-стрит на следующий день, за пять минут до назначенного времени. Она была в лыжных брюках, теплых высоких ботинках и парке с капюшоном, впрочем, и в Нью-Йорке день выдался морозным. Ее седые волосы были подстрижены элегантным коротким каре. Франческа не ожидала, что гостья выглядит именно так и что она старше, чем показалось по телефону. Мария сказала, что ей пятьдесят девять и она совсем недавно потеряла мужа, скончавшегося после долгой болезни. Но несмотря на утрату, чувствовалось, что Мария умеет радоваться жизни. Гибкая и сильная, она обо всем судила молодо и решительно. Франческа оторопела, сообразив, что гостья почти ровесница ее матери: найти двух более непохожих друг на друга женщин было бы просто невозможно.

Кухней Мария заинтересовалась гораздо больше, чем своей комнатой, которую осмотрела мельком и объявила, что ее все устраивает.

— Насколько я понимаю, вы любите готовить, — улыбнулась Франческа.

— Верно, люблю. Еще в детстве увлеклась. Мне невероятно повезло — могу заниматься любимым делом, от него я никогда не устаю. Его и работой-то не назовешь.

Франческа вдруг поняла, кто перед ней. Как она сразу не догадалась? Это же Мария Дэвис, знаменитый повар, автор полудюжины популярных кулинарных книг, две из которых стояли у Франчески на полке! Мария принадлежала к числу самых преуспевающих шеф-поваров, специализировалась на французской кухне, упрощала ее для широкого круга читателей и занятых людей. Она раскрыла читателям секреты некоторых французских блюд, в том числе самых известных, и целую книгу посвятила суфле. И вот теперь она сидела на кухне Франчески, в доме на Чарлз-стрит, осматривалась и беседовала с хозяйкой.

— Я пишу новую книгу, — сказала Мария. — Вот и подумала, что хорошо было бы на время сменить обстановку. Там, где я живу, слишком тихо, особенно когда в доме пусто. — Она уже не скорбела, просто грустила.

— Ваш муж тоже был поваром? — спросила Франческа, охваченная любопытством. Ее собеседница, женщина с танцующими искорками в глазах и сияющей улыбкой, умела распола-

гать к себе людей. Такой теплоты и дружелюбия Франческа еще никогда не встречала. При этом знаменитая гостья держалась скромно и в этой кухне смотрелась как в родной стихии. Франческа сразу поняла: если Мария решит поселиться здесь, всех обитателей дома ждут настоящие пиры.

Выслушав вопрос Франчески о покойном муже, Мария улыбнулась:

— Нет, он был не поваром, а банкиром, но поесть любил и был тонким ценителем французской кухни. Каждый год мы проводили месяц в Провансе, там я опробовала новые рецепты. Вдвоем нам было так хорошо. Как я по нему скучаю! — просто добавила она. — Я подумала, что неплохо было бы недолго пожить в другом месте. В Вермонте все равно придется бывать время от времени, проверять, как там наш дом. Поздней весной там очень красиво. Но зимой я бы лучше пожила в городе, ведь я теперь даже на лыжах не катаюсь.

Мать Франчески в свои шестьдесят два и не думала отказываться от лыж. Почти ровесницы, эти женщины были далеки друг от друга, как небо и земля. Мария Дэвис, умеющая пошутить, цельная и талантливая, поражала глубиной нату-

ры, Талия не обладала ни одним из этих свойств. Беседуя с Марией, Франческа вдруг поняла, что буквально наслаждается разговором. Удивительная женщина! Как приятно познакомиться с ней, тем более что теперь они будут жить под одной крышей. Франческа поняла, что ей повезло со всеми тремя жильцами.

Через несколько минут зашел разговор об условиях аренды. Мария считала цену разумной, комнату — подходящей, а близость к кухне довершила благоприятное впечатление. Она нашла именно то, что хотела.

— Надеюсь, вы позволите мне познакомить вас с новыми рецептами, — застенчиво произнесла она, и Франческа расцвела улыбкой удовольствия.

— Сочту за честь, миссис Дэвис. — Франческа думала, что редко встретишь таких удивительных людей, которых так и хочется обнять от избытка чувств.

— Пожалуйста, зовите меня Марией — очень не хочется чувствовать себя старушкой. Правда, мне ведь в следующем году стукнет шестьдесят. — Благодаря скромности, непритязательности и простоте в обращении Мария выглядела по меньшей мере на десять лет моложе. Франческа уже не

могла дождаться, когда Мария переселится к ней. Ее собеседница тем же днем уезжала в Вермонт, пообещав вернуться через несколько дней.

В дверях они обнялись на прощание, и Франческа, на лице которой медленно гасла улыбка, направилась вверх по лестнице, где столкнулась с Эйлин.

— У тебя такой счастливый вид!

— Есть причины: нижнюю комнату только что сняла Мария Дэвис, знаменитый повар, автор самых популярных кулинарных книг! Я в восторге, она пообещала готовить для нас, когда мы захотим. Весь следующий год мы будем ее подопытными кроликами.

— Круто! — обрадовалась Эйлин. — Ненавижу готовить.

— Я тоже, — призналась Франческа. В кулинарии она никогда не была сильна, Тодд готовил лучше, чем она. — Ну вот и все. Теперь у нас полон дом народу, — с удовольствием и облегчением подытожила Франческа. Значит, продолжать выплачивать кредит она сможет и без Тодда. К тому же у них подобралась хорошая компания: Эйлин, Крис и вот теперь Мария. Вопреки мрачным прогнозам матери, опасениям Тодда и даже самой Франчески с жильцами ей повезло.

Замечательно! Дом на Чарлз-стрит ожил и заполнился жильцами. Все они хорошие люди, а Мария — жемчужина среди них. В доме номер 44 по Чарлз-стрит начиналась новая жизнь. Как только переедет Мария, всем ее соседям будет обеспечено изысканное угощение. Да, лучше просто не бывает.

Глава 6

Мария вернулась в День святого Валентина и, не успев даже распаковать вещи, испекла воздушное, тонкое, как вафли, имбирное печенье в форме сердечек. В тот день Крис работал над проектом у себя в комнате. Заказ поступил от крупного клиента, очень взыскательного и придирчивого, поэтому требовал полной сосредоточенности. Но когда по дому расплылся запах свежей выпечки, Крис понял, что от его сосредоточенности не осталось и следа, и спустился в кухню выяснить, что происходит. В кухне его встретила негромко напевающая Мария в клетчатом переднике. Крис уже знал, что в доме прибавилось жильцов, но с Марией увиделся впервые. Она обернулась к нему с широкой улыбкой, отставила противень с печеньем и протянула руку.

— В жизни не нюхал ничего приятнее! — признался Крис, поглядывая на духовку. Мария поставила перед ним тарелку, и пять аппетитных сердечек, лежащих на ней, исчезли в мгновение ока. Печенье таяло во рту.

— Просто решила вспомнить давний ре-

цепт, — скромно отозвалась Мария, а Крис вдруг обнаружил, что в кухне пахнет не только свежевыпеченным печеньем. Вместе с давними и проверенными рецептами Мария воспользовалась новыми, еще ни разу не опробованными, заодно решив порадовать соседей, когда те вернутся домой вечером. Крис сразу заявил, что от угощения не откажется. Мария предложила ему вернуться попозже и выбрать все, что он пожелает.

— Как хорошо, что здесь есть для кого готовить, — добавила она.

С тех пор как умер муж, ее томило одиночество. А в доме на Чарлз-стрит обстановка оказалась идеальной, Мария переселилась туда, не раздумывая ни минуты. Ее вещи по-прежнему стояли нераспакованными посреди комнаты: едва переведя дух, она ринулась на кухню, которая давно манила ее.

— Я слышала, у вас есть чудесный сынок, — сказала Мария Крису, пока тот наливал себе молока из холодильника. Крис улыбнулся:

— Да, славный мальчуган. Он проводит со мной выходные раз в две недели, в среду я обычно забираю его из школы. А живет он со своей мамой.

— Хорошо бы поскорее с ним познакомить-

ся! — Своих детей у Марии не было. В ее сорок с небольшим, когда она забеспокоилась, вопросы бесплодия еще не решались так успешно, как теперь. И они с мужем смирились со своей участью, посвятив жизнь друг другу. Когда мужа не стало, в жизни Марии возникла зияющая пустота. Но теперь, в доме на Чарлз-стрит с тремя соседями, она приободрилась: здесь ей будет не так одиноко, как в любимом, но опустевшем вермонтском доме. Марии хотелось к людям. Она с нетерпением ждала переезда в Нью-Йорк, где ее ждали музеи, рестораны, встречи с друзьями. От таких перспектив кружилась голова, хотелось жить и радоваться.

Крис удалился наверх, заканчивать работу, а через несколько минут вернулась Эйлин и по привычке кинулась сразу на кухню, к компьютеру — проверить почту. Ароматы стряпни она почуяла, едва открыв входную дверь.

— Ух ты! — воскликнула Эйлин, входя в кухню и сталкиваясь лицом к лицу с Марией. Новая соседка оказалась миловидной, ее фигуру не портил даже передник. — Чем это тут так вкусно пахнет?

Эйлин не могла даже определить по запаху, сладким пахнет блюдом или нет. Мария уже

поставила в духовку курицу, предназначенную для всех, и начала готовить спаржу, а когда все будут дома, собиралась удивить соседей сырным суфле. На десерт она припасла шоколадный торт в форме сердца. Это был настоящий пир на День святого Валентина.

— Я не знала, будет ли кто-нибудь из вас сегодня дома к ужину, но на всякий случай решила подготовиться. Ведь сегодня Валентинов день! — И вправду, повод для угощения был достойный.

Эйлин проверила почту и улыбнулась, увидев, что сегодня у нее опять свидание. Первое свидание с мужчиной, с которым она переписывалась несколько дней. Среди знакомых, с которыми она соглашалась встретиться, уже попадались те, кто ей совершенно не подходил. От таких она отделывалась сразу, хотя двоих даже приглашала домой. Это тревожило Франческу, но выговаривать Эйлин она не стала. Ей просто казалось, что так делать не стоит. Конечно, Эйлин взрослая, она здесь живет, Франческа не вправе указывать ей, с кем встречаться. Но от присутствия совершенно незнакомых людей по ночам в доме ей становилось не по себе. К счастью, неприятных инцидентов пока не случалось, но наблюдая, как легко Эйлин находит новых знакомых в Интер-

нете, Франческа все больше убеждалась: девушка бегает на свидания, не успев толком узнать, с кем встречается. Эти люди и для нее чужие, значит, она серьезно рискует. Именно по этой причине знакомства в Интернете никогда не привлекали Франческу. Правда, через Интернет она нашла жильцов, но не поленилась проверить информацию о них, в том числе в банке. А свидания после сетевых знакомств — гораздо более серьезное и опасное занятие, от которого, по мнению Франчески, следовало воздержаться. К тому же Тодд покинул дом всего шесть недель назад. Франческа по-прежнему скучала по нему и пыталась свыкнуться с мыслью, что их пути разошлись навсегда. Временами от этого становилось очень горько. Она потеряла не только любимого, но и лучшего друга, и делового партнера — значит, это тройная потеря. У нее остались лишь художники, картины которых она продавала. Последние четыре года она так много работала, чтобы наладить свой бизнес, что единственными людьми, с которыми она виделась, были художники, покупатели и Тодд.

Тем вечером Франческа вернулась домой позже всех. Она закрыла галерею в семь и пешком проделала короткий путь до дома. В День святого

Валентина у нее купили лишь две маленьких картины, отчего она приуныла. Она забыла даже о том, что сегодня должна приехать Мария, и спохватилась уже дома, когда вошла на кухню и увидела всех троих жильцов, весело болтающих за бутылкой испанского вина, привезенной Марией. Она прихватила с собой из Вермонта несколько ящиков французских, испанских и чилийских вин, и теперь соседи дружно дегустировали одно из них, одобрительно отзываясь о нем.

— С возвращением! — воскликнула Мария, и Франческа невольно улыбнулась. Несмотря ни на что, у нее поднялось настроение, и даже не верилось, что еще несколько минут назад она боялась войти в пустой дом, а о том, что сегодня праздник, и думать забыла. Для Тодда Валентинов день значил очень много, каждый год он устраивал для Франчески роскошный ужин. А сегодня даже не позвонил, и хотя рассчитывать на поздравления от него не стоило, эта капля чуть не стала для Франчески последней. Но теперь она, забыв о недавних тоскливых мыслях, улыбалась, принимая от Марии бокал с испанским вином. Ужин уже был готов. Франческа не собиралась ужинать, Эйлин предупредила, что скоро ухо-

дит, и все-таки обе сели за стол, не устояв перед запахом блюд, которые Мария умело расставила перед ними. Спаржа с голландским соусом была бесподобна, сырное суфле таяло во рту, курица, фаршированная сочными грибами, подрумянилась на славу. У Марии нашелся и зеленый салат, и французский сыр, а когда и с шоколадным тортом было покончено, выяснилось, что никто не торопится уходить: рассевшись вокруг кухонного стола, обитатели дома оживленно обсуждали блюда, путешествия, жизненный опыт и друзей. Не успев поселиться в доме, Мария объединила всех своих соседей. Таким дружелюбным и разговорчивым Франческа не видела Криса еще ни разу. Мария умела преображать не только еду, но и людей. Франческа в который раз порадовалась своей удаче, а Мария сказала, что для нее удача — найти жилье в таком замечательном доме. За разговором Эйлин чуть не забыла про свидание, а когда вспомнила, то убежала, даже не переодевшись — только сменила удобные сапоги на шпильки, брызнулась духами, помахала на прощание и исчезла. Франческа, Крис и Мария остались за столом. Мария подала кофе, имбирное печенье и трюфели. Крис убежденно заявил, что ничего вкуснее никогда не пробовал,

Франческа горячо поддержала его. Хоть рядом и не было Тодда, давно уже ей не случалось так весело встретить День святого Валентина.

Вместе с Крисом она помогла Марии навести порядок на кухне, но Мария привыкла мыть посуду по мере приготовления блюд, поэтому убирать было почти нечего. Мария ушла раскладывать вещи, Крис и Франческа стали неторопливо подниматься по лестнице.

— Я так боялась этого дня, — призналась Франческа. — Это мой первый Валентин без человека, вместе с которым я купила этот дом. А оказалось, и с друзьями можно веселиться не хуже, чем с любимым. И все благодаря Марии.

Крис серьезно кивнул. Оставшись с ней наедине, он снова замкнулся в себе. И с Франческой, и с Эйлин он всегда общался сдержанно, если только рядом не было Йена. Марии каким-то образом удалось выманить его из раковины. Франческа не могла не гадать, что сделало этого человека настолько скрытным. Видимо, причиной был не столько характер, сколько тяжелая душевная травма.

— Наверняка Марии тоже сегодня было тяжело без мужа, — продолжала Франческа. — Она прелесть. Как я рада, что она живет с нами! Ее блюда

— это же уму непостижимо! Если она каждый вечер будет нас так откармливать, мы скоро разжиреем.

Крис улыбнулся:

— Сегодня особый случай. Я уже много лет не отмечал День святого Валентина и даже не вспоминал о нем. Это праздник влюбленных и молодых… — А он не принадлежал ни к тем, ни к другим, хотя днем созвонился с Йеном, а накануне послал ему открытку. Йен сказал отцу, что влюбился в учительницу и девочку из своего класса и отправил открытки обеим.

Возле двери Криса они пожелали друг другу спокойной ночи. Еще совсем недавно здесь была столовая и библиотека Франчески, а теперь в тех же комнатах жил чужой человек. Франческа сюда не заглядывала с тех пор, как Крис переехал в дом, и не считала нужным являться с инспекцией. Она медленно побрела наверх, в свою спальню, чувствуя, как на нее снова наваливается одиночество. Это неизбежно. Вокруг этого дня раздувают такую шумиху, что если рядом нет любимого, праздник превращается в день траура. К счастью, Мария помогла соседям пережить его, за что Франческа была ей признательна.

Она слышала, как поздно ночью вернулась

Эйлин, поняла по шагам, что она не одна, и долго прислушивалась, надеясь, что с девушкой ничего не случится. Ее доверчивость и уверенность, что все ее знакомые по Интернету — порядочные люди, все больше тревожили Франческу. Мимо ее двери парочка прокралась, перешептываясь и хихикая, а на следующее утро она застала обоих в кухне за завтраком. Мария оставила соседям корзинку свежевыпеченных булочек и круассанов и ушла гулять. Приятель Эйлин с аппетитом поглощал круассаны, удостоив вошедшую Франческу кратким кивком. Он выглядел грубоватым, но Эйлин не сводила с него глаз, поминутно улыбалась и заливалась смехом. Франческа пришла в легкое раздражение, обнаружив, что завтракать ей придется в обществе незнакомца, Крис тоже был не в восторге, наливая себе кофе, заранее сваренного Марией. С тех пор как на Чарлз-стрит поселилась Мария, в кухне всегда было чем полакомиться.

— А вы как познакомились? Вы пара? — спросил приятель Эйлин. Крис метнул в него недовольный взгляд, но ничего не ответил, насыпая себе в миску хлопья. Франческа коротко объяснила, что они просто соседи. Незнакомец с гордостью демонстрировал руки, покрытые татуировками до высоко закатанных рукавов. Татуировки были

пестрыми, длинные волосы незнакомца — сальными. Он объявил, что работает на телевидении в постановочной группе, и потрепал по ягодицам присевшую рядом Эйлин. Крис чуть не рассмеялся, заметив, какое осуждающее выражение возникло на лице Франчески. Ей казалось, что в кругу незнакомых людей можно было бы вести себя и поприличнее, но Эйлин ничуть не возражала — напротив, довольно жмурилась. Она горячо поцеловала своего парня, и судя по тому, сколько продолжался и как выглядел поцелуй, он успел засунуть язык ей в горло. Татуированного гостя звали Дуг. Само собой, Эйлин познакомилась с ним в Интернете. По-видимому, это было единственное место, где она знакомилась с мужчинами, что беспокоило Франческу. Она помнила, что людям удается найти себе приличную пару даже в Сети, но для этого Эйлин казалась слишком наивной. Пора было расходиться, а Дуг явно никуда не собирался.

Франческа объяснила, что ее ждут телефонные звонки, и ушла, Крис присоединился к ней, сказав, что в десять он представляет клиенту проект, над которым работал несколько недель, и вот теперь закончил. Ему поручили разработку новой упаковки для товаров хорошо известной марки. С

большой папкой он покинул дом через несколько минут, вскоре ушла и Эйлин. К одиннадцати, к началу работы галереи, Франческа осталась дома одна. Мария вернулась с прогулки, убрала на кухне и снова куда-то ушла.

Дом стал казаться обжитым, населенным занятыми людьми.

Франческа договорилась, что уборщица будет приходить дважды в неделю, а платить за ее услуги предстояло в складчину — вместо того чтобы наводить чистоту своими силами, по очереди. Шагая в сторону галереи под моросящим февральским дождем, Франческа думала об Эйлин. Увидятся ли они с Дугом когда-нибудь еще? Если повезет, этот его визит станет первым и последним: неотесанный лохмач — не пара Эйлин. С другой стороны, Эйлин, похоже, интересует только частота и количество свиданий, она вовсе не намерена привередничать и выбирать самых достойных. Франческа напомнила себе, что Эйлин еще слишком молода, потому и наивна. Об этой девушке Франческа беспокоилась, как о младшей сестре. Конечно, хозяйке дома не годится лезть в личную жизнь квартирантки, и все-таки в этой азартной погоне за мужчинами в Интернете есть что-то неприятное. Франческе словно открылся

новый мир, который она вовсе не желала исследовать, даже зная, что многие увлечены им и уверяют, что в Сети можно заводить друзей и находить любимых. Считая это занятие рискованным, Франческа надеялась только, что Эйлин одумается, притормозит и станет действовать осторожнее.

Тем днем Франческе предстояло готовиться к новой выставке — групповой, организация которой заняла несколько месяцев. В ней участвовали два художника-абстракциониста и один скульптор; Франческа считала, что их работы удачно сочетаются. Оставалось расположить их так, чтобы ни одна не затмевала остальные и не отвлекала от них внимание. Один художник предпочитал писать на гигантских холстах, вешать которые в одиночку было непросто. Поскольку теперь на помощь Тодда рассчитывать не стоило, Франческа попросила художника прийти и развесить картины вместе с ней. Ему уже случалось подрабатывать на оформлении выставок в других галереях, с Франческой он общался по-дружески, но не знал, сумеет ли выкроить время. С его картин началась карьера Франчески, они расходились неплохо. Он был трудолюбив, серьезно относился к живописи

и постоянно совершенствовался. Несмотря на уклончивые ответы накануне, в галерею он прибыл вовремя, Франческа изложила свой план размещения работ, потом художник принес высокую стремянку, чтобы настроить свет. Все было готово к открытию лишь к семи вечера, оба устали, но остались довольны результатами. Художник был симпатичным, десятью годами моложе Франчески.

— А где сейчас Тодд? — между делом спросил он. Большинство художников уже знали от Франчески, что она выкупила его долю галереи, но официального извещения она пока не рассылала — не хватало духу. Однако отсутствие Тодда заметили почти все. Кто-то спрашивал о нем, а остальные догадались, что Франческа рассталась с ним, и не задавали лишних вопросов.

— Я выкупила его долю, — так же невозмутимо отозвалась Франческа. — Теперь у меня другой деловой партнер — мой отец. А Тодд снова занялся юридической практикой. — Она считала, что ничего больше собеседнику знать не требуется. Он выслушал и кивнул.

— Вы по-прежнему вместе? — спросил он, оглядываясь через плечо и убирая стремянку.

— Уже нет. — Франческа отвернулась, смущен-

ная и опечаленная вопросом. Она не понимала почему, но чувствовала себя так, словно в чем-то провинилась, не сумела удержать Тодда и укрепить узы между ними. За это она ненавидела себя, но не могла не задаваться вопросом, чувствует ли свою вину Тодд.

— Вот и я подумал: что-то его давно не видно. А свой дом вы продали?

— Нет, теперь он только мой. Я нашла троих жильцов. — Франческа остановилась, понимая, что говорит лишнее.

— Рад слышать! — Художник широко улыбался. — А то мне уже надоело ждать, когда он уберется с дороги. Как насчет ужина сегодня вечером? — с надеждой спросил он. Он восхищался трудолюбием Франчески, немного завидовал тому, как удачно складываются ее дела, и знал, что ради успеха своих подопечных художников она готова свернуть горы.

Прежде чем ответить на приглашение, Франческа перевела дух.

— Не получится, Боб. Не в моих правилах смешивать бизнес с удовольствиями. Я никогда не встречалась ни с кем из художников, с которыми работаю, и считаю, что начинать даже не стоит. — Она старалась говорить деловым тоном, но

Боба это не смутило.

— Все когда-нибудь случается в первый раз, — не теряя надежды, напомнил он.

— Может быть, но, по-моему, это не тот случай. И все-таки спасибо. Просто пока я не готова к новым отношениям. За пять лет я привыкла к совсем другой жизни.

— Понимаю… извините, — разочарованно протянул он и через несколько минут ушел. Франческа заперла галерею и направилась домой. Дождь, который утром был моросящим, усилился под стать ее пасмурному настроению. Мысль о новых свиданиях, о том, что придется спать с кем-нибудь, кроме Тодда, — хотя они не спали вместе уже несколько месяцев, — повергла ее в депрессию. Нелегко будет привыкнуть к новому человеку. Этого Франческа пока не хотела. К тому времени, как она поднялась по ступенькам дома на Чарлз-стрит, она промокла до нитки, на сердце было тяжело.

Не заходя на кухню, она прошла к себе и долго плакала в постели, пока не уснула. Значит, с Тоддом еще не все кончено. Сколько же времени ей понадобится, чтобы забыть о нем? Неизвестно. Может, вся жизнь.

Утром Франческе стало легче, в кухню она во-

шла с улыбкой. Было еще рано, она надеялась, что никого не застанет, но увидела возле плиты Марию, которая пекла для Йена оладьи — забавные, в виде ушастых мордочек Микки-Мауса, с вишенкой вместо носа и глазами-изюминками. Мария и Йен только что познакомились. Наступила суббота, как раз те выходные, которые Йен должен был провести с отцом.

— Привет, Йен! — воскликнула Франческа, обрадовавшись мальчику, словно давнему другу. — Ну как, вкусно? — спросила она. Йен кивнул с набитым ртом. Франческа с Марией переглянулись поверх его головы и заулыбались: дружелюбный мальчик с умными взрослыми глазами был на редкость обаятельным.

— Мария обещала потом испечь мне печенье. С шоколадными крошками. Мама раньше такое готовила, — добавил он неловко. — А теперь перестала. Она много болеет, спит почти все время. Иногда я прихожу домой из школы, а она еще спит.

Женщины переглянулись, но промолчали. Франческа задумалась, действительно ли больна мать Йена, но спрашивать не стала.

— Я тоже люблю печенье с шоколадными крошками, — помолчав, перевела разговор Фран-

ческа.

— Если хочешь, можешь печь вместе с нами, — великодушно предложил Йен. В кухню вошел Крис. — А если тебе надо на работу, мы оставим тебе немножко.

— Буду очень рада, — благодарно откликнулась Франческа, и в этот момент на пороге возникла Эйлин в сопровождении своего грубияна Дуга, который сразу потребовал оладий. Франческа поспешила вмешаться: — Мария здесь не кухарка, она шеф-повар мирового класса и готовит для них только в исключительных случаях, когда хочет этого сама. Никто не имеет права приказывать ей приготовить завтрак, да еще таким тоном.

— Мы обслуживаем себя сами, — заключила Франческа. — Единственное исключение — Йен.

Дуг недовольно поморщился, пожал плечами и сам налил себе кофе. Мария благодарно взглянула на Франческу. Эта сцена не ускользнула от Криса, который откровенно невзлюбил Дуга. И было за что: парень был невоспитанным и бестактным, при каждом удобном и неудобном случае подчеркивал, что они с Эйлин спят вместе, а когда Йен отлучился на несколько минут, самодовольно объявил, что прошлой ночью секс у них был такой, что оба аж дымились. Эйлин не пыталась

его остановить — за нее это сделали остальные. Неуважение Дуга к ней Эйлин не замечала или не хотела замечать.

Ничего не подозревающий Йен вернулся, доел оладьи и вежливо поблагодарил Марию, потом сам ополоснул свою тарелку и поставил ее в посудомоечную машину. Франческа заметила это и задумалась: неужели мальчику приходится самому заботиться о себе, пока его мать больна или спит? Для семилетнего ребенка он казался на редкость самостоятельным.

Завтрак в кухне продолжался, когда в дверь позвонили. Франческа направилась к двери, распахнула ее и ужаснулась, увидев на пороге собственную мать. В спортивном костюме от Шанель и кроссовках от Диора, с волосами, собранными в конский хвост, Талия была ослепительна и без макияжа, но именно ее сегодня утром Франческе хотелось видеть меньше, чем кого-либо. У нее не было никакого желания знакомить мать с жильцами и выслушивать ее замечания о них.

— Привет, мама, — нерешительно произнесла Франческа, не зная, как быть. — Что ты здесь делаешь?

Она надеялась, что мать уйдет, не заходя в дом, но сильно в этом сомневалась: Талия была

слишком настырна и любопытна, чтобы уйти ни с чем.

— Иду к новому косметологу в Сохо. Я слышала, она бесподобна. А по дороге решила заскочить сюда. Можно мне войти? — Вид у нее был настолько выжидательный и надменный, что Франческа невольно посторонилась, чувствуя себя нашкодившей девчонкой. Она заранее знала, что матери не понравится сцена на кухне.

— Конечно, — пробормотала Франческа, и у нее упало сердце, едва она представила пестрое сборище на кухне, а в особенности — шок, который вызовет у матери Дуг с его татуировками.

— У тебя чем-то очень вкусно пахнет, — заметила Талия, пока Франческа лихорадочно решала, как быть отвести мать наверх, к себе в спальню, где постель осталась неубранной, в гостиную, где негде присесть, так как замены увезенным Тоддом дивану и креслам пока не нашлось, или в кухню, где завтракают все обитатели дома сразу. Вообразив себе, как будет представлять их матери, Франческа похолодела от ужаса. Но Мария только что вынула из духовки очередной поднос с круассанами, соблазнительный аромат которых так и манил на кухню.

— Одна из моих квартиранток — знаменитый

шеф-повар, — объяснила Франческа, а ее мать тем временем сама приняла решение и направилась к лестнице, ведущей вниз, в кухню. Франческа нехотя последовала за ней.

Крис с сыном сидели за столом и что-то рисовали вместе. Мария в переднике вынимала из духовки свежую партию круассанов, Дуг с оголенными татуированными руками увивался вокруг хихикающей Эйлин в нескромной ночной рубашке под распахивающимся купальным халатом. От этой сцены Франческа предпочла бы избавить Талию. Повысив голос, она представила ее собравшимся как свою мать, Талия только поджала губы и устремила взгляд поверх всех голов на Марию — видимо, сочла ее единственной в этом обществе достойной внимания персоной.

— Вы, должно быть, и есть шеф-повар, — с легким оттенком высокомерия произнесла Талия. Ей по-прежнему не давала покоя мысль, что ее дочь живет среди чужих людей. Разумеется, растатуированного Дуга она заметила сразу и сочла его отвратительным.

— Я. Хотите позавтракать, миссис Тейер? — приветливо спросила Мария. Мать Франчески оказалась совсем не такой, какой она себе ее представляла. Даже в спортивном костюме Талия

выглядела как в бальном туалете.

— Я не миссис Тейер, — поправила Талия, — а графиня ди Санджоване, — добавила она с акцентом, который переняла у покойного мужа. На итальянский манер свою фамилию она произносила лишь в официальных ситуациях, к которым нынешняя не относилась. Однако своим акцентом она давала всем присутствующим понять, что от нее их отделяет пропасть. Ее поняли сразу. Крис взглянул на гостью поверх головы Йена, промолчал и снова негромко заговорил о чем-то с сыном. Дуг тыкался носом в шею Эйлин, она смеялась не переставая. На такой прием Талия никак не рассчитывала. Франческа поморщилась от неловкости.

— Конечно, графиня, — учтиво отозвалась Мария, не моргнув глазом. — Вы позволите предложить вам круассаны и чашку кофе?

— Буду весьма признательна. — Талия села за стол рядом с Йеном. Мальчик с интересом взглянул на нее и снова занялся рисунком. Мария тут же поставила перед гостьей блюдо с теплыми круассанами и чашку с дымящимся кофе. Франческе пришлось сесть на единственное свободное место за столом, напротив матери. Мысленно она умирала от неловкости и жалела, что вообще

открыла дверь.

С того момента, как Талия появилась в кухне, не прошло и пары минут, но все уже освоились и продолжали заниматься своими делами. Мария убирала посуду, Крис увел сына наверх, Дуг и Эйлин направились к себе, причем Дуг недвусмысленно намекнул всем собравшимся, что намерен вновь завалиться с Эйлин в постель. Недавнее очарование Эйлин, милой девушки-соседки, улетучилось бесследно. Вскоре за кухонным столом остались только Франческа и ее мать, да хлопотала возле шкафов Мария.

— Глазам не верю. Неужели ты правда живешь рядом с этими людьми? — в ужасе выговорила Талия с таким видом, словно была готова разрыдаться. — О чем ты только думаешь? — продолжала она, словно забыв о присутствии Марии.

— О том, что мне надо возвращать кредит и что все они хорошие люди, — решительно заявила Франческа. Мария расставляла посуду, как будто не слышала их.

— И этот тип с татуировками?

— Он здесь не живет. Он встречается с девушкой, которая сняла комнаты наверху. Она обучает детей-аутистов.

— По ее виду ни за что бы не догадалась, — парировала мать, осуждающе качая головой. Отчасти она была права: как только Эйлин освоилась на новом месте, ее поведение стало более раскованным, а юбки — совсем короткими.

— Она еще очень молода, — попыталась защитить ее Франческа, хотя сама еле терпела Дуга и была недовольна тем, что Эйлин спускается в общие комнаты в ночной рубашке и халате. Но в конце концов, все это говорило лишь о невоспитанности и дурновкусии. И то и другое — не преступление.

— В этом доме все прекрасно ладят друг с другом, — вмешалась Мария, подливая в чашку Талии чудесный кофе, привезенный из Вермонта. — Здешние жильцы — порядочные люди, — добавила она. Талия скорбно взглянула на нее, явно выбрав себе в подруги и союзницы.

— И вас здешняя обстановка не смущает? — спросила она.

— Нисколько, — заверила Мария. — Здесь я счастлива. Соседи прекрасные, добрые и молодые. Несколько месяцев назад я потеряла мужа и теперь рада снова побыть среди людей, а не торчать в одиночестве в вермонтском доме.

— От чего он умер? — оживилась Талия.

— От опухоли мозга. А до этого долго болел. Особенно тяжело ему было перед самой смертью. Хорошо, что я смогла на время уехать из родных мест в Нью-Йорк.

— В этом городе трудно найти мужчину, — без обиняков заявила Талия, и Франческа потрясенно и смущенно уставилась на нее, а потом вдруг рассмеялась: Талия неисправима. Она всегда думает об одном — нет, о двух вещах: о себе и о том, как найти мужчину. — Особенно в нашем возрасте, — добавила она, и Мария рассмеялась. Талия ее ничуть не раздражала. Марии приходилось иметь дело с коллегами гораздо более высокомерными, чем Талия. Среди знаменитых поваров многие известны отвратительным нравом, некоторые капризны, как примадонны. За долгие годы Мария привыкла к придиркам коллег, понимая, что ими движет зависть или у них просто такой характер.

— Мужчина мне не нужен, — объяснила она. — Я никого не ищу. В счастливом браке я прожила тридцать шесть лет. С моим покойным мужем все равно никто не сравнится. Так что теперь я просто живу в свое удовольствие, работаю и завожу новых друзей.

Талия уставилась на нее так, словно Мария

вдруг заговорила на чужом языке. По мнению Талии, ее собеседница была хороша собой. Почему же она уверяет, что мужчина ей не нужен? Наверное, врет. Талия была убеждена, что подцепить достойного мужчину мечтает каждая женщина.

— Через несколько месяцев вы заговорите по-другому, — с видом знатока напророчила Талия и похвалила собеседницу за великолепный кофе.

— Вряд ли. — Мария решительно покачала головой. — Чтобы быть счастливой, мужчина мне не нужен. У меня уже был лучший в мире муж, этого достаточно. Встретить второе такое же сокровище я не надеюсь, а зачем довольствоваться меньшим? Тем более что мне и одной живется неплохо. — Вид у нее был настолько уверенный, что Талия широко раскрыла глаза, думая, что Мария спятила.

Франческа взглянула на часы: в десять, еще до открытия галереи, она назначила встречу с покупателем, чтобы он успел без помех осмотреть выставленные картины.

— Извини, мама, но мне пора.

— Ничего, дорогая! — Ее мать только поудобнее устроилась на стуле, никуда не собираясь уходить. — У меня еще есть в запасе время, я останусь поболтать с Марией.

Мария ободряюще кивнула Франческе, которая была уже на грани паники, и повернулась к Талии:

— Еще кофе, графиня?

Она ухитрилась произнести титул так, словно назвала Талию «ваша светлость». Польщенная Талия улыбнулась:

— Прошу вас, зовите меня просто по имени. От молодых людей такой фамильярности я не потерплю, но нам с вами вовсе незачем церемониться. — Она решила, что с Марией они равны не только по возрасту, но и по положению. — Знаете, у меня есть две ваших книги. Мне особенно нравится ваш рецепт голландского соуса — такой простой, что даже мне по силам.

— Спасибо, Талия. — Мария просияла и придвинула к гостье блюдо с круассанами.

— Так не хочется оставлять тебя, мама… — неловко вымолвила Франческа, не желая признаться, что не доверяет матери. Неизвестно, что она может наговорить Марии или как себя поведет. А Мария, которая так приветлива с ней, не заслуживает оскорблений.

— Дорогая, не глупи, иди по своим делам. Я тебе потом позвоню.

Надеясь, что тема неподходящих жильцов уже

исчерпала себя, Франческа нехотя ушла. Клиента, с которым у нее была назначена встреча, направил к ней постоянный покупатель. Опаздывать на первую же встречу было никак нельзя.

Уходя, Франческа метнула в сторону Марии последний тревожный взгляд, сбегала наверх за своей сумочкой и через минуту уже спешила по улице, не переставая думать о матери. Она не сомневалась, что при следующей встрече Талия выскажет о ее жильцах все, что о них думает, особенно о Марии, хотя она, кажется, пришлась Талии по душе.

А тем временем две немолодые женщины сидели на кухне. Марию забавляло поведение гостьи, но она не подавала виду. Мария знала, как вести себя с людьми вроде этой графини, ей встречались и не такие снобы.

— Вы себе не представляете, как я за нее волнуюсь, особенно из-за этой нелепой затеи, — доверительно объясняла Талия Марии. — Ей следовало выйти за Тодда, а не выкупать у него недвижимость. Пусть бы он платил ей приличные алименты, и дом достался бы ей безо всяких проблем. Но жить с чужими людьми — это же безумие! — Вид Талии был удрученным, Мария сохраняла спокойствие.

— Но, по-видимому, все складывается на редкость удачно. Крис порядочный человек, явно образованный, его сын очень мил. А девушка, которая живет наверху, просто еще очень молода и глуповата. Она только-только отучилась, поселилась в большом городе, от радости не помнит себя, вот и знакомится со всеми подряд. Она образумится.

— Ее приятель выглядит так, словно только что вышел из тюрьмы, — чуть не плача, напомнила Талия. Следующий час Мария утешала ее, и к тому времени, как Талия наконец ушла к своему косметологу, настроение у нее слегка поднялось. Мария еще посидела в кухне и наконец с улыбкой удалилась к себе. Эта графиня ди Санджоване — сущее наказание. Мария невольно задумалась: как Франческа ухитрилась остаться совершенно нормальным, приземленным человеком при такой матери? Но все затмевало впечатление недалекости, которое оставила Талия, чуть ли не в каждом слове которой сквозило отчетливое желание очаровать еще одного мужчину и опять выйти замуж. Она без тени смущения призналась, что без мужа вообще не чувствует себя женщиной. Ее восприятие самой себя всецело зависело от того, за кем она замужем. А оставшись

одна, она словно переставала быть личностью. Талия была полной противоположностью Марии — обладательнице чувства собственного достоинства, уверенной, прекрасно знающей, кто она такая, и не зависящей от чужого мнения. Эти женщины казались разными, как белое и черное. Как и Франческа, Мария предположила, что мужчин отпугивает от Талии ее навязчивая идея замужества, перерастающая в одержимость.

Между тем Франческа в галерее уже показала потенциальному покупателю почти все картины, которые хранила в комнатах за выставочными залами. Она могла предложить неплохой выбор. Клиент, которого она обхаживала, выразил желание купить большое полотно, признался, что питает слабость к начинающим художникам, но никак не мог понять толком, что же ему все-таки нравится. В каком бы направлении ни пыталась подтолкнуть его Франческа, все было не так и не то. Он объяснил, что недавно развелся, а раньше картины всегда выбирала его жена. Теперь ему хотелось сделать выбор по своему вкусу, но какой — он понятия не имел. К полудню Франческа видеть не могла этого пятидесятилетнего дантиста из Нью-Джерси. Принять решение он был явно не в состоянии. Наконец он пообещал подумать

и позвонить ей на следующей неделе, добавил, что все показанное понравилось ему, но он боится прогадать, сделав неверный выбор. Такие клиенты всегда вызывали у Франчески острое раздражение.

Она вручила ему каталог со снимками и сведениями обо всех художниках, которыми он заинтересовался, а клиент почему-то вдруг смутился, взглянув на нее.

— Не хотите продолжить этот разговор за ужином? — неловко спросил он с таким видом, словно Франческа интересовала его гораздо больше, чем живопись. Однако он ничем не привлекал ее, нисколько не нравился, к тому же она была не в настроении.

— Извините, нет, — с милой улыбкой отказалась она. — Я не встречаюсь с покупателями. — Эта отговорка срабатывала почти всегда.

— Но я пока еще ничего у вас не купил. Значит, я не покупатель, — логично возразил он. Франческа предпочла бы лучше продать ему хоть что-нибудь, вместо того чтобы встречаться лишний раз. Может, для него покупка картин только предлог? Если так, он зря тратит свое время и отнимает время у нее.

— Простите, не могу! — Она покачала головой.

— Вы с кем-то встречаетесь? — спросил он. Помедлив, Франческа решила, что лучше уж солгать, чем выкладывать всю правду. Может, хоть это поможет ей выпутаться из неловкой ситуации.

— Встречаюсь, — как ни в чем не бывало подтвердила она.

— Очень жаль!.. — Он и вправду был разочарован и вскоре ушел, к огромному облегчению Франчески. Она почти рухнула в кресло за своим столом, успев устать за полдня сильнее, чем за всю предыдущую неделю. Завтрак с матерью, да еще два часа с нерешительным клиентом, который, однако, не преминул пригласить ее на ужин, — нет, без таких совпадений она вполне могла обойтись.

Она позвонила Марии, желая узнать, как закончился катастрофический визит Талии, и услышала, что Мария прекрасно перенесла его.

— Мы с вашей мамой прекрасно провели время. Она ничуть не похожа на вас! — Мария усмехнулась. Как ни странно, стиль Талии ей понравился, несмотря на то что графиня оказалась донельзя избалованной и эксцентричной.

— Именно это я всегда мечтала услышать! — Франческа заулыбалась. — И всю жизнь боялась,

что стану такой, как мама.

— Это невозможно, — заверила ее Мария. — Хорошего вам дня. Вечером увидимся.

Франческа положила трубку и взялась за работу с радостным ощущением, что она нашла новую подругу — Марию.

Глава 7

Вся следующая неделя Франчески прошла насыщенно и суматошно. Она съездила в мастерские к трем художникам, пересмотрела картины у себя на складе, вернула непроданные работы нескольким подопечным, чтобы высвободить место для новых. А еще составила список групповых выставок, намеченных на следующий год. Это всегда было непросто — собрать групповую выставку так, чтобы работы разных художников не затмевали, а оттеняли одна другую. В разгар этой суеты четверо ее подопечных заскочили на неделе просто так, проведать ее и поболтать. Франческа всегда радовалась таким визитам, как и приходу клиентов, но время поджимало, дел накапливалось все больше. Несмотря на бурную деятельность, она сумела продать несколько полотен. К ее изумлению, тот самый дантист из Нью-Джерси все-таки перезвонил и приобрел сразу три картины. По рекомендациям прежних покупателей появлялись новые, два известных арт-консультанта заходили посоветоваться, знаменитый дизайнер интерьеров заглянул ми-

моходом в галерею и одобрительно отозвался о размещении картин. Похвала польстила Франческе. Домой она с каждым днем возвращалась все позже, с жильцами почти не виделась, но всякий раз умилялась, обнаруживая на кухне записочки от Марии, оставляющей ей угощение в холодильнике. Лишь в пятницу вечером Франческа наконец перевела дух. Несколько раз на неделе ей звонила мать, явно желая побеседовать о жильцах, но у Франчески не было времени на долгие разговоры, и она была этому только рада.

В пятницу вечером она улеглась в постель с радостной мыслью, что осталось продержаться всего один день, и уже предвкушая воскресенье в кровати с хорошей книгой. Ни дел, ни встреч не хотелось. Так совпало, что именно в эти выходные дому предстояло опустеть. Крис предупредил, что уезжает. Эйлин объявила в пятницу утром, что едет с новым другом кататься на лыжах, а Мария решила проверить, все ли в порядке дома в Вермонте. Вернувшись из галереи вечером в субботу, Франческа обнаружила, что она одна во всем доме. Поначалу она чувствовала себя прекрасно, но в воскресенье утром вдруг поняла, что ей тоскливо и одиноко. Присутствие жильцов словно служило ей защитой от призра-

ков прошлого, самым живучим из которых был Тодд. От него она уже целый месяц не получала никаких вестей, и это, как догадывалась Франческа, говорило о том, что он устроился лучше, чем она. В минуты затишья она все еще скучала по Тодду и уже начинала гадать, сумеет ли когда-нибудь забыть его. Если вдуматься, возвращения прежней жизни она совсем не желала, а по Тодду все-таки скучала.

Днем в воскресенье тоска усилилась, навалилась жалость к себе и досада, что все жильцы разъехались так внезапно. Франческа вдруг поймала себя на мысли, что у Криса, может быть, свидание. Но ведь это не ее дело. Он никогда не приводил домой женщин и не распространялся о своей личной жизни.

В воскресенье к семи часам вечера она по-прежнему была в доме одна. Только теперь она начала осознавать, как повезло ей с жильцами. Если бы не они, ей пришлось бы проводить все свободное время в пустом доме, где нет признаков жизни и не с кем поговорить.

Она готовила себе на ужин яичницу, с тоской думая о фантастической стряпне Марии, как вдруг услышала настойчивую капель, не сразу поняла, откуда исходит звук, и огляделась. Ка-

пало с потолка, лужа быстро разрасталась. Над кухней находился один из туалетов, и пока Франческа думала, что могло в нем случиться, капель усилилась. Наверху, где сейчас занимал комнаты Крис, водопроводная арматура и раньше давала течи. Взбежав по лестнице, Франческа с ужасом увидела, что вода уже повсюду и хлещет чуть ли не из стены — вероятно, где-то лопнула труба. Бросившись вниз за разводным ключом и другими инструментами Тодда, она в панике схватила мобильник и позвонила своему бывшему. Он ответил после второго звонка.

— Что мне делать? — прокричала в трубку Франческа и попыталась сосредоточиться на объяснениях. Затем отложила телефон, сделала все, как сказал Тодд, и с ужасом увидела, что ничего не помогает.

— Перекрой воду! — повторял Тодд. Он объяснил, где находится вентиль, и пока она, мокрая с ног до головы, пыталась завинтить его, прибежал Крис, по возвращении заставший потоп у себя в ванной. Вскоре они оба стояли по щиколотку в воде, а из лопнувшей трубы гейзером била вода. Перехватив растерянный взгляд Франчески, Крис оттеснил ее в сторону, отнял ключ и перекрыл воду. Поток иссяк. Внезапно обессилев, Франчес-

ка стояла неподвижно, уставившись на Криса.

— Извините… спасибо, — наконец выдавила из себя она и отвела со лба мокрые волосы. И обнаружила, что Крис не злится, а улыбается.

— Значит, здесь вы и провели все выходные? — пошутил он, и она покачала головой.

— Я только что заметила, что трубу прорвало — на кухне закапало с потолка, — объяснила она и вдруг вскрикнула: — Яичница на плите! — К тому времени, как она добежала до кухни, яичница уже сгорела дотла, а подоспевшая Мария успела выключить плиту и теперь пыталась осторожно отдраить сковородку.

— Извините… — пролепетала Франческа. Злополучная протечка заставила ее забыть обо всем, даже о том, что Тодд по-прежнему висит на телефоне, а телефон остался на раковине в ванной Криса. Правда, Тодд уже повесил трубку, но сразу откликнулся, когда Франческа перезвонила.

— Хочешь, я приеду? — спросил он.

— Нет, спасибо, попробую справиться сама. Воду перекрыл мой квартирант. Завтра придется вызывать мастера.

— Где прорвало?

— Там же, где и в прошлый раз — в ванной возле библиотеки. — Так раньше они называли

ванную Криса.

— В один прекрасный день выяснится, что тебе пора менять все трубы в доме, и это влетит тебе в целое состояние. Продавай дом, пока не поздно.

Лучше бы он этого не говорил! Даже если он разлюбил этот дом, она по-прежнему была привязана к нему. Поблагодарив Тодда за помощь, она закончила разговор. Собирать воду с пола ей помогал Крис. Несмотря на беспорядок и возню, он держался вежливо и спокойно, совсем не как Тодд, который жаловался не переставая всякий раз, когда дому требовался ремонт, особенно в последний год. Тодд был сыт мелкими неурядицами по горло, а Крис не раздражался, потому что и по натуре был гораздо спокойнее.

— Обычное дело в домах старой постройки. Когда родился Йен, у меня тоже был старый дом. Я его очень любил, хоть возни с ним всегда было по горло. Правда, это мне даже нравилось. Почти весь ремонт в доме я делал своими руками.

Так много о своей прежней жизни он еще никогда не рассказывал, хотя о матери Йена не упомянул ни слова. Но Франческе пришлась по душе его скрытность. Он просто вел себя сдержанно и не боялся показаться молчуном.

— Вот и у нас здесь та же история, — закивала

она. — Когда мы купили этот дом, он разваливался на глазах. Я сразу полюбила его. А человек, с которым я жила, так и не смог.

— Дома стареют, и при всех неудобствах наблюдать за ними интересно. Когда я был помоложе, я зарабатывал на жизнь тем, что реставрировал старые особняки. Это отличная работа, жаль только, что цены на рынке недвижимости взлетели и такой ремонт уже не приносит прибыли. Мне до сих пор его не хватает.

— Если хотите, можете делать с этим домом все, что сочтете нужным, — предложила Франческа, совсем забыв, что стоит босиком в воде, покрывающей пол слоем пять дюймов. Крис рассмеялся.

— Я запомню, — добродушно отозвался он.

Ей хотелось спросить, как прошли выходные, но она не рискнула, чтобы не показаться назойливой особой, любительницей совать нос в чужие дела. Чем занимался Крис все выходные, ее не касается. Для нее он квартирант, а не друг. Напоминая себе об этом, Франческа поднялась в свою комнату, а через несколько минут услышала, как домой вернулась Эйлин. Девушка заглянула к Франческе и, захлебываясь от восторга, объявила, что потрясающе провела выходные с классным парнем. С Дугом у нее давно все кон-

чено, она нашла себе кое-кого получше. С точки зрения Франчески, делать такие выводы после единственных выходных было слишком поспешно, но кто она, чтобы судить? Эйлин молода, их разделяет десять с лишним лет, она принадлежит к другому поколению. В сущности, Эйлин — славная девчонка, хоть и ведет себя смелее, чем Франческа в ее возрасте. Правда, сама Франческа считала, что взрослела чересчур медленно. Тодд был ее первой настоящей любовью, познакомились они, когда Франческе было тридцать, а до этого она вообще не заводила серьезных отношений.

Одно хорошо: Дуг теперь вряд ли появится в доме. Интересно, каким окажется новый приятель Эйлин? Впрочем, долго строить догадки не понадобилось. Франческа не слышала, как Эйлин впустила его в дом поздно ночью, но на следующее утро они вместе завтракали на кухне. Новый парень Эйлин выглядел прилично, походил на выпускника дорогой частной школы и явно смущался в незнакомой обстановке. Франческа мысленно одобрила его, а потом украдкой посмеялась над собой, сравнивая с собственной матерью, готовой осудить всех, кто попадется под руку.

Началась еще одна беспокойная неделя. Франческа побывала на выставках в двух других галереях, затем — на шумном открытии выставки в Музее современного искусства, откуда ушла окрыленная. В музее она познакомилась с фотографом. Его звали Клэй Уошингтон. Когда он пригласил Франческу на ужин, она, к собственному изумлению, согласилась. Все-таки Эйвери оказалась права: вечно куковать в доме на Чарлз-стрит, закрывшись в четырех стенах, было бы невозможно. Клэй повел ее в китайский ресторан на Мотт-стрит, где оба отлично провели время. Новый знакомый Франчески оказался интересным собеседником, он объездил чуть ли не всю Азию, несколько лет прожил в Индии и Пакистане, был умен и привлекателен, и Франческе приходилось то и дело одергивать себя, чтобы не сравнивать его с Тоддом. С Клэем у нее было гораздо больше общего. Тодд назвал бы его «богемой», а на самом деле Клэй просто был человеком широких взглядов и ни в чем не походил на самого Тодда. После ужина Клэй довез Франческу до ее дома на такси, но она не пригласила его зайти. На прощание он пообещал позвонить. Франческа не влюбилась в него и даже не увлеклась, просто приятно провела вечер и считала, что пока ей

достаточно и этого.

Он позвонил через три дня, как и обещал, и пригласил на обед. Зайдя за ней в галерею, он высоко оценил выставку и был поражен, когда узнал, что знаменитый Генри Тейер — отец Франчески. Он полностью принадлежал тому же миру, что и сама Франческа, вот только ее не влекло к нему, но она полагала, что влечение может прийти со временем. После обеда в ресторане с лаконичным названием «Хлеб» Клэй поцеловал Франческу в губы, она не стала противиться, но ничего не почувствовала. Словно умерла внутри или просто онемела. А может, вместе с вещами Тодд увез ее сердце.

Тем вечером она попыталась разобраться в своих чувствах, рассказывая о случившемся Марии.

— Я сама не понимала, что со мной происходит. Мне все казалось, что я изменяю Тодду с другим.

— Чтобы отдалиться от человека, который еще недавно был близким, требуется время. Еще до того, как я познакомилась с мужем, мне пришлось освобождаться от прежней привязанности. Тот человек погиб в море. Два года я ни на кого не глядела. Просто не могла. И даже подумывала уйти в монастырь. — Она невольно улыбнулась. — В то время я была еще совсем юной. А потом по-

знакомилась с Джоном, влюбилась без памяти и снова ожила, даже стала живее, чем прежде. Не прошло и года, как мы поженились. Не торопите себя. Даже если новый знакомый кажется вам хорошим человеком, это еще не значит, что он подходит вам. Когда вы найдете родственную душу, вы поймете это. А с фотографом вы можете остаться просто друзьями.

Идея показалась Франческе стоящей, она была благодарна Марии за мудрость и умение смотреть в перспективу. Значит, в том, что с ней происходит, нет ничего странного.

Когда Клэй позвонил в следующий раз, Франческа отговорилась занятостью. Ей и вправду предстояла поездка на аукцион «Кристиз», она даже хотела предложить Клэю составить ей компанию, но передумала и отправилась одна. Это было проще, чем встречаться с человеком, который тебе не подходит. Время пролетело незаметно, после аукциона Франческа успела поболтать с новыми и старыми знакомыми и уже собиралась уходить, как вдруг заметила вдалеке фигуру, которую мгновенно узнала. Узнала и походку, и манеру держаться, а когда увидела, как человек, на которого она смотрела, наклонился к спутнице, у нее дрогнуло сердце. Это был Тодд,

и не один, а с очень миловидной девушкой. Она держала его под руку, он улыбался, разговаривая с ней, — совсем как когда-то, давным-давно, улыбался Франческе. От такого зрелища Франческе захотелось пригнуться и выбежать, а еще лучше — выползти из зала, пока Тодд не заметил ее. У нее возникло ощущение, будто она шпионит за ним, и отвести взгляд никак не удавалось, хотя сердце ушло в пятки. К этому человеку Франческа уже не испытывала никаких чувств, но почему-то не могла спокойно смотреть, как он беседует с юной красавицей и смотрит на нее влюбленными глазами. Чуть не расплакавшись, Франческа выбежала из галереи, поймала такси и назвала водителю домашний адрес. Всю дорогу до дома она проплакала, к себе в комнату пробралась крадучись. Ей не хотелось ни с кем встречаться. Хотелось лишь одного: заползти в постель и умереть.

Эта встреча подействовала на нее отрезвляюще. Она оплакивала мужчину, с которым целый год была несчастна, которого любила, но видела, что он не создан для нее. Они не подходили друг другу, несмотря на то что их связывали чувства. И они решили расстаться, он уехал, а она по-прежнему цеплялась за что могла — за воспоминания, виде-

ния прошлого, отношения, о которых мечтала, но не смогла построить. Подход Тодда оказался более здравым. Он продолжал жить своей жизнью, а она не могла. Ее вдруг словно окатили ледяной водой. Не важно даже, действительно ли Тодд влюблен в девушку, с которой Франческа видела его. Он ей уже не принадлежит, больше никогда принадлежать не будет и ничего ей не должен. Повторение агонии, которую они пережили перед расставанием, ни к чему ни ей, ни ему. Смысл знака, увиденного этим вечером, был очевиден: пора двигаться дальше. С прошлым покончено.

К Клэю Уошингтону, фотографу, с которым она познакомилась в Музее современного искусства, ее по-прежнему не тянуло, но где-то же должен быть мужчина для нее, и она имеет полное право найти его. Какими бы ни были в самом начале ее отношения с Тоддом, он не для нее. Мужчина ее мечты — кто-то другой. Тодд, наверное, уже нашел свою мечту. Но даже если нет, ей пора устраивать собственную жизнь, а не только метаться между галереей и Чарлз-стрит. Ей нужна новая жизнь и большой мир. А видеть Тодда с другой оказалось и вправду больно. Мучительно больно. В ту ночь Франческа долго думала об этом, перед глазами стояло выражение лица,

с которым Тодд смотрел на спутницу. Так и не успев к утру прийти в себя, Франческа доплелась до кухни, села за стол и уставилась в никуда. Она даже не слышала, как подошел Крис.

— Все настолько плохо? — с сочувственной усмешкой спросил он, собираясь варить кофе. Кроме них двоих, все в доме спали.

— А?.. Что?.. Простите… — Ее лицо было осунувшимся и измученным. Она плохо спала и выглядела соответственно.

— Вид у вас так себе, — честно сказал Крис спустя несколько минут, ставя перед ней кружку кофе. Между ними уже складывались непринужденные соседские отношения.

— Да просто увидела призрак прошлого Рождества. Точнее, своего бывшего с его новой. И эта встреча потрясла меня, а я ничего подобного не ожидала. Можно считать, до меня достучалась реальность.

— А кто устанавливает правила? О том, что и сколько должно продолжаться? — возразил Крис, садясь напротив. — Кто решает, как и когда надо себя чувствовать? Если эта встреча потрясла вас — значит, так тому и быть. У вас есть полное право испытывать любые чувства. Зрелище и вправду не из приятных! — Последние слова он

произнес так уверенно, словно побывал там же и видел то, что и Франческа. Уточнять она не стала, но переполнилась признательностью, а пока благодарила, в кухню вошла Мария, оживленная и радостная, как обычно. Казалось, она всегда в хорошем настроении. Мысленно отметив, насколько чувства Марии сегодня отличаются от ее собственных, Франческа потянулась к компьютеру. Крис к нему не прикасался, Мария не умела пользоваться такой техникой, поэтому компьютер включала только Эйлин, которая так и не успела обзавестись собственным.

Франческа не успела притронуться к компьютеру, как он ожил, экран осветился, и на нем появилась омерзительная сцена: две женщины занимались сексом с тремя мужчинами, и это зрелище было настолько неожиданным, что все присутствующие ошеломленно застыли. Франческа не сразу поняла, что произошло. Эйлин смотрела порно, вероятно, с новым парнем. Ничего гаже Франческа и вообразить себе не могла. Опомнившись, она в ужасе и шоке отключила компьютер. Крис вдруг расхохотался, Мария поддержала его. Франческа спохватилась: да, все они взрослые люди, ужасаться ей не следовало, и, видимо, наблюдать за игрой эмоций на ее лице

и вправду было забавно. Во всяком случае, Крис веселился вовсю, хотя и не выглядел тайным любителем порно. Наверное, его просто насмешила неуместность сцены на экране в опрятной и уютной кухне.

— Похоже, Крошка Бо-Пип далеко не так невинна, как может показаться, — заметил Крис. Ничего из ряда вон выходящего в том, что случилось, он не усмотрел, хотя, конечно, ему было бы не до смеха, окажись сейчас в кухне Йен. Если бы непристойную сцену увидел его сын, Крис встревожился бы не на шутку.

— Я попрошу ее больше не смотреть эту гадость на домашнем компьютере, — тихо сказала Франческа, которая в эту минуту тоже думала про Йена. Мальчик любил играть на компьютере и уже умел обращаться с ним. Но до порно он явно не дорос, видеть такое ему не стоило. Несмотря на всю привязанность к Эйлин, порой Франческа начинала чувствовать себя дуэньей или воспитательницей из женского общежития при колледже. Парни, с которыми встречалась Эйлин, чаще всего вызывали у Франчески отвращение. Но сама Эйлин относилась к своим свиданиям несерьезно, с каждым парнем виделась один-два раза, а потом находила следующего. Ее нынеш-

ний друг казался порядочным, продержался дольше других, а вот среди прежних попадались не просто неотесанные болваны, но и хамы. Эйлин не всегда улавливала разницу. Она, как и полагалось юной провинциалке в большом городе, не помнила себя от восторга.

Уходя к себе работать, Крис все еще посмеивался над сценой с компьютером. А Франческа тем же вечером попросила Эйлин больше никогда не смотреть порно на домашнем компьютере. А если бы его увидел Йен?

— Ой, да я сама ни за что бы не стала! — сообразив, что натворила, в ужасе воскликнула Эйлин. — Мы только глянули разок, думали, будет смешно, а потом сразу ушли спать, ну я и забыла выключить компьютер. Кажется, вчера вечером я выпила лишнего. Извини, Франческа, мне правда очень жаль. — Вид у нее был такой жалкий и невинный, что Франческа невольно посочувствовала ей. И вдруг порадовалась тому, что у нее нет детей. Оказалось, командовать, наставлять, отдавать приказы и упрекать за проступки — не самое приятное из занятий. Не ее дело читать Эйлин нотации. С другой стороны, видеть порно на своем компьютере Франческа больше не желала. Эйлин еще раз извинилась,

обняла ее и ускакала вверх по лестнице. Франческа со вздохом проводила ее глазами. Даже роль старшей сестры ее ничуть не радовала. Утешало лишь одно: сердиться на обаятельную и милую Эйлин было невозможно.

Крис все еще посмеивался на следующий вечер, когда вместе с Франческой и Марией ужинал на кухне. Мария приготовила чудесный ростбиф по собственному рецепту, с овощами и йоркширским пудингом. Эйлин убежала на свидание с новым парнем.

— Надо бы накупить им порнушки на дисках, — смеясь, предложил Крис. Он был в хорошем настроении и к десерту неожиданно разговорился. Мария выставила одно из своих лучших блюд, прекрасно дополнившее и без того изысканный ужин.

На десерт Мария приготовила «Аляску»[2] и как раз подожгла ее, когда зазвонил мобильник Криса. Отвечая на звонок, Крис не сводил глаз с живописного блюда. И ему, и Франческе казалось, что они вдруг перенеслись в четырехзвездочный ресторан, шеф-повар в котором — настоящий виртуоз. Марии явно нравилось готовить для

[2] Примечания: 2

«Аляска», или «Запеченная Аляска» — десерт из мороженого на бисквите, украшенного сверху меренгой.

них. Хорошо известные блюда она чередовала с новыми.

Женщины разговорились, а Крис вдруг вскочил из-за стола, его лицо мгновенно стало серьезным. Прижимая мобильник к уху, он вышел в коридор. Франческа слышала, как он отрывистым голосом задал несколько вопросов и уже через минуту вбежал в кухню и схватил со стула свой пиджак.

— Что-нибудь случилось? — встревоженно спросила Франческа. Хоть они и не друзья, в конце концов, теперь они живут под одной крышей.

— Случилось, — подтвердил он, торопливо просунул руки в рукава и бросился к лестнице.

— С Йеном? — ахнула Франческа, догоняя его.

— Нет… да… некогда объяснять. Звонили из полиции. Мне надо его забрать.

— Господи… — Отнимать у него время, задавая новые вопросы, она не стала и только принялась молиться о том, чтобы мальчик не пострадал. Они с Марией снова сели за стол, неотрывно глядя друг на друга поверх нетронутого десерта. Обе думали об одном и том же: о мальчике, к которому успели привязаться.

Наконец Мария поднялась, молча убрала остатки ужина, а Франческа помогла ей. Обе не знали, чем еще заняться и что сказать. Когда

Крис выбегал из кухни, его лицо было мертвенно-бледным. Он явно перепугался за сына, и обе женщины искренне надеялись, что тот избежит самого худшего. Что случилось с Йеном, они не представляли. Правда, Франческа уже давно чувствовала, что в жизни мальчика происходят не самые радостные события, вероятно, связанные с болезнью бывшей жены Криса, о которой Йен мимоходом упоминал, или с чем-нибудь похуже.

После ужина они разошлись по своим комнатам, не переставая думать о Крисе и его сыне. Все, что им оставалось, — ждать. К полуночи Крис не вернулся и не позвонил. Франческа понимала, что он и не обязан извещать их о случившемся. У нее в доме он просто арендует комнаты, и поскольку он исправно платит за них, никаких претензий к нему быть не может. Его личные трудности соседей не касаются. Однако случившееся много объясняло, в том числе скрытность и молчаливость Криса, его нежелание не только рассказывать о своем прошлом, но и общаться с кем-нибудь из соседей. Видимо, у Криса было тяжело на душе.

В два часа ночи Франческа уснула, оставив свою дверь открытой, чтобы сразу услышать, как вернется Крис, — на случай, если ему понадо-

бится моральная поддержка или какая-нибудь помощь. Но она ничего не услышала. Утром выяснилось, что дверь комнаты Криса по-прежнему заперта, в кухню он так и не спустился, а в половине одиннадцатого Франческа ушла в галерею. Она понятия не имела, что случилось с Йеном, как разрешилась проблема и разрешилась ли вообще. Покидая дом, мимо двери Криса она прокралась на цыпочках. Причины его вчерашней паники оставались для нее загадкой. У каждого из жильцов дома были свои горести и травмы, не имевшие никакого отношения к остальным и принадлежащие только им самим.

Глава 8

Вечером, вернувшись домой из галереи, Франческа застала на кухне Йена: смирно сидя за кухонным столом, он ел суп, приготовленный Марией. Его отца поблизости не было, а Франческа вдруг поняла, что сегодня четверг, а Крис обычно встречается с сыном в другие дни. В доме на Чарлз-стрит мальчик появлялся только по выходным. Видимо, случилось и вправду нечто из ряда вон выходящее.

Франческа отложила сумку, села рядом с Йеном и улыбнулась ему. Что сказать, она не знала. Ей хотелось обнять малыша, но она боялась напугать его. Мария читала ему какую-то детскую книжку.

— Я рада тебя видеть, Йен, — тихонько сказала Франческа и осторожно пригладила волосы мальчика ладонью. Он поднял на нее печальные глаза. Его плечи поникли, словно от страшной тяжести. От недетского взгляда Йена у Франчески защемило сердце.

— Маме вчера вечером стало плохо, — заговорил он. — Она уснула и никак не просыпалась. Я

будил ее, а она все спала. Было так много крови. Я думал, она умерла. И позвонил 911.

Франческа взяла себя в руки, чтобы не выдать ужаса, внимательно выслушала его и кивнула:

— Тебе, наверное, было очень страшно.

Мальчик кивнул, и Франческа не решилась спрашивать, жива его мать или умерла прошлой ночью. Многое объясняли потрясение и горе на детском личике. Йен выглядел так, словно вдруг осиротел, его хотелось обнять и утешить, но Франческа не осмелилась.

— Мама сейчас в больнице, но ей очень плохо. Я буду здесь, с папой.

— Вот и хорошо, что ты здесь.

— И я рада, — подала голос Мария. — Поможешь мне испечь побольше печенья. Возьмешь его с собой в школу.

Йен кивнул.

Вошел Крис, вид у которого был такой же убитый, как у сына. За ночь у него под глазами появились темные круги.

Крис сел за стол и улыбнулся Йену так, будто они вместе прошли войну. Похоже, так и было: Франческа до сих пор не могла осмыслить то, что услышала от Йена.

— Ну как ты?

— Ничего, — отозвался Йен, вяло черпая ложкой суп.

— Давай-ка сегодня оба ляжем пораньше и отоспимся. Согласен? — Сам Крис был до предела измучен.

— Ладно, — коротко ответил Йен. Он ничем не походил на жизнерадостного, деятельного ребенка, каким обычно был по выходным, и неудивительно: ведь он еще недавно видел свою мать умирающей в лужах крови.

Мария сочувственно похлопала его по руке, Крис подхватил сына и понес к себе. На пороге кухни он бросил благодарный взгляд на Марию, которая весь день провела с мальчиком. Франческа осталась в кухне с Марией. Никто из них так и не понял, что произошло, но судя по всему, случилось страшное — об этом говорил ужас на лице ребенка.

Франческа смотрела телевизор у себя в комнате, когда Крис зашел к ней, уложив Йена спать.

— Простите за все эти трагедии, — заговорил он с несчастным видом, дождавшись, когда Франческа предложит ему сесть. Оба были одеты по-домашнему, в джинсы и футболки с длинными рукавами. — Нам к этому не привыкать, но шок мы все равно испытываем. Мать Йена сидит на ге-

роине. Вчера вечером у нее была передозировка. Она уверяла, что вылечилась, но это была ложь. Не знаю, что случилось, но кажется, в последнее время она связалась с каким-то подонком. Она вколола себе дозу, порезала запястья и чуть не истекла кровью до смерти на глазах у Йена. Это он спас ей жизнь, позвонив 911. Он зажимал артерии пальцами, пока не подоспела помощь. Оба они перепачкались кровью, но она осталась жива. Теперь после больницы она снова попадет в клинику. Извините, Франческа, что приходится посвящать вас в эти подробности. Хуже всего то, что Йен вынужден видеть все это. Я-то уехал, а он остался с матерью — у нас с ней совместная опека над ребенком.

Пока она лечится, Йен будет со мной, но как только ей полегчает, скорее всего вернется к ней. Мне об этом даже думать не хочется, но так обстоит дело. Когда она в здравом уме, она может быть очень убедительной. А судьи неохотно отнимают детей у матерей, чаще дают им второй шанс. Каждую неделю мать Йена проходит тест на наркотики, потому ей и разрешили совместную опеку — по крайней мере пока она не сорвется. Йен очень привязан к ней. Она его мать, он ее любит. Каждый раз, когда случается что-нибудь

подобное, он долго не может прийти в себя, и моя задача — помочь ему. Мне уже надоело желать бывшей жене смерти за то, что она так изводит ребенка. Я просто хочу помочь ему выкарабкаться с наименьшими потерями. Мать Йена умеет добиваться своего. Я хотел бы получить опеку над сыном, но когда она в здравом рассудке, в зале суда ее можно принять за мать Терезу. Судьи всякий раз клюют на этот крючок.

Франческа видела, как встревожен Крис тем, что происходит с его сыном, и могла лишь догадываться, какой была его супружеская жизнь. Ей и в голову не приходило, что жена Криса окажется наркоманкой. Он казался слишком здравомыслящим, чтобы выбрать себе такую пару. Но жена, очевидно, была его полной противоположностью. Франческу вдруг поразила мысль: почти невозможно угадать, что на самом деле творится в чужой семье. Жизнь Криса до развода явно была кошмаром, и если ему удалось вырваться, то Йен продолжал страдать. Объясняя Франческе, в чем дело, Крис еле удерживался от слез.

— Я пришел поговорить с вами потому, что понятия не имею, сколько Йен пробудет со мной. После больницы его мать отправят в клинику на реабилитацию — конечно, если она согласится.

Сейчас-то она твердит, что согласна, но попав туда, может и передумать. Йен вернется к ней лишь после того, как она пройдет тест на наркотики, и докажет, что не употребляет их. Держать себя в руках ей удается месяц, два или три. А может случиться так, что она сразу сведет себя в могилу. Я обещал вам, что Йен будет проводить в доме всего два выходных дня в месяц, но теперь я не смогу сдержать это обещание, мало того, не знаю, сколько сын пробудет со мной. Вот я и решил спросить: хотите ли вы, чтобы я нашел другое жилье? Вы же не рассчитывали постоянно видеть в доме ребенка, поэтому, если вы против, я поищу другое жилье для нас с Йеном. Когда я сюда вселялся, я не думал, что мне понадобится отдельная квартира, но видимо, этого не избежать. Вам решать, Франческа, и если вы не захотите, чтобы мы жили здесь, я вас пойму. Просто скажите, как я должен поступить, и я постараюсь все уладить как можно быстрее. — Он говорил, что готов освободить комнаты, и выглядел при этом таким измученным, что у Франчески от ужаса сжалось сердце.

— Вы шутите? Думаете, я попрошу вас съехать после всего, что случилось с Йеном? Конечно, пусть остается здесь, и вы, разумеется, тоже. Мне

и в голову не пришло бы просить вас съехать, этого я вовсе не хочу. Все мы любим Йена, мне тоже хочется помочь ему. Мальчику пришлось очень тяжело, как и вам. Жаль, что вам выпало столько бед. — Она и вправду сочувствовала обоим.

— Мне тоже, — согласился он, во всех подробностях вспоминая, как накануне вечером забирал из больницы перепачканного кровью сына. — Такой жизни никому не пожелаешь, тем более ребенку. Будь у матери Йена сердце или мозги, она отказалась бы от опеки, но она об этом и слышать не желает. Боится, что если об этом узнают ее родители, то перестанут выплачивать ей содержание, потому и не желает отпускать Йена. В остальном ей нет до него дела. Но хуже всего то, что никто и не станет уговаривать ее отказаться от опеки. Завтра я иду на слушание как раз по этому вопросу. Йена временно отдадут мне, но едва его мать оклемается настолько, что сможет разжалобить судью и доказать, что наркотики она больше не употребляет, придется вернуться к прежнему соглашению. Тошно даже думать о том, что придется снова отдать ей Йена. Она срывается уже третий раз, но едва отходит, как мальчика снова возвращают ей. Отец моей бывшей жены очень влиятельный человек. На

судей это неизменно действует.

— А чего хочет сам Йен? — тихо спросила Франческа.

— Он боится, что мать умрет, если его не будет рядом. Он спас ее уже во второй раз. Но когда-нибудь просто не успеет, и она умрет у него на глазах, не успев выпустить из рук шприц… — По щекам Криса покатились слезы, Франческа вскочила и порывисто обняла его.

— Хотите, я схожу завтра с вами в суд? В одиночку выдержать такое нелегко…

Крис покачал головой:

— Мне не привыкать. Спасибо, но я не хочу взваливать на вас такую обузу. Это мои проблемы, а не ваши. И все-таки спасибо за предложение… и за дружбу. Хорошо еще, судья разрешил не приводить в суд Йена. Никаких осложнений не предвидится, только решится вопрос о временной опеке, пока мать Йена на реабилитации. Вряд ли ее адвокат найдет что сказать после вчерашнего… — Воспоминания об этом были мучительными не только для Йена, но и для Криса — Франческа видела это по его глазам. Теперь она понимала, почему Крис так ценит одиночество. Очевидно, он слишком серьезно травмирован жизнью с бывшей женой. Крис признался, что

сейчас хочет лишь одного: жить тихо и мирно вместе с Йеном. Он уже прошел сквозь ад, и самое страшное, что тот же ад видел Йен. Но Крис понимал: если он попытается навсегда отнять мальчика у матери и добьется своего, Йен всю жизнь будет винить себя за то, что в решающий момент его не оказалось рядом с матерью. Эти воспоминания станут для него кошмаром. Йен с матерью поменялись ролями: опекал он, в роли ребенка выступала она.

Разговор продолжался еще несколько минут, Франческа заверила собеседника, что ему вовсе незачем съезжать отсюда. Не зная, как ее благодарить, Крис вернулся к себе. Прошлой ночью им с Йеном так и не удалось сомкнуть глаз, а сегодня мальчику снились страшные сны. Франческа слышала, как он вскрикивает и успокаивается под низкий рокот отцовского голоса. Франческу не покидала жалость к ним обоим.

Рано утром Крис собрался в суд, на заседание по вопросу временной опеки, а Мария вызвалась побыть с Йеном. Крис надел темный костюм с галстуком, таким серьезным Франческа еще никогда его не видела. Мысленно желая ему удачи, она смотрела, как Крис садится в такси, торопясь на встречу со своим адвокатом. Такие появления

в суде стали для него привычным делом. Йен тоже хорошо знал, что предстоит его отцу: так он и объяснил Марии и Франческе, которые пытались отвлечь мальчика разговором в кухне. Йен объяснил, что, пока мама не выйдет из больницы, он поживет с отцом, а потом обязательно вернется присматривать за ней, иначе она может умереть. Таких недетски печальных глаз, как у Йена в эту минуту, Франческа никогда не видела. Накануне вечером она узнала от Криса, что Йен дважды в неделю ходит к психоаналитику, чтобы хоть немного смягчить травму повседневной жизни. Франческа считала, что так мучить ребенка, а тем более шантажировать им отца — преступление.

Тем утром Йен, получив разрешение отца, поговорил с матерью по телефону. Оба знали, что из реабилитационного центра мать не сможет звонить ему до тех пор, пока не вылечится и ее не выпишут. Возможно, пройдут месяцы, прежде чем они снова сумеют поговорить, — от этой мысли ему каждый раз делалось тоскливо. Грустный и подавленный, он согласился посидеть на коленях у Марии, а потом пристроился под боком у Франчески и уснул. Когда в одиннадцать домой вернулся Крис, мальчик еще дремал. Как и ожидалось, судья отдал Йена под временную

опеку отцу. Шепотом поблагодарив Франческу и Марию, Крис подхватил сына на руки и понес в комнату, надеясь, что сон поможет восстановить душевное равновесие им обоим. Все еще потрясенная случившимся Франческа ушла в галерею, но целый день думала только об отце и сыне. Ей хотелось хоть чем-нибудь помочь им, но чем? Разве что побыть рядом. Все живущие в доме на удивление быстро сдружились. Сдавая комнаты, на такую удачу Франческа не рассчитывала. Казалось, все обитатели дома номер 44 по Чарлз-стрит стали одной семьей.

Глава 9

Как только Йен начал проводить в доме на Чарлз-стрит все время, атмосфера в нем изменилась — точно так же, как менялась с появлением очередного жильца. Теперь это был настоящий дом и семья, центром которой стал ребенок. Мария готовила еду и присматривала за Йеном, когда Крис был слишком занят, чтобы побыть с сыном после школы. Франческа брала мальчика с собой в галерею, а по выходным водила куда-нибудь. Йену нравилось бродить по галерее, знакомиться с постоянно заглядывающими туда художниками и рассматривать картины. А Эйлин продемонстрировала талант педагога, затевала с Йеном удивительные игры и учила его делать птичек-оригами. Под руководством Эйлин все обитатели дома однажды в выходной день смастерили кукол из папье-маше, перевернув вверх дном всю кухню. Но куклы получились замечательными, Йен пришел в восторг. Как оказалось, Эйлин наделена даром ладить с детьми, Йен ходил за ней хвостиком, словно за гаммельнским крысоловом. Эйлин уводила его к себе наверх и часами

читала ему любимые книжки, за что Крис был безмерно благодарен девушке. Йен слушал ее, затаив дыхание.

Вместе с мальчиком все обитатели дома красили пасхальные яйца и укладывали в корзиночки вместе с яркой целлофановой «соломкой». Всеми принадлежностями их обеспечила Эйлин. У Йена вдруг появилась бабушка и две тети. На пасхальный ужин пришли гости — отец Франчески и Эйвери. Мария блеснула своим мастерством, выставив на стол великолепный окорок в окружении расписных яиц, одно из которых, гигантское шоколадное, предназначалось на десерт Йену. Несколько раз мальчик навещал бабушку с материнской стороны, Крис и не думал препятствовать этому, но лишь в доме на Чарлз-стрит Йен чувствовал себя по-настоящему любимым, именно здесь он вновь начал улыбаться. Женщины дома окружили его заботой каждая на свой лад, и мальчик привязался к ним.

Крис сиял, наблюдая, как оттаивает душой сын, до тех пор, пока не пришел май и его не вызвали в суд, куда явилась и мать Йена, уже покинувшая реабилитационный центр. Она желала видеть сына у себя дома. Из здания суда Крис вышел с совершенно серым, осунувшимся лицом, а когда

вернулся домой, на него было страшно смотреть. Его бывшая жена снова обратилась за помощью к своему могущественному отцу и убедила судью. Криса обязали на следующий день отвезти Йена к ней и снова перейти к режиму встреч, которого они придерживались, пока мать Йена не попала в больницу. Худший кошмар Криса повторился. Его бывшая жена в суде имела ангельский вид и старательно изображала раскаяние.

Прощаясь с обитателями дома на Чарлз-стрит, Йен был подавлен.

— Ты же опять придешь к нам в следующие выходные, — напомнила ему Мария. — И мы испечем миндальное печенье. До встречи, Йен! — Она поцеловала мальчика на прощание, Франческа обняла его, чувствуя, как в горле застрял комок величиной с кулак. Эйлин подарила маленькому подопечному своего плюшевого медвежонка. Крис посадил сына в такси и увез, а три женщины, возвращаясь в дом, плакали не стесняясь. У вернувшегося Криса вид был опустошенный. Франческа заподозрила, что он едва держится на ногах, и оказалась права: поднявшись к себе, Крис сразу лег и был вынужден провести в постели два дня. Мария пыталась утешить его, нося наверх подносы с едой, но у Криса кусок не шел в горло.

Он впал в тяжелую депрессию, от тревоги его подташнивало. А если с Йеном что-то случилось? Вдруг мать случайно или намеренно подвергла его риску? Только на следующей неделе в выходные, когда пришла очередь Криса проводить их с сыном, он немного ожил. Все скучали по Йену, в доме воцарились тишина и уныние.

Без Йена дом постепенно возвращался к прежнему, «взрослому» режиму. Мария снова уехала в Вермонт, проверить, как там ее дом. Эйлин начала каждый вечер бегать на свидания и возвращалась лишь поздно ночью. Правда, теперь она действовала осмотрительнее. Пока Йен жил с отцом, Эйлин проводила дома больше времени, чем обычно, и с удовольствием играла с мальчиком. За последние несколько месяцев она сменила нескольких парней, в июне у нее появился очередной. Франческа уже не раз задумывалась, не начать ли и ей с кем-нибудь встречаться. С появлением в доме Йена личная жизнь его взрослых соседей словно остановилась, а теперь, без него, все как будто вспомнили, что они взрослые одинокие люди и что им пора заняться собой. Но по выходным, когда мальчик приходил в гости к отцу, жизнь дома вновь начинала вращаться вокруг него. Крис был благодарен и растроган.

В доме на Чарлз-стрит он сам и его сын обрели новую семью. И вдобавок у Криса появилось три добрых друга, готовых поддержать его в трудную минуту. К счастью, его бывшая жена еще помнила пережитое, воздерживалась от наркотиков и заботилась об Йене. Но по прошлому опыту Крис знал: это ненадолго.

Июнь выдался насыщенным для всех. Мария с головой ушла в работу над новой книгой и каждый вечер удивляла соседей новыми блюдами. Крис добродушно подшучивал над ней. Время шло, он постепенно успокаивался и уже не так переживал за Йена, хотя по-прежнему не верил в то, что его бывшая жена решила раз и навсегда покончить с наркотиками.

— Я так пристрастился к изысканной кухне, что теперь без нее чувствую себя обделенным судьбой. С тех пор как я здесь поселился, я прибавил фунтов десять, — посмеиваясь, жаловался он Марии.

— Тебе не повредит, — улыбалась ему Мария. В выходные, которые Йен проводил с отцом, она учила мальчика готовить. До сих пор мать Йена вела себя пристойно, но Крис знал: рано или поздно она все равно сорвется. Они прожили вместе десять лет. О пристрастии жены к наркотикам

Крис узнал еще до зачатия Йена и уговорил жену пройти два курса лечения в реабилитационной клинике, а уж потом планировать беременность. От наркотиков она воздерживалась лишь в те месяцы, пока ждала сына, но уже через три месяца после рождения Йена вернулась к давней привычке. Крис уже не верил, что она способна продержаться без наркотиков хоть сколько-нибудь длительное время. По его мнению, поддаться искушению она могла в любой день. Крис надеялся только, что самого страшного его сын не увидит. Ожидание неприятностей стало для него привычным делом, как и сознание, что они неизбежны. Оставался открытым лишь вопрос, когда именно они произойдут.

Эйлин привела домой очередного парня, и Франческа пала духом, увидев, что и этот щеголяет пирсингом и татуировками. Похоже, Эйлин бросало из крайности в крайность: она выбирала то здравомыслящих молодых мужчин, работавших в рекламных агентствах, банках, школах или на другой традиционной работе, то бездельников, богему и маргиналов. На этот раз она двинулась по проторенному пути: ее новый избранник был механиком и чинил мотоциклы. Франческа сразу ощутила острую неприязнь

к нему и решила, что таких грубиянов еще не видывала. Правда, механик был хорош собой и сексуален, Франческа понимала, чем он привлек Эйлин, но в отношениях этих двоих ощущались такие подводные течения, что всем вокруг становилось неловко, вдобавок механик стремился контролировать каждый шаг подружки. Услышав об этом от Эйлин, Франческа рассвирепела. А девушке, похоже, льстило это подобие заботы, которое она принимала за любовь. С точки зрения Франчески, это уже попахивало жестоким обращением. Механик с удовольствием высмеивал и унижал Эйлин в присутствии посторонних. Один такой случай произошел за завтраком, который Мария приготовила для всех: Брэд, новый парень Эйлин, отпустил по ее адресу гнусное замечание. Франческа сразу ощетинилась, но промолчала. Оскорбление повторилось. На этот раз Франческа одернула Брэда, отчего Эйлин сжалась и уставилась в свою тарелку. Идти наперекор этому парню она явно не стремилась.

— Зачем вы говорите о ней такое? — нахмурившись, спросила Брэда Франческа. Она видела его всего несколько раз, но уже успела невзлюбить.

— А вам-то что? — Он метнул во Франческу через стол неприязненный взгляд, уверенный,

что заставит ее замолчать. Но это ему не удалось: Франческа лишь разозлилась.

— Это некрасиво. Эйлин замечательная, она очень внимательна к вам. А мы — ее друзья. Почему вы считаете, что вправе оскорблять ее?

Брэд несколько раз назвал Эйлин дурой, а если она и глупела, то лишь в его присутствии. К тому же эта «дура» вовсе не походила на ласковую «дурочку».

Через несколько минут Франческа и Брэд буквально столкнулись у кофейника, и Брэд выхватил его из-под носа Франчески, на которую по-прежнему злился. Ее замечание показалось ему унизительным. От резкого движения горячий кофе выплеснулся на руку Франчески, на что и рассчитывал Брэд. Она вскрикнула и отдернула руку.

— Никак обожглись? — с саркастической ухмылкой осведомился Брэд. — Жалость-то какая! — Он преспокойно наполнил свою чашку, обернулся, чтобы отойти к столу, и очутился лицом к лицу с Крисом, глаза которого метали молнии.

— Чтоб больше так не делал, ясно? Даже не вздумай! — отчетливо выговорил Крис. — Мы здесь как одна семья. Мы друг за друга в ответе,

а тебе просто повезло оказаться в этом доме. Так что веди себя пристойно, пока ты здесь, и не смей хамить Эйлин, понял?

Франческа онемела, увидев, какими взглядами обмениваются мужчины. Криса трясло от ярости, Брэд молча выслушал его, отшвырнул свою салфетку и вылетел из кухни. Эйлин задержалась только затем, чтобы извиниться перед всеми, а потом бросилась за ним. Вскоре все услышали, как Брэд орет на нее, выбегая за дверь, а через минуту его мотоцикл взревел и умчался.

— Не нравится мне этот тип, — процедил сквозь зубы Крис. — Он опасен. Не знаю, что она в нем нашла.

Этого не понимал никто — впрочем, Брэд был сексуален и молод, как и сама Эйлин. Возможно, ее просто тянуло к «плохим парням». Или же никого более достойного не подвернулось, и Эйлин решила, что справится и с таким. Франческа снова задумалась, не попросить ли девушку больше никого не водить домой, но опомнилась: ведь и Эйлин у себя дома. Может, Крис все-таки заставит Брэда образумиться, или он так оскорбился, что больше здесь не появится. Слова Криса тронули Франческу, она и вправду чувствовала, что связана со своими соседями такими же прочными

узами, как родственные.

В том месяце и Франческа наконец начала ходить на свидания. Правда, это случилось всего три раза, но человек, с которым она встречалась, ей нравился — и только. Франческе было просто приятно бывать где-нибудь с ним вдвоем.

Он был художником, но в ее галерее не выставлялся. Франческе нравилось встречаться с ним, однако серьезных планов она не строила. Он придерживался крайне левых взглядов и считал, что ее отец поступился принципами ради успеха и высоких гонораров. По мнению нового знакомого Франчески, художники должны работать для народа, а на ее взгляд, это было чересчур. Только его ум, чувство юмора и бесшабашность искупали все. Отчасти новый знакомый напоминал Франческе ее отца: видимо, и ему в молодости было свойственно подобное обаяние и путаность взглядов. Так или иначе, в этом молодом художнике чувствовалось что-то очень знакомое. Этот типаж был знаком Франческе, но терпением Эйвери, необходимым для общения с такими людьми, она не обладала. И не имела ни малейшего желания кого-то перевоспитывать. Ей хватало и совместных ужинов. Большего от него не требовалось. Художник стал первым, с

кем она начала встречаться после расставания с Тоддом. Франческа уверяла себя, что практика ей не помешает, но всерьез принимать эти отношения не стоит. Художник умел смешить ее, рядом с ним ей нравилось снова чувствовать себя женщиной — и то, и другое радовало. Увы, к этому человеку Франческу вовсе не тянуло: во многом наивный, отнюдь не реалист, он порой казался ей ребенком. Если уж встречаться, то не с мальчишкой, а с мужчиной. Таких людей она хорошо знала и помнила, что им свойственно вести себя по-детски. А брать на себя роль мамочки Франческа не собиралась.

Через день после конфликта Криса и нового парня Эйлин Мария что-то готовила на всех по новому рецепту. Все в доме пообещали вернуться к ужину и гадали, какое пиршество ждет их на этот раз. Но не успели они сесть за стол, как Эйлин позвонила Франческе на мобильник, извинилась и объяснила, что у нее сильная простуда с жаром. В тот день она вообще не выходила из своей комнаты, и Мария встревожилась.

— Бедняжка! Надо бы отнести ей супу, — решила Мария. Она собрала для больной соседки красивый поднос, и Франческа понесла его наверх. Постучавшись, она с удивлением обна-

ружила, что дверь заперта. Эйлин не собиралась впускать ее.

— Мария послала тебе ужин, — объяснила Франческа из-за двери и услышала в ответ, что Эйлин тошнит, поэтому аппетит у нее пропал начисто. — И что же мне теперь, нести еду обратно? Мария обидится, — предупредила Франческа, стоя перед запертой дверью.

— Просто оставь за дверью, — откликнулась из комнаты Эйлин. — Не хватало еще, чтобы ты заболела из-за меня.

— Не заболею. Я здорова, как лошадь. — Но Эйлин по-прежнему не открывала.

— Послушай… у тебя все в порядке? — насторожилась Франческа. — Я за тебя переживаю. Впусти меня. Кстати, я принесла тайленол, чтобы сбить температуру.

— Оставь на подносе за дверью. Я сейчас выйду за ним…

Франческа вдруг услышала из-за двери всхлипы и заволновалась.

— Пожалуйста, впусти меня, — потребовала она, чувствуя себя назойливой гостьей, но в то же время понимая, что у Эйлин случилось что-то посерьезнее простуды. Вдобавок и голос у нее был обычным, не хриплым и не гнусавым.

Последовала долгая пауза, за дверью никто не двигался, Франческа и не думала уходить. Наконец ключ щелкнул в замке, но дверь не открылась, и Франческе самой пришлось, поставив поднос на пол, повернуть ручку. По другую сторону двери безмолвно плакала Эйлин в одной ночной рубашке, с лицом, сплошь покрытым самыми жуткими синяками и ссадинами, какие доводилось видеть Франческе. В синяках были и шея, и руки, и грудь. Кто-то жестоко избил девушку, и Франческа даже догадывалась кто.

— Это Брэд так тебя отделал?

Эйлин не ответила, потом кивнула и начала всхлипывать.

— Только никому не говори… пообещай, что не скажешь… он сказал, что я его унизила перед вами… а я даже защититься не смогла.

— Ты должна позвонить в полицию, — заявила Франческа, с ужасом глядя на девушку. При виде синяков Эйлин на глаза Франчески наворачивались слезы. Она обняла девушку и прижимала ее к себе, пока всхлипы не утихли.

— Он сказал, что убьет меня, если я сдам его копам. Убить он и правда может, я знаю. Франческа, пообещай никому об этом не рассказывать. Больше я не стану с ним встречаться, клянусь тебе.

«Я не желаю больше видеть его в этом доме». Эти слова Франческа произнесла мысленно, но решила, что если Эйлин еще раз приведет сюда этого бандита, она потребует, чтобы он ушел. Брэд опасен для всех обитателей дома, не только для Эйлин. Он нарочно облил горячим кофе руку Франчески, и неизвестно еще, как он может навредить Крису, если подвернется случай. Франческе очень хотелось сразу же позвонить в полицию, но она боялась подвергать риску Эйлин.

— Хочешь, я отвезу тебя в больницу?

— Нет, — убитым голосом откликнулась девушка. — Они могут сообщить в полицию. Ничего со мной не будет, мне не привыкать. Отец часто колотил меня, а уж мать — та вообще чуть ли не каждый день, когда я была еще девчонкой. Отец пил, потому я и уехала из дома.

— Сочувствую… — Франческе нестерпимо хотелось немедленно упрятать Брэда за решетку, где ему самое место. — Эйлин, встречаться с такими парнями нельзя. Неизвестно, кто попадется тебе в следующий раз, — ты же ничего о них не знаешь. Понимаю, общаться с ними в Сети интересно и весело, но среди них попадаются опасные люди. Так что больше никого не приводи сюда.

— Не буду. Обещаю! — Она всхлипнула и прильнула к Франческе. — Пожалуйста, не выгоняй меня отсюда. Мне здесь так нравится. Такого дома у меня еще никогда не было.

От этих слов сердце Франчески облилось кровью.

— Тогда постарайся впредь быть осторожнее.

— Обязательно… честное слово. — Девушка отстранилась и виновато взглянула на Франческу. — Он отобрал у меня ключ. Я не давала, но он догнал меня, отнял и снова начал бить. Сказал, что еще вернется, и если я посмею кому-нибудь проболтаться, опять меня побьет.

— Я сменю замки, — мрачно отозвалась Франческа. Она легонько поцеловала Эйлин в лоб, пообещала зайти еще раз после ужина и сбежала в кухню. Поход наверх затянулся на полчаса.

— Что так долго? — спросил Крис. Он уже доедал главное блюдо — Мария боялась, как бы оно не остыло. — Видно, Эйлин здорово простыла.

— Еле на ногах стоит, — подтвердила Франческа, не желая тревожить остальных и не зная, что сказать. За ужином она почти все время молчала, и Крис понял, что она встревожена. Все жители дома быстро учились понимать друг друга без слов. Пока Мария доставала из духовки шоко-

ладное суфле и делала к нему крем шантильи с английским соусом для десерта под стать остальному пиршеству, Крис вполголоса обратился к Франческе:

— Что стряслось?

Поколебавшись мгновение, Франческа решила все ему рассказать. Ей требовался совет.

— Брэд избил ее. Сильно. У нее все лицо и тело в синяках, глаз совсем заплыл.

— Господи… — Крис вскипел. — В полицию она звонила?

Франческа покачала головой.

— Говорит, он пригрозил убить ее, если она кому-нибудь проболтается. Ей теперь даже на работу не выйти. На нее страшно смотреть.

— Ты считаешь, что она должна отсюда съехать? — деловито спросил Крис, пока Мария взбивала крем и от шума миксера не слышала, о чем идет речь за столом.

— Она умоляла не выгонять ее. А я запретила приводить Брэда сюда. Он забрал у нее ключ. Завтра же надо поменять замки, а сегодня на ночь накинуть цепочку.

Крис вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Надеюсь, у нее еще нет зависимости от этого парня или от побоев. Физическое насилие вызы-

вает самую стойкую зависимость, избавиться от которой труднее всего…

Но насколько оба знали, прежде ничего подобного не случалось. Франческа приободрилась.

— Думаю, он просто случайный и неудачный знакомый из Интернета. Скорее бы ей надоели такие знакомства. Ведь она добрая и милая, она еще совсем ребенок, а подвергает риску не только себя, но и нас заодно.

Крис кивнул, к столу подошла Мария с десертом. Франческа только попробовала его, большая часть досталась Крису. Ужин был изумителен, рецепты Марии безупречны, но сегодня ценителей ее искусства тревожило то, что происходило в комнатах наверху. Они скрыли от Марии случившееся, решив, что незачем лишний раз волновать ее.

Франческа помогла Марии убрать в кухне и сходила проведать Эйлин. Смотреть на покрытое синяками лицо девушки было невозможно без слез, но Франческа порадовалась уже тому, что Эйлин съела присланный Марией ужин и слегка оживилась. Эйлин клятвенно заверила хозяйку дома, что впредь будет осторожна. После визита к ней Франческа заглянула к Крису. Обоих тревожил Брэд, и они надеялись только, что теперь

он оставит Эйлин в покое. К тому же девушка поклялась Франческе, что больше ни за что не станет с ним встречаться.

Перед сном Франческа накинула на дверь цепочку, а Крис пообещал на следующий день вызвать слесаря и сменить все замки, пока она на работе. Больше им ничего не оставалось, разве что остерегаться непрошеных гостей. Франческа предупредила Эйлин, что вызовет полицию, если еще раз увидит Брэда в своем доме. В ту ночь Франческа почти не спала, думала о синяках на лице Эйлин и гадала, что имел в виду Крис, когда говорил, что зависимость от физического насилия трудно побороть. Неужели человек в здравом уме может впасть в зависимость от побоев? Это же бессмысленно. Эйлин наверняка усвоила урок, значит, теперь будет держаться от Брэда подальше. Вспоминая, как он изуродовал девушку, Франческа в этом даже не сомневалась.

Глава 10

Крис позаботился о том, чтобы в доме сменили замки, Эйлин взяла на работе недельный отпуск, объяснив, что попала в аварию. В конце концов ей пришлось рассказать всю правду Марии, которая пришла в ужас. И тут же вздохнула с облегчением, узнав, что в доме уже сменили замки, и посочувствовала Эйлин — такой милой, безобидной и немножко наивной. Конечно, она поступала глупо, знакомясь в Интернете с кем попало, но побоев никак не заслуживала. Такого отношения не заслуживает никто. До Франчески начало доходить, что у Эйлин проблемы вовсе не с Интернетом — он для нее только средство для знакомства с мужчинами. С таким же успехом она могла бы знакомиться в баре или где-нибудь еще. Настоящая беда в том, что она не умеет здраво оценивать новых знакомых, вдобавок ее тянет к тем, кто ей совсем не подходит.

Всем обитателям дома понадобилось время, чтобы немного отойти от пережитого и успокоиться.

Франческа снова встретилась со своим знако-

мым художником и осталась еще менее довольна, чем прежде. С этим человеком, несмотря на все его обаяние, у нее было не просто мало общего: они казались совершенно разными людьми. Франческе не хотелось еще раз совершать все ту же ошибку, она решила, что сближаться с художником ни в коем случае не станет. В отличие от Тодда, который всегда вел себя по-мужски, этот ее знакомый казался безответственным подростком. Словом, форсировать события было ни к чему, и Франческа объяснила, что больше не сможет с ним встречаться. Несмотря на неустанные попреки матери, ей и одной жилось неплохо. Талия не понимала, как можно по своему желанию обходиться без мужчины, и даже утверждала, что Франческе пора посетить психоаналитика, на что ее дочь со смехом заверила, что с ней все в полном порядке. Просто она не спешит снова связывать себя обязательствами, не успев расстаться с Тоддом.

Очередным шоком для нее стали известия от Тодда. Он зашел к ней в галерею, расспросил о делах, поболтал о том о сем несколько минут и огорошил сообщением, что он помолвлен.

— Уже? — Франческа растерялась. — Ты же переехал всего пять месяцев назад. К чему такая

спешка?

— Мне сорок один. Я хочу жениться и обзавестись детьми.

Франческа в свои тридцать пять об этом еще не думала.

— Твоя невеста — та женщина, с которой я видела тебя несколько месяцев назад? Высокая блондинка? Вы были вместе на аукционе «Кристиз». — Франческе стало грустно. Она так и не свыклась с мыслью, что Тодд принадлежит другой.

— Да, это она. Мы встречаемся с февраля. Первого января у нас свадьба. Я решил, что надо сообщить тебе об этом, пока новость не принес кто-нибудь другой.

— Спасибо, — тихо откликнулась она. Как ни странно, Франческа была рада за него, если, конечно, ему не все равно. И все-таки у нее ныло сердце. Тодд не мог этого не понимать. Они разные люди, у них разные потребности. Потому они и расстались. А теперь он помолвлен. Франческа поблагодарила Тодда за визит, пожелала ему удачи, а потом весь день бродила по галерее как потерянная.

Это ощущение не покинуло ее и вечером, на пути домой. К входной двери она подошла одно-

временно с Крисом, выбравшимся из такси. Он возил свой проект арт-директору одной компании: на этот раз ему заказали капсулу в стиле нью-эйдж — упаковку для моющего средства. При виде Франчески Крис просиял.

— Как прошел день? — спросил он, пока она отпирала дверь. Оба втайне радовались, что им не надо возвращаться в пустой дом. Одиночество тяготило бы обоих.

— Так себе. Тодд заходил сообщить, что он помолвлен.

У них уже почти не осталось секретов друг от друга, разве что мечты и надежды они держали при себе. После того как мать Йена очутилась на волосок от смерти, а Эйлин зверски избили, обитатели дома каждый вечер стали делиться горестями и радостями, между ними крепли дружеские узы.

— М-да, врагу не пожелаешь, — заметил Крис, входя в холл. По дому, как обычно, витали аппетитные запахи стряпни. К этому уже все привыкли, хотя по-прежнему восхищались блюдами Марии. Сегодняшние запахи показались обоим особенно благоуханными. Время от времени все они предлагали готовить по очереди, но чаще всего место у плиты занимала Мария — по

ее собственному настоянию. Ее усердие стало для остальных щедрым даром, который они высоко ценили. Марию любили и баловали знаками внимания, а Крис покупал ей отличное вино.

— Расстроилась? — спросил Крис, и Франческа нехотя кивнула, взглянув на него. Скоропалительной помолвки от Тодда она никак не ожидала.

— Да, — честно призналась она. — Мне, наверное, следовало бы просто порадоваться за него, а я сама не знаю, рада я или нет. Мне до сих пор грустно, что у нас с Тоддом не сложилось.

— По крайней мере вы оба признали это и сумели обойтись без лишних потерь. А мне понадобилось десять лет; к тому времени, как все было кончено, я выбился из сил и был готов раз и навсегда поставить крест на личной жизни. А вы управились вдвое быстрее и вдобавок расстались по-хорошему. Я же чуть не дал ей разрушить не только ее собственную, но и мою жизнь. Все думал, что Ким вылечилась от зависимости и навсегда завязала с наркотиками. Наши отношения нормальными никогда не были. Мои чувства к ней были зависимостью, я думал, что помогу ей вылечиться. Но этого не сумел бы никто. Она безнадежна. А вы с Тоддом — цельные личности, просто у вас разные цели. Вы во всем разобрались

и расстались. Он нашел себе пару, найдешь и ты.

Слушая, как он говорит о матери Йена, Франческа искренне сочувствовала ему. Она даже представить себе не могла, в каком кошмаре он жил и продолжал жить ради сына, что было особенно горько.

— Знаешь, ты ведь тоже еще не настолько стар, чтобы никого не найти, — мягко напомнила она.

— Не настолько, — согласился Крис. Франческа помнила, что ему тридцать восемь. — Но слишком устал и уже перегорел. Вряд ли я кому-нибудь смогу довериться. Ким постоянно врала мне, а я ей верил. Она спала со своим наркодилером. Мне понадобилось три года, чтобы убедиться, что с наркотиками она и не собиралась завязывать. Наркоманы — искусные лжецы, они умеют быть убедительными. Ким дрянь. Теперь я ей даже сочувствую, но ненавижу за то, что она сделала с Йеном.

Франческа кивнула. Крис считал, что его брак с Ким распался еще два года назад, именно тогда он махнул на нее рукой, хотя с тех пор, как он уехал из дома, прошло всего полгода. На первых порах его приютили друзья, потом он поселился в отеле и, наконец, нашел комнату в доме Франчески. Она даже не сомневалась, что его личная

жизнь не закончилась, а Крис был так же уверен насчет нее. Оба были слишком молоды, чтобы раз и навсегда забыть о любви.

— Посмотрим, что сегодня приготовила нам Мария? — предложил он, чтобы перевести разговор. С недавних пор они почти каждый вечер пробовали блюда, приготовленные по новым рецептам. От кулинарного изобилия все обитатели дома прибавляли в весе.

Франческа последовала за Крисом в кухню, рассчитывая увидеть у плиты Марию, и вздрогнула, обнаружив вместо нее рослого седого мужчину с пронзительно-голубыми глазами и пышной шевелюрой до плеч. В первый момент его взгляд, обращенный на обоих, стал подозрительным, а затем губы растянулись в широкой улыбке.

— Франческа и Крис? — осведомился он с сильным французским акцентом, сообразив, кто перед ним. Он представился Шарлем-Эдуаром, а Франческа вдруг узнала его. Этот человек носил фамилию Прюнье, был одним из самых известных поваров Франции и, видимо, другом Марии. Сама Мария появилась через минуту и объяснила, что француз навестил ее, приехав по делам из Парижа, и сегодня взялся приготовить для них ужин. Она пообещала, что ужин будет незабы-

ваемым, и глаза француза заискрились. Он был настоящим красавцем.

Откупорили бутылку шампанского, которую он привез с собой, весь дом с нетерпением ждал ужина. Немного погодя вернулась Эйлин с цветами для Франчески и Марии и бутылкой вина для Криса. Когда она вошла, то увидела, что остальные уютно устроились на кухне, беседуя о Франции. Шарль-Эдуар объяснил, что они с Марией знакомы уже тридцать лет. Любой заметил бы, что француз влюблен в нее, он флиртовал с ней, продолжая готовить ужин. Сегодня вечером Мария вызвалась побыть его ассистентом — чистить, резать и подавать, а он тем временем жонглировал полудюжиной кастрюль и чуть ли не вдвое большим количеством мисок. Мария время от времени бросала на него ласковые взгляды. Этим двоим было хорошо друг с другом.

Когда все сели за стол, выяснилось, что ужин получился не просто отличным, а выдающимся. Все согласились, что еще никогда в жизни так не ужинали. Шарль-Эдуар скромно принимал похвалы, шутил и смешил всю компанию, то и дело одаривал Марию влюбленными взглядами, а она не обращала на них внимания. Ей нравилось готовить вместе с ним, они подумывали вместе

написать книгу о кухне и специях Прованса, но красавец француз явно стремился к сотрудничеству не только в работе над книгой.

— Он прелесть, — шепнула Франческа Марии, пока они вдвоем убирали посуду. — И без ума от тебя.

Это заметили все, от пылких взглядов француза их не отвлекли даже приготовленные им кулинарные шедевры. Шарль-Эдуар и Крис курили сигары в саду, женщины мыли посуду. Закончив, Эйлин ушла к себе наверх.

— Так что у тебя с ним? — спросила Франческа, уверенная, что француз и Мария — красивая пара, вдобавок почти ровесники.

— Не болтай чепухи. — Мария смущенно рассмеялась. — А его жена? Он француз до мозга костей, женат на очень милой женщине, которая когда-то была его ассистенткой. Он изменяет ей уже много лет подряд. — Таким тоном она могла бы рассказывать о проказливом младшем братце.

— А если он когда-нибудь разведется? — с интересом спросила Франческа. Вечер выдался настолько приятным — в кругу друзей, со вкусной едой и изысканным вином, — что она забыла даже про помолвку Тодда.

— Что ты! Он же француз. Французы не разводятся. Они изменяют женам, пока не умрут — как правило, в постели очередной любовницы. Сомневаюсь, что жена ему верна, вдобавок Шарль уверяет, что счастливыми они никогда не были. Он спит со всеми подряд, с кем только встречается по работе. Нет, во все это я ввязываться не хочу. Мне он больше нравится как друг.

— Очень жаль. Он такой милый. И симпатичный. Не вздумай знакомить его с моей мамой, иначе она начнет за ним гоняться, пока не затащит к ближайшему адвокату по разводам. Может, и тебе стоило бы.

Мария покачала головой и засмеялась.

— А вдруг твоя мама и вправду ему пара? Лично я на эту роль не гожусь. Такие мужчины не для меня. Мы с Джоном были верны друг другу всю жизнь. Мне нравятся такие мужчины, как Джон. Да, Шарль-Эдуар красив и мил, но ведет он себя из рук вон скверно, — убежденно закончила Мария.

— Совсем как мой отец, пока не женился на Эйвери. Иногда даже такие мужчины меняются.

— Да, один из сотни миллионов. Нет уж, я рисковать не стану. Лучше буду работать и дружить с ним, — решительно заключила Мария и улыбнулась. — Пусть доставляет хлопоты кому-нибудь

другому, а не мне.

Вернулись из сада Крис и Шарль-Эдуар — с окурками кубинских сигар, привезенных знаменитым шеф-поваром. Француз разлил коньяк и, потягивая его, сообщил во всеуслышание, что уже тридцать лет любит Марию. Он не сводил с нее глаз, полных обожания, но Мария только смеялась. На его признания она ответила с толикой сарказма:

— Да, и меня, и еще десять тысяч женщин. Длинноват список, Шарль-Эдуар, — поддразнила она, но он лишь улыбнулся:

— В этом списке ты всегда была первой! — И он подмигнул.

— Только потому, что ты никак не мог меня заполучить и до сих пор не можешь. И потом, мне нравится твоя жена.

— Мне тоже, — ответил он деловито, но с проказливой усмешкой. — Просто я в нее не влюблен. И никогда не был. Теперь мы просто добрые друзья. Однажды она набросилась на меня с мясницким ножом, — добавил он, многозначительно указывая окурком сигары повыше своих ног, и все рассмеялись. — С тех пор я стараюсь не сердить ее. — Он добавил, что у них, как и у Марии, нет детей и что он никогда не хотел их. — Я же

сам как ребенок, — признался он. Француз был невозможно обаятелен и держался совершенно непринужденно. Все были очарованы им, вечер выдался волшебным, вдобавок Шарль-Эдуар пообещал перед отъездом приготовить для всех что-нибудь еще. Он нравился Франческе, она жалела только, что он не свободен и не может жениться на Марии. Они явно относились друг к другу с уважением, дружески подтрунивали один над другим, Шарль-Эдуар не переставал ухаживать за Марией, а она, казалось, раскрылась, словно цветок весной. Было удивительно наблюдать, как она менялась под восхищенными взглядами мужчины. Франческа с грустью думала, что такая миловидная, добрая и одаренная женщина до сих пор одна. Мария ничем не выдавала, что одиночество тяготит ее, но Франческа понимала, что временами ей становится тоскливо. Настойчивого стремления к замужеству, как у Талии, в Марии не чувствовалось, и это лишь подчеркивало ее привлекательность. Мария казалась воплощением женственности — неудивительно, что Шарль-Эдуар от нее без ума. И вправду жаль, что он женат. Присмотревшись, Франческа поняла, что Мария, которая хорошо знала его, права: о жене он говорил так нежно,

что вряд ли собирался развестись. Действительно француз до мозга костей.

Поздно вечером, попрощавшись с Марией, Франческа вместе с Крисом поднялась по лестнице и задержалась у дверей его комнаты. Несколько минут они беседовали о Шарле-Эдуаре, интересном человеке и поразительно талантливом поваре. О Тодде ни один не упомянул: Крис не хотел расстраивать Франческу, а Франческа все еще наслаждалась приятным послевкусием вечера. Затем она поднялась к себе, а Крис скрылся в своей комнате. За ужином он успел позвонить Йену и убедился, что у мальчика все в порядке.

Все разошлись по комнате, в доме стало тихо. За ужином все порядком выпили, наслаждаясь тонким вкусом вин. К десерту Шарль-Эдуар подал Шато д'Икем, вечер завершился хорошим коньяком. Когда все уже мирно спали, Эйлин бесшумно прокралась по лестнице, неся в руках свои туфли на шпильках. Тихонько, как мышка, она отперла дверь и так же ловко закрыла ее за собой. Снаружи ждал Брэд. Свой мотоцикл он оставил за углом, ждать пришлось долго, и теперь он выглядел недовольным.

— Где ты там копалась? Я тебя час жду.

— Извини. — Эйлин робко взглянула на него.

Синяки уже сходили, их следы она замазывала тональным кремом. Брэд сумел убедить ее, что она сама виновата — надо было встать на его защиту, а не злить лишний раз. Эйлин часто слышала то же самое от отца: спуская ее или мать с лестницы, он всякий раз заявлял, что они сами виноваты. Дважды во время таких падений она ломала руку. — Мне пришлось ждать, когда все лягут, — объяснила она мрачному Брэду, торопливо шагая вслед за ним туда, где остался мотоцикл.

— Тебе что, двенадцать? Ты же платишь за жилье. Эта сучка не имеет права тебе указывать.

— Нет, имеет. Это ее дом. Она может выселить меня.

— Да пошла она! — зло выпалил Брэд, швыряя Эйлин шлем. Через минуту они уже неслись прочь, Эйлин сидела у Брэда за спиной, изо всех сил вцепившись в него. Он злился, но она была непреклонна: к ней в Комнаты ему нельзя. Оставалось только отправиться к нему. Эйлин хотелось загладить вину за то, что в прошлый раз она разозлила его. Он прав, напрасно она не вступилась за него перед остальными. Как и ее отец, Брэд легко убедил девушку, что она ведет себя неправильно. Сегодня ночью Эйлин собиралась доказать ему, что она способна считаться с ним.

Глава 11

Эйлин прокралась к себе в комнату под утро, еще до того, как дом начал просыпаться. Она снова чувствовала себя девчонкой-подростком, никто не знал, куда она уезжала. Брэд отказался везти ее домой, да и ей не хотелось, чтобы кто-нибудь услышал треск мотоцикла под окнами, поэтому она взяла такси. Ей как раз хватило времени, чтобы принять душ и переодеться перед работой. Брэд был с ней ласковым и нежным, она и не подозревала, что секс может так окрылять. Жаль, что ее соседи по дому не желают ближе познакомиться с Брэдом. Ведь на самом деле он замечательный, просто первая встреча получилась неудачной. Эйлин надеялась, что со временем Франческа успокоится и простит его, как давно сделала сама Эйлин. Следующее свидание у нее с Брэдом было назначено на вечер. Значит, у них все по-настоящему, не на один раз.

Тот вечер в доме выдался мирным. Мария изучала рецепты, Франческа стирала, Крис читал в постели. Эйлин сообщила всем, что встречается с подругами по работе. Предыдущий вечер

в компании Шарля-Эдуара взбудоражил всех, поэтому сегодня затевать ничего не стали. Мария оставила на плите суп, Франческа после ужина собиралась продолжить стирку, но ей помешал в панике выскочивший из своей комнаты Крис.

— Она опять! — выкрикнул он с напуганным и в то же время взбешенным видом. — У нее снова передозировка. Она в коме. Йен с ней, говорят, он страшно перепугался, когда нашел ее. И теперь вообще не говорит. Он в шоке. С ней нашли какого-то парня — он мертв. Врачи боятся, что на этот раз она не выкарабкается. — Где-то в глубине души Крис надеялся, что так и будет. Насколько проще стало бы жить Йену! Торопясь к сыну, он бегом спустился с лестницы и бросился к входной двери. Франческа смотрела ему вслед, молясь, чтобы с Йеном было все в порядке.

Она не стала ложиться, дожидаясь их возвращения, и услышала лязг ключа в двери лишь в четыре часа утра. Крис вошел, неся на руках крепко спящего Йена. Когда Франческа спустилась, Крис уже запирал дверь.

— Как он? Пришел в себя? Заговорил? — встревоженно зашептала Франческа. Крис выглядел встрепанным и усталым. Ночь оказалась длинной.

— Перед сном выговорил несколько слов. Мне разрешили забрать его домой. Он видел, как умер от передозировки тот парень, — для ребенка это тяжелая травма. Врачи считают, что во всем виновата Кимберли. Так всегда бывает: когда кто-то умирает от передозировки, выживших обвиняют в его смерти. Вот почему наркоманы остерегаются вызывать полицию. Теперь, наверное, ее отправят в тюрьму — конечно, если опять не вмешаются адвокаты ее отца.

— Как она?

— К сожалению, жива, — зло сообщил Крис. — Как раз приходила в себя, когда мы уезжали. Я не могу допустить, чтобы Йен снова увидел такое, — в отчаянии добавил он. Франческа последовала за ним в комнату, где он уложил сына в постель. Йен даже не пошевелился. — Ему дали успокоительное, — объяснил Крис. — В больнице у него началась истерика — он решил, что его мать тоже умерла. На этот раз я намерен бороться за безраздельную опеку и победить. После того, что случилось, ни один судья в здравом уме не отдаст ребенка матери. Я этого не допущу. Она безнадежно больна.

Франческа кивнула и задумалась о том, кто отец Ким, если его адвокаты настолько влиятель-

ны. Крис несколько раз упоминал об этом, но Франческа, разумеется, не стала расспрашивать. Отец Ким тут ни при чем. Сейчас главное — позаботиться об Йене.

Франческа сходила на кухню и принесла Крису теплого молока. На обратном пути она заметила, как Эйлин прошмыгнула к себе. Если она и вправду встречалась с подругами по работе, то встреча слишком затянулась. Судя по наряду Эйлин, Франческа сделала вывод, что девушка опять бегала на свидание, а с кем — неизвестно. Хорошо еще, она не привела очередного парня в дом. Франческа надеялась только на то, что теперь Эйлин встречается с порядочным человеком. У взбегающей по лестнице Эйлин было счастливое лицо. Вспоминая об этом, Франческа подала теплое молоко Крису. Он сидел в кресле, не сводя глаз с Йена, крепко спящего на диване.

— Если его мать отправят в тюрьму, скандал будет чудовищный, — заметил Крис, отпивая молоко. Но сочувствовать Ким он не собирался, особенно если его назначат единственным опекуном Йена. Он заботился только о сыне. На жену он махнул рукой много лет назад и боялся лишь одного: как бы она не навредила Йену.

— Об этом не волнуйся, — тихо произнесла

Франческа в полутьме комнаты. — Попробуй поспать. Дела подождут до завтра. — Она знала, что Крису предстоит очередное слушание о временной опеке в ближайшие несколько дней. Так положено. Сначала следовало решить вопрос об опеке, а потом заняться всем остальным.

— Спасибо, — сказал Крис, и Франческа на цыпочках покинула комнату и ушла к себе.

Тайна матери Йена разрешилась на следующий день, о ней кричали первые полосы газет. Оказалось, что Крис был женат на Кимберли Арчибальд, наследнице одной из самых влиятельных семей восточного побережья. Ее отец, владелец огромной компании, заработал целое состояние вдобавок к тому, которое уже имел. Из газетной статьи Франческа узнала в основном то, что уже слышала накануне от Криса. В ней говорилось, что Кимберли обвиняют в убийстве приятеля-наркомана в ее собственной квартире, а также в покупке и употреблении наркотиков. Читая, Франческа искренне сочувствовала Крису и Йену, как вдруг увидела в следующем абзаце имя своего жильца и замерла. Только теперь она поняла, в каком неведении находилась до сих пор: выяснилось, что Кимберли была замужем за Кристофером Харли из старинного рода бостон-

ских политиков. Мало того, его матерью была урожденная Калверсон, следовательно, сам Крис состоял в родстве с сенаторами, губернаторами и двумя президентами. Брак Криса и Кимберли был объединением двух влиятельных семей, из которых одна принадлежала к финансовой, а другая — к политической элите. Стало быть, Крис — не просто дизайнер, зарабатывающий себе на хлеб и аренду комнат на Чарлз-стрит. Он наследник известной семьи, вынужденный развестись и вести тихую, простую жизнь, пока выходки бывшей жены не попали на первые полосы всех нью-йоркских газет. Непритязательность Криса поражала, особенно теперь, когда его предыстория стала известной. Франческа убрала газету в ящик кухонного шкафа, чтобы Йен не увидел ее, спустившись завтракать. Мария до сих пор не знала, что случилось накануне ночью. При виде Йена она удивилась, но ничего не сказала о том, каким бледным и растерянным он выглядит. Йен не улыбался, за завтраком не сказал и двух слов, хотя Мария на скорую руку приготовила ему любимые оладьи в виде Микки-Маусов. От успокоительных, которые ему дали ночью, Йена до сих пор клонило в сон, он почти ничего не съел.

— Что случилось? — шепотом спросила Мария

у Франчески после того, как Крис поблагодарил ее за завтрак и увел Йена наверх. Крис выглядел встревоженным и измученным, статьи в газетах он еще не видел. Франческа достала газету и дала ее Марии, та пробежала глазами статью и ахнула.

— Господи, какой ужас! Надеюсь, теперь-то Крису отдадут ребенка навсегда.

— Должны отдать, особенно если мать попадет в тюрьму. Но Крис считает, что ее отец этого не допустит.

— А разве у него есть выбор? — мудро спросила Мария. — На Йена страшно смотреть.

— У него на глазах умер чужой человек и чуть не загнулась от передозировки мать.

— Такого никому не пожелаешь, тем более ребенку. — Мария всем сердцем сочувствовала Крису и Йену, Франческа разделяла ее чувства. Вскоре Крис вернулся на кухню без сына, чтобы пролистать газету. Увидев статью, он сжал побелевшие губы.

— Красота, верно? — обратился он к обеим женщинам, хмуря брови. В статье содержались не только подробности скандального инцидента с Кимберли: журналисты не поленились привести целиком историю семьи Криса. Оставалось

радоваться лишь тому, что большинство знакомых Криса не подозревали, чей он родственник. И к счастью, имя Йена нигде не упоминалось — очевидно, у автора не поднялась рука на семилетнего ребенка.

— Ты не могла бы сжечь ее? — спросил Крис, отдал Франческе газету и ушел наверх. К тому времени спустилась Эйлин, Франческа объяснила ей, что произошло. Девушка посочувствовала и отцу, и сыну. Ни она, ни Франческа не заикнулись о том, в каком часу Эйлин вернулась домой после вчерашней вечеринки. Франческа считала, что это ее не касается, если Эйлин не подвергает риску соседей, приводя в дом малознакомых людей, и надеялась, что впредь Эйлин будет осмотрительнее.

В тот день Крис не пустил Йена в школу, но когда Франческа и Эйлин вернулись после работы, мальчик по-прежнему был тихим и молчаливым. Шарль-Эдуар снова навестил Марию, весь день колдовал вместе с ней над рецептами и обсуждал будущую совместную книгу. Он предложил приготовить на всех легкий ужин, а для Йена — особую пиццу, купил крабов в мягком панцире, нескольких омаров, и вскоре по кухне уже поплыли ароматы очередного пиршества.

Мария вкратце объяснила другу, что произошло с сыном Криса, и француз не остался равнодушным к горю ребенка. Когда днем Йен пришел на кухню, Шарль-Эдуар познакомился с ним и спросил, не хочет ли мальчик немного помочь ему. Знакомство началось с фокуса: Шарль-Эдуар попросил Йена постоять неподвижно, держа в руке яйцо. Йен стоял с равнодушным видом, как вдруг Шарль-Эдуар вытащил яйцо у него из уха.

— Зачем ты это сделал? — спросил Шарль-Эдуар. — Я же попросил тебя подержать яйцо, а не прятать его! — Несмотря на пережитый ужас, Йен робко улыбнулся. — Итак, посерьезнее, пожалуйста. Держи яйцо. Только не шевелись, ладно? А в другую руку возьми морковку. Замечательно. А теперь слушай мои распоряжения: имей в виду, я очень известный повар!..

Йен уже улыбался во весь рот. На этот раз яйцо было извлечено из его носа, а морковка — из-под рубашки. Йен робко засмеялся фокусам нового знакомого, через несколько минут детский смех зазвучал громче, из-под рубашки появилось еще одно яйцо, а из-за пояса джинсов — лимон.

— Ну как мне с тобой быть? — в притворном ужасе воскликнул Шарль-Эдуар и вдруг принялся жонглировать тремя яйцами, овощами и двумя

ложками. И жонглировал безупречно, пока одно из яиц вдруг не упало и не разбилось, вызвав у Йена взрыв хохота. Шарль-Эдуар притворился, будто ему ужасно стыдно, а потом уронил и второе яйцо, добавив кухне беспорядка. К тому моменту все присутствующие уже хихикали, а Йен покачал головой, глядя на пышноволосого рослого мужчину, и сказал, что все вышло очень глупо. Радовало уже то, что Йен и говорил, и даже смеялся. Наблюдая за ним, Франческа чуть не расплакалась. Шарль-Эдуар прекрасно поладил с мальчиком: оказалось, француз умеет не только готовить, но и развлекать.

Мария убрала разбитые яйца с пола, пока их не разнесли на ногах, Шарль-Эдуар сел и посадил на колено Йена.

— Хочешь помочь мне приготовить ужин?

Йен кивнул, а через минуту Шарль-Эдуар уже одолжил ему поварской колпак и показывал, как надо готовить омаров и крабов. Его маленький ассистент сам подал блюдо на стол, вызвав шквал аплодисментов. Француз объяснил ему, как надо готовить пиццу, растягивая в воздухе блин из теста. Ужин вновь удался. Мало того: Йен разговорился и болтал без умолку. Крис поблагодарил Шарля-Эдуара, а тот предложил ему снова выку-

рить по сигаре в саду таким будничным тоном, словно и не помогал развлечь ребенка. Но для Криса случившееся значило очень много. Знаменитый на весь мир повар навсегда занял место в его сердце, сумев подружиться с Йеном. Таких результатов не добился бы никакой социальный работник или психоаналитик.

После ухода Шарля-Эдуара дом опять притих. Француз пообещал на выходных заглянуть снова и приготовить еще один ужин, а Мария настояла, чтобы Франческа обязательно пригласила свою мать. Эта перспектива ужаснула Франческу, но она понимала, что мать ни за что не откажется от такого ужина.

На следующий день Франческа позвонила матери, пригласила ее и услышала, что приглашение принято. А Крис отправился в суд, который взяли в плотное кольцо журналисты. Адвокаты его бывшей жены даже не попытались оказать сопротивление: им и без того хватало хлопот с Кимберли, обвиненной в убийстве. Крис через своего адвоката уже предупредил их, что будет добиваться исключительной опеки над Йеном и на этот раз отступать не намерен. В нем не осталось ни капли жалости к Ким после всего, что она натворила, после того, как она вновь и

вновь подвергала Йена опасности. На слушании ему доверили временную опеку. Тем же вечером об этом сообщили в новостях, мать Франчески случайно увидела этот сюжет, узнала жильца дочери и бросилась звонить ей.

— Ты знаешь, кто этот человек?

Родственные связи Криса потрясли ее — в отличие от Франчески, которая сожалела прежде всего о том, что его личную жизнь выставили на всеобщее обозрение.

— Знаю.

— У него связи в самых влиятельных кругах страны!

— Наверное. Он об этом не распространяется. Вся эта история с бывшей женой тяжело дается и ему, и его сыну.

— Она, похоже, крепко влипла. Сочувствую ее родителям.

— А я — его сыну. Ему всего семь лет, а он по вине матери уже перенес не одну травму.

На это Талия не ответила.

— Неужели ужин для тебя сегодня действительно готовит Шарль-Эдуар Прюнье? Не могу дождаться, когда с ним увижусь, — перешла она к более приятным темам. — Чем ты его к себе заманила?

— Он друг Марии.

— Да, интересных ты себе выбрала жильцов, — заметила ее мать таким тоном, словно сама подала эту идею. Так обычно и бывало: если что-то не ладилось, виноваты в этом оказывались другие. А когда все складывалось удачно, все заслуги Талия приписывала исключительно себе. Франческа хотела бы пригласить на ужин и отца с Эйвери, но предпочитала общаться с родителями по отдельности, а не вместе. Иногда Талия открыто вступала в соперничество с Эйвери, и это нервировало Франческу.

Ее мать явилась на субботний ужин в коротком и сексуальном черном платье и туфлях на головокружительных шпильках. Франческа заметила, как вытаращил глаза Шарль-Эдуар при виде гостьи и как тонко улыбнулась Мария, которая вообще не стала наряжаться и предпочла обычные мокасины, черный свитер, джинсы и поварскую куртку поверх них. Колпак шеф-повара красовался на голове довольного Йена.

Француз подал на стол тоненькие спагетти капеллини с икрой и бифштекс шатобриан с фуа-гра и черными трюфелями. Ужин был на редкость изысканным, от вина Талия развеселилась и то и дело хихикала, напропалую флиртуя, как

и предсказывала Франческа, с Шарлем-Эдуаром, против чего ничуть не возражала Мария.

— Он неподражаем, правда? — заметила Талия, обращаясь к дочери, когда мужчины ушли курить в сад, а Йен увязался за ними. Оба сигарных кольца он надел себе на пальцы.

— Даже не мечтай, мама, — поддразнила ее Франческа. — Он женат. К тому же француз. Значит, ради тебя ни за что не разведется.

— Откуда тебе знать? Всякое случается, — уверенно возразила Талия.

— Только не во Франции, — хором отозвались Франческа и Мария и так же дружно рассмеялись. Эйлин убежала, сказав, что у нее свидание с новым знакомым. У этой девушки отбою не было от кавалеров, в последнее время она сияла от счастья. Видимо, у нее все складывалось удачно. Франческа с удовольствием наблюдала за ней. Эйлин нравилась и ее работа, и соседи по дому, а о злополучном Брэде она наверняка успела забыть. Он стал давним прошлым.

— Удивительно красивый и обаятельный мужчина, — продолжала восторгаться Талия, имея в виду Шарля-Эдуара, и Франческа поспешила вернуть ее на землю, предупредив, что он уже много лет влюблен в Марию.

— Но это же несправедливо! — возмутилась Талия, обращаясь к Марии. — Вам вообще не нужен мужчина. Вы сами так сказали. А мне нужен! Но он влюблен в вас.

— Да ни в кого он не влюблен, — отмахнулась Мария. — Просто ему нравятся женщины. Много женщин. Мы с ним уже давно дружим.

— Какая досада! — удрученно протянула Талия и, увидев, что мужчины возвращаются, пустила в ход все свои чары, направляя их на знаменитого шеф-повара. Франческе в такие минуты всегда становилось неловко за мать, но она не могла не признать, что Талия красива. В черном платье и на шпильках она выглядела сногсшибательно, ее стройным ногам, которые она изящно скрестила, могли бы позавидовать двадцатилетние девушки. Но Шарля-Эдуара они не впечатлили — он смотрел только на Марию. Талия ушла разочарованной. Почему-то ее красота и шарм не подействовали, хотя Шарль-Эдуар явно счел ее красивой — но не для него. Франческа мысленно напомнила себе, что он женат, и потом, слишком уж много женщин окружает его повсюду.

Благодаря французу еще один вечер в доме прошел безупречно, за увлекательными разговорами, с изумительным угощением. Шарль-Эдуар

увлекался не только кулинарией, но и литературой с историей. Следующий день, воскресенье, получился неспешным и ленивым. Шарль-Эдуар заехал за Марией и повез ее в недавно открывшийся китайский ресторан, с шеф-поваром которого познакомился в Пекине. Крис и Йен ушли на пруд — пускать модель катера. Франческа занялась домашними делами. Эйлин не появлялась дома со вчерашнего вечера.

Она вернулась днем, когда Франческа просматривала слайды с картинами будущих подопечных. На оклик Франчески девушка не отозвалась, со своего места Франческа не разглядела ее лица. Шаги на лестнице удалялись. Франческа перебрала еще несколько слайдов и вдруг вспомнила увиденные мельком поникшие плечи Эйлин. Франческа поспешно вышла в коридор, девушка обернулась, и от ее опустошенного выражения у Франчески перехватило дыхание. Лицо Эйлин вновь покрывали синяки и ссадины.

— Чья это работа? — спросила Франческа, обнимая Эйлин. Девушка плакала и не желала отвечать. — Ты снова встречалась с Брэдом?

Помедлив, Эйлин кивнула:

— Он был таким ласковым. Говорил, что любит меня… а потом я снова его разозлила. Он решил,

что я над ним издеваюсь. Сказал, что я унизила его перед друзьями…

— Эйлин, поверь, тебе нужна помощь. Тебе нельзя больше с ним встречаться.

— Знаю. Он сам сказал, что больше не желает меня видеть. Со мной у него все кончено, он заявил, чтобы я больше не смела ему звонить. Он уехал.

Франческа вдруг поняла: никуда Брэд не делся и никогда не денется. Он не бросил Эйлин, он вернется. И снова изобьет ее. Это она должна его бросить. Но Франческа опасалась, что на это у Эйлин не хватит ни смелости, ни силы.

Она отвела Эйлин наверх и оставила в покое. Думая о ней, Франческа ощущала тошноту. Худшие опасения Криса оправдались. Эйлин явно страдала зависимостью от человека, который бил ее, и от побоев.

Глава 12

На этот раз обитатели дома номер 44 по Чарлз-стрит проявили к Эйлин гораздо меньше сочувствия. Мария пять дней кормила ее бульонами и другой пищей, которую не требовалось жевать, а потом по-матерински прочла нотацию. На этот раз Брэд не только подбил ей оба глаза и украсил все лицо синяками, но и чуть не вышиб зубы. За три дня ей дважды пришлось побывать у дантиста. Мария объяснила девушке, что снова встречаться с этим человеком просто нельзя. Франческа вместо утешений настойчиво предлагала помощь. А Крис заявил, что не желает вмешиваться.

— Мне осточертели помешанные, наркоманы и те, кто сам себя сводит в могилу! — яростно выпалил он в разговоре с Франческой. — У нее зависимость от этого парня, и даже если ты прикуешь ее цепями к стене, она все равно улизнет к нему, а он снова изобьет ее до синяков. Ей уже ничем не поможешь. Все это я прошел с Ким и наркотиками. С чужой зависимостью бороться невозможно, со временем я твердо уяснил это, и

теперь даже пытаться не стану. Ради предмета своей зависимости она сделает что угодно. В сущности, это та же наркомания. Таких людей не исправишь и не остановишь, только надорвешь себе сердце в бесплодных попытках.

— Но не могу же я просто сидеть и молча смотреть, как она губит себя! — возражала Франческа, поражаясь неожиданному бездушию и холодности Криса.

— Ты зря тратишь свое время. Она должна захотеть помощи, а до этого никакие уговоры на нее не подействуют.

На Эйлин было больно смотреть, Франческа ненавидела себя за бездействие. Такая милая девушка — и с такой низкой самооценкой! Теперь это было очевидно. Отец отбил у нее всякое желание защищаться. Она привыкла к насилию, ждала его и считала, что ничего другого не заслуживает.

Работодатели были недовольны Эйлин: ей снова пришлось взять неделю отпуска, пока синяки не поблекнут настолько, чтобы можно было скрывать их под макияжем. Когда Эйлин наконец вновь вышла на работу, ее уволили. В тот день она вернулась домой потрясенная. Она лишилась работы. Брэд больше не желал с ней

разговаривать — только твердил, что знать ее не хочет. Он прогнал ее, а она изводила Франческу вопросами, позвонит ли он еще хоть когда-нибудь. Это выглядело болезненно и жалко.

— Надеюсь, никогда, — отвечала Франческа, уже начиная понимать, что Крис был прав и что у Эйлин зависимость от насилия. Несмотря на всю жестокость Брэда, без него у Эйлин началось что-то вроде абстинентного синдрома. Но обратиться за помощью к психологу она отказывалась наотрез. Франческа надеялась только на то, что со временем Эйлин одумается и поймет, что уже отвыкла от наркотического влияния Брэда.

А между тем мать Йена потребовала встречи с сыном в тюрьме. Крис отказался наотрез, заявив, что для ребенка это слишком серьезная травма. Два психиатра, обследовавших Йена, согласились с ним. С отцом мальчик был счастлив, его жизнь потекла, как прежде, они занимались самыми обычными делами.

В эти дни Шарль-Эдуар часто навещал Марию, готовился вместе с ней к работе над книгой. Когда француз появлялся в доме, Йен тенью следовал за ним. Шарль-Эдуар учил мальчика французскому и показывал, как готовить самые простые блюда. Он привязался к Йену и явно умел находить об-

щий язык с детьми, хотя и не имел своих. Зная, через что пришлось пройти Йену, Шарль-Эдуар сочувствовал ему. Мальчику особенно нравилось, когда его новый друг снова делал вид, будто вынимает у него из уха яйцо, а иногда даже два: Йен просил повторить этот незамысловатый фокус еще и еще, и блистательный шеф-повар не мог ему отказать.

— Что-то он зачастил к тебе, — словно невзначай заметила Франческа однажды, оставшись в кухне наедине с Марией.

— У нас много хлопот с книгой, — как ни в чем не бывало отозвалась она.

— А ты уверена, что он не собирается расстаться с женой? — Втайне Франческа надеялась, что Мария ошибается: вдвоем они составляли чудесную пару. Было бы чудесно видеть Марию рядом с французом, однако она уверяла, что этого никогда не будет, и сама верила в свои слова. О романе с женатым человеком она и не помышляла, а Шарль-Эдуар это понимал, хотя не терял надежды и продолжал убеждать Марию в своих чувствах, как делал уже тридцать лет подряд. Мария лишь смеялась и напоминала, что дома его ждет жена.

В конце месяца он должен был уехать в Париж, а потом — на юг страны. В июле Мария плани-

ровала навестить его и продолжить работу над книгой, а затем съездить еще в Испанию и в Италию, навестить знакомых коллег и побывать в некоторых ресторанах. Август она собиралась провести в Вермонте, а в сентябре снова вернуться в Нью-Йорк. Франческа заранее знала, что за два месяца отсутствия Марии успеет соскучиться по ней. Сама Франческа пока не представляла, как проведет лето. Мария звала ее с собой в Европу, мать тоже, но Франческа решила поплавать с друзьями под парусом вдоль берегов Мэна, как делала каждое лето, вернее, четыре последних года вместе с Тоддом. Его друзей она успела полюбить, как собственных. Тодд тоже собирался навестить их и привезти невесту, но в другое время.

— Это ненормально, — заявила Талия. — У тебя даже развлечения остались такими же, как при нем. Попробуй хоть что-нибудь новое.

Талия собиралась в Сен-Тропез и Сардинию, где отдыхала каждый год — она тоже была рабыней привычки. Впервые за все время знакомства они сошлись во мнениях с Крисом.

— А ты уверена, что хочешь съездить туда же, куда приедет он, пусть и в другое время? По-моему, это выглядит как-то странно.

Крис тоже знал, куда едут Тодд с невестой.

— Мне нравится побережье Мэна, — упрямо заявила Франческа.

— Если хочешь, приезжай к нам с Йеном на Мартас-Виньярд. Мы будем тебе рады. — Крис собирался пробыть на острове с сыном весь июль и большую часть августа, выкраивая время для работы. Его семье принадлежал огромный дом, но почему-то Франческе становилось неловко при мысли о таком визите. Они с Крисом просто друзья, теперь ей известно, из какой он семьи — пожалуй, чересчур богатой и влиятельной для нее. В таком окружении она могла просто растеряться и перепугаться. Франческа подумывала, не съездить ли на ранчо в Монтану или Вайоминг, или в горы Гранд-Титон, но опасалась заскучать в одиночестве. Ее отец с Эйвери укатили в Аспен, нарушать их уединение Франческе не хотелось, как и отправляться в Европу с матерью или Марией. Она не знала, как быть, вдобавок не могла позволить себе дорогостоящие поездки. Проще было выбрать уже привычное развлечение и поплавать на яхте друзей. О том, что она управляет галереей, которую открыла вместе с Тоддом, живет в доме, купленном вместе с ним, и даже проводит лето так, как они проводили вместе, Франческа старалась не думать.

— Тебе пора изменить хоть что-нибудь, — мягко заметил Крис. Франческа и сама чувствовала, что не может выбраться из накатанной колеи, придумать хоть что-нибудь новое, никак не связанное с Тоддом. Но признаваться в этом она не желала даже себе. Мэн хорош уже тем, что это смена обстановки, отдых и свежий воздух. Там ей всегда нравилось, там она и проведет первые три недели августа.

Планы на лето не строила только Эйлин, да и не могла строить теперь, когда осталась без работы. Накопленных денег ей хватило бы, чтобы продержаться пару месяцев, и за это время она рассчитывала найти новую работу. Франческа советовала ей съездить в Сан-Диего к родным, но Эйлин не захотела, а настаивать после рассказов о ее отце Франческа не решилась. Она сочувствовала девушке, понимая, что той некуда податься. Теперь у Эйлин каждый день был выходным. Она принялась рассылать свое резюме по учебным заведениям для детей с особыми потребностями, но пока никаких стоящих предложений ей не сделали. Похвалиться блестящими рекомендациями с прежней работы она не могла, так как из-за Брэда слишком часто брала отпуска и отгулы. В поиске это обстоятельство не помогало. Брэд

не только чуть не искалечил ее, но и лишил ее средств к существованию. Правда, Франческу радовало уже то, что о самом Брэде не было ни слуху ни духу. Может, он все-таки исчез навсегда. Но Крис в этом сомневался.

— Тот, кто склонен к насилию, ни за что не упустит добычу. Вот увидишь, он еще вернется.

— А может, он нашел для битья еще кого-нибудь? — цинично заметила Франческа.

— Все равно вернется, — ответил Крис. С Эйлин он теперь почти не разговаривал. Своей зависимостью она слишком напоминала Крису бывшую жену, из-за которой он столько вынес, что больше слышать не желал ни о каких наркоманах, даже в качестве друзей. На взгляд Криса, все они были одинаковы, пристрастие Эйлин к физическому насилию он считал патологией, потому она и не в состоянии покончить с ним. Потеряв работу, она почти все время проводила в постели, плакала, тосковала по Брэду, но заниматься поисками работы даже не думала. Франческа видела, как стремительно опускается Эйлин, и все отчетливее понимала, что помешать ей невозможно.

Первым из компании уехал Шарль-Эдуар — домой, во Францию. Без него дом сразу притих и словно опустел. С приходом веселого француза

в нем начинала бурлить жизнь. Мария призналась, что скучает по другу, и радовалась, что они встретятся в Провансе уже через несколько недель, чтобы продолжить работу над книгой.

— Может, этим летом он и расстанется с женой, — с надеждой подхватила Франческа, но Мария лишь засмеялась. Ничего подобного от друга она не ждала и заявила, что была бы в растерянности, если бы он совершил подобный поступок.

— В моей жизни нет места мужчине, — здраво объяснила она Франческе. — Мне нравится жить так, как сейчас. Мне так удобно. И потом, я уже слишком стара, чтобы кого-то искать, это не для меня.

Франческа не могла не удивляться тому, как непохожи Мария и Талия, которая твердо рассчитывала познакомиться с достойным мужчиной в Сен-Тропезе или Порто-Черво. Друзей у нее было достаточно везде, где было модно отдыхать, она планировала пробыть в отъезде месяца два, как делала каждый год, и даже заглянуть к друзьям в Венецию, где намечалась грандиозная вечеринка. Летний отдых Талии всегда был гламурнее поездок дочери или ее знакомых.

Крис с Йеном уехали на Мартас-Виньярд на-

кануне выходных Четвертого июля, Дня независимости. Родные Криса готовились к пикникам и барбекю, к семейным футбольным матчам. Йену предстояло провести лето с двоюродными братьями и сестрами, вдали от мест, которые напоминали ему о матери и о том, что с ней стало. Поездка должна была пойти на пользу и ему, и Крису. На острове собирались давние друзья, каждый день кто-нибудь затевал вечеринки. Весь год Крис старательно избегал этой жизни, а летом не выдерживал. С родителями у него не было особой близости, но они хотели увидеть внука. На обратном пути Йену предстоял визит к родным матери, в Ньюпорт. Это слишком светское и чопорное место Крис ненавидел, но пообещал привезти Йена туда на выходные. К большему он пока не был готов. Родители Ким по-прежнему упорно защищали свою дочь, винили Криса в разводе и в том, что он не помог ей разобраться в ее проблемах, хотя теперь, под угрозой обвинения в убийстве, их пыл начинал угасать. Ким находилась в тюрьме: несмотря на все старания ее отца, судья отказался выпустить ее под залог. Там же она проходила детоксикацию.

Десятого июля Мария уехала во Францию, чтобы успеть ко Дню взятия Бастилии. Несколько

дней она провела в Париже, потом отправилась в Прованс к коллегам, среди которых были владельцы всемирно известных ресторанов. Во времена своей юности Мария стажировалась в этих ресторанах и с тех пор продолжала поддерживать связь с товарищами по работе. В ее планы входила также встреча с Шарлем-Эдуаром и обсуждения общей книги.

После того как все разъехались, в доме воцарилась гробовая тишина. Пользуясь затишьем, Франческа занялась мелким ремонтом и просто отдыхала. Каждый день она закрывала галерею пораньше, все равно летом наплыва покупателей не наблюдалось. В июле ей не удалось продать ни одной картины, а потом она закрыла галерею почти на весь август. Обычно в это время Франческа приводила в порядок бумаги и просматривала слайды с новыми картинами. Когда она возвращалась из галереи по вечерам, дом напоминал ей склеп. Со скуки Франческа сделала досадную ошибку — согласилась встретиться с одним из художников. За ужином они перебрали спиртного, в итоге весь оставшийся вечер художник плакался Франческе, рассказывая о своей подружке, которая недавно порвала с ним. Эта встреча нагнала на Франческу тоску. На следую-

щий день художник звонил ей с извинениями. Словом, вечер получился из рук вон неудачным, и Франческа взяла себе за правило больше никогда не встречаться со знакомыми художниками. Все равно ничего хорошего из этого не выйдет.

Эйлин, похоже, слегка приободрилась, хотя работы у нее по-прежнему не было. Она все так же тосковала по Брэду, которого Франческа наотрез отказывалась обсуждать с ней, не желая потакать чужой зависимости. Несколько раз они тихо ужинали вдвоем. Казалось, между ними возникли глубинные душевные узы, Франческе было больно видеть, как мучается Эйлин — с ее внутренней чистотой, доверчивостью, открытостью и способностью любить. Она совсем не умела отгораживаться от мира, защищаться от него. Франческа всей душой желала, чтобы Эйлин хоть немного закалилась и перестала быть такой уязвимой, но, видимо, девушке этого было не дано. Уезжая, Франческа чувствовала себя виноватой, потому что оставляла Эйлин одну на несколько недель, и даже предложила взять ее с собой в Мэн, но девушка заверила, что с ней все будет хорошо. Она вновь начала общаться в Интернете, что не на шутку тревожило Франческу, однако высказывать свое мнение по этому поводу она не стала.

Интернет всегда был эпицентром жизни Эйлин, именно там она заводила все свои знакомства. В том числе и с мужчинами. Она принадлежала к поколению, незримой пуповиной связанному с компьютерами, предпочитала сидеть в Сети, в крайнем случае — отправлять текстовые сообщения, которыми Франческа пользовалась редко. Самой Франческе было удобнее взять телефон, набрать номер и услышать голос собеседника. А поколение Эйлин общалось, обмениваясь эсэмэсками и электронными письмами. Для большинства такое общение оказывалось удачным, как и знакомства в Интернете. Эйлин же словно магнитом тянуло к парням, которые ей совсем не подходили.

В последний вечер перед отъездом из Нью-Йорка Франческа повела Эйлин на ужин в «Уэверли-Инн». Вечер прошел удачно. Несмотря на лето, в Нью-Йорке по-прежнему было многолюдно. Эйлин воспряла духом и была почти весела, чего с ней уже давно не случалось. Франческа поделилась с ней ощущениями: собственный дом казался ей похожим на школу-интернат, все ученики которой разъехались по домам на лето. Только Эйлин было некуда уезжать. Все остальные могли навестить друзей и родных

или просто сменить обстановку, пожив в другом доме. Эйлин сказала, что в промежутках между поисками работы будет ходить на пляж и отлично отдохнет. Ей даже не терпится побыть одной. Но на следующий день, когда Франческа уезжала, у нее сжалось сердце. Эйлин, стоящая на крыльце и с улыбкой машущая ей рукой, казалась совсем ребенком. В коротких шортах, с волосами, собранными в два смешных хвостика, Эйлин долго смотрела вслед такси, которое увозило Франческу в аэропорт, откуда она должна была лететь в Бангор, штат Мэн, к друзьям. Такси скрылось за углом, Эйлин ушла в дом. Звонил ее мобильник, она ответила на звонок. И услышала голос Брэда.

Глава 13

Это лето для всех пролетело незаметно. Самый большой путь проделала Мария: на автомобиле из Парижа в Прованс, затем — в Сен-Поль-де-Ванс, а потом провела выходные с друзьями в Антибе. После самолетом из Ниццы — в Испанию, к другу и коллеге Феррану Адрии, шеф-повару ресторана «Эль Булли» в Росасе, признанному новатору в своем деле. Ферран изобрел «молекулярную» кулинарию — разложение пищи на молекулы и преобразование ее на этом уровне. На время он закрыл ресторан, планируя после некоторых исследований вновь открыть его. Мария всегда восхищалась его идеями и талантом. После Испании она побывала во Флоренции, Болонье, Венеции, Падуе, съездила в Рим, а перед самым возвращением в Бостон и домой, в Вермонт, на несколько дней остановилась в Париже. У Марии повсюду были друзья, ее приезду радовались везде. Она прекрасно провела время, но была счастлива снова вернуться в Вермонт — спать в собственной постели, готовить на своей кухне, — хотя отсутствие мужа в доме ощущалось сильнее.

Он скончался год назад. Мария тосковала о нем, но старалась жить полной жизнью, не теряя времени зря.

Вместе с Шарлем-Эдуаром она объездила весь Прованс в поисках рецептов для новой книги. Оба уже были готовы представить план книги издателю, а в сентябре подготовить работу к сдаче. В Вермонте Мария успела написать еще две главы, затем уехала в Нью-Гемпшир. Ночи уже становились холодными, воздух пах осенью. Проезжая мимо лесов, Мария замечала, что листья на деревьях начинают желтеть. У друзей в Норт-Конуэе она пробыла дольше, чем планировала, домой возвращалась не спеша. Все лето она прекрасно проводила время, а теперь думала, что после Дня труда пора возвращаться в Нью-Йорк, и так погрузилась в мысли, что лишь остановившись у своего дома, заметила стоящего на веранде Шарля-Эдуара. Ожидая ее, он явно потерял терпение и теперь вздохнул с облегчением.

— Что ты здесь делаешь? — изумилась Мария. Волосы Шарля-Эдуара стали длиннее и пышнее прежнего, глаза голубели под стать вермонтскому небу. — Я думала, ты в Сен-Тропезе.

У Шарля-Эдуара был дом в Раматюэле, неподалеку от Сен-Тропеза, где он собирался провести

весь август. Мария не получала от него вестей с тех пор, как они расстались в Провансе, и не рассчитывала получить: они договорились созвониться уже после того, как она вернется в Нью-Йорк. Приезд Шарля-Эдуара в Вермонт стал для нее полной неожиданностью.

Он заговорил раньше, чем Мария успела шагнуть на веранду.

— Она ушла к моему помощнику, представляешь? Просто собрала вещи, взяла и ушла.

— Кто? — Мария почти не сомневалась, что речь идет о шеф-поваре одного из парижских ресторанов Шарля-Эдуара. Отношения с этой вспыльчивой женщиной у него складывались непросто, каждые три недели она грозила уволиться.

— Ариэль. Моя жена, — с возмущенным видом ответил он и вдруг расплылся в сияющей улыбке. Он был счастлив видеть Марию и не скрывал этого.

— Твоя жена ушла от тебя к твоему же помощнику? — ошеломленно переспросила Мария.

— Она разводится со мной. Пять дней назад я получил письмо от ее адвоката. Он уже подал бумаги на развод. Я помчался сюда первым же рейсом, а тебя не застал.

— Если ты хотел поговорить со мной, почему же просто не позвонил? — Мария и вправду не понимала, зачем Шарлю-Эдуару понадобилось мчаться в такую даль.

— Я хотел, чтобы этот разговор состоялся при личной встрече, — объяснил он, пока Мария искала в сумке ключи и отпирала дверь.

— Какой разговор? Наш издатель пока не вернулся из отпуска. Кстати, на прошлой неделе я дописала еще две главы. Думаю, тебе понравится. Одна полностью посвящена применению специй, а вторая — рыбе…

— Я приехал не для того, чтобы обсуждать рыбу, — с досадой перебил он.

— Тогда зачем же? — Мария окончательно растерялась, в сопровождении гостя прошла к дивану и села. Шарль-Эдуар устроился рядом и заглянул ей в глаза.

— Я решил лично сообщить тебе, что теперь я свободный человек. Тридцать лет ты отказывалась воспринимать меня всерьез потому, что я женат, — впрочем, как и ты. — Последнее обстоятельство для него ничего не значило. Теперь оба были свободны. — У меня больше нет жены. Ей вздумалось выйти за болвана, но это ее дело. За годы я так и не полюбил ее. А тебя я люблю с

тех пор, как увидел впервые. На этот раз тебе от меня так просто не отделаться. Я люблю тебя. Ты замечательный человек и великолепный повар. И единственная женщина на свете, которой я готов хранить верность. Я не уеду отсюда, пока ты не согласишься выйти за меня. Вот за этим я сюда и приехал! — И он поцеловал ее так крепко, что у растерявшейся Марии перехватило дыхание. Минуту она не знала, что сказать, потом рассмеялась.

— Шарль-Эдуар Прюнье, да ты совсем спятил! Выжил из ума! Я не хочу замуж. Да, я обожаю тебя. Но не хочу в мои годы снова становиться женой. Мне скоро шестьдесят. В шестьдесят никто не выходит замуж. Меня поднимут на смех — кстати, и тебя тоже.

Слова Шарля-Эдуара польстили ей, она всегда любила его как друга, но никогда не позволяла этим дружеским чувствам перерасти в нечто большее. А теперь все вдруг изменилось, препятствия исчезли разом.

— Ну и что? — Выражение его лица стало непреклонным. — L'amour n'a pas d'age. Любовь не знает возраста. Даже если бы тебе было сто лет — мне все равно. Мне шестьдесят пять, я люблю тебя с тех пор, как тебе исполнилось тридцать.

И не собираюсь еще тридцать лет тратить на ожидание. — Он снова поцеловал ее, и Мария, к собственному изумлению, ответила на поцелуй, понимая, что в ней набирают силу чувства, которых она годами старалась не замечать. Пока был жив ее муж, она любила его всем сердцем.

Внезапно на лице Марии отразился ужас.

— Господи, как же нам теперь быть?!

— Наконец-то поступить так, как будет правильно, и пожениться, — твердо заявил он, и она опять засмеялась.

— Я за тебя не выйду.

— Выйдешь, — упрямо повторил он. — Я не отстану, пока ты не согласишься.

— Все-таки ты спятил. Мы уже слишком стары для женитьбы.

— Ничего подобного. Между прочим, я хочу, чтобы у нас с тобой был ребенок, — заявил Шарль-Эдуар, вызвав у Марии новый взрыв смеха. — Или хотя бы общие книги. Или займемся, чем ты пожелаешь. Дом в Раматюэле я оставил жене, квартиру в Париже тоже… Думаю, мы себе еще наживем. В Париже мне все равно не нравился район, где мы жили. Я куплю тебе другую квартиру.

— Подожди минутку, — посерьезнела Ма-

рия, — давай-ка притормозим. Так, значит, ты не шутишь?

У нее был совершенно ошарашенный вид. Догадаться, шутит ее давний друг или нет, она не могла.

— Думаешь, я просто так просидел на твоей веранде целую неделю? Мария, я ждал этого момента всю жизнь.

Она тоже любила его — как друга. Одного из своих самых близких друзей, с которыми ей нравилось работать и просто развлекаться. Но ей и в голову не приходило, что дружба с ним может перерасти в новое чувство. Мария любила своего ныне покойного мужа, их семейная жизнь складывалась как нельзя лучше. Но и с веселым, бесшабашным Шарлем-Эдуаром они прекрасно ладили с самого начала знакомства.

— Если ты не шутишь, мне понадобится время, чтобы все обдумать. Я вообще не знаю, хочу ли я замуж.

— Почему бы и нет? Только не говори, что ты слишком стара. Эту причину я не приму.

— Не знаю, стоит ли нам заключать брак. Ты француз. Романы французов никого не удивляют. Ближайшие тридцать лет мы можем посвятить роману — может, этим и ограничимся?

— Ты не из таких женщин, — возразил он, изображая шок.

— Но я же могла измениться на старости лет. Не знаю… — Она никогда не думала о том, что в ее жизни появится другой мужчина, а теперь обсуждала роман и брак с Шарлем-Эдуаром. — Может быть, попробуем просто пожить вместе и посмотрим, что получится? — И она добавила серьезным тоном: — Не хочу быть женой человека, который мне изменяет, а я знаю, что ты привык обманывать жену. Ты не считал нужным хранить верность Ариэль.

— На ней меня заставили жениться мои родители. Она тоже не любила меня. Но я могу поклясться быть верным тебе! — Судя по виду, он и не думал шутить, но Мария не знала, сумеет ли он сдержать клятву.

— Докажи, что сможешь! Если ты будешь верным мне, если не станешь изменять, я за тебя выйду. Может быть, — спохватившись, добавила она и засмеялась. Марию вдруг охватили веселье и робость, неожиданный разговор стал самым чудесным событием в ее жизни. На пороге шестидесятилетия она вдруг обнаружила, что в нее влюблен красавец француз, предлагающий ей руку и сердце. Мысль о супружестве начинала ей

нравиться. — А кто будет готовить в нашем доме, если мы поженимся? — с интересом спросила она, и Шарль-Эдуар задумался. Вопрос и вправду был непростым.

— Мы оба. Вместе.

— А кто будет помощником шеф-повара? Ты или я?

— Ты. Ты ведь женщина.

— А ты шовинист, — парировала Мария с довольной улыбкой. Она явно развлекалась, как и ее собеседник, и чувствовала себя совсем юной.

Тем вечером Шарль-Эдуар повел ее ужинать, они долго обсуждали, где будут жить — в Париже или в Нью-Йорке. Оба предпочитали Париж, о котором Мария мечтала всю жизнь. Шарль-Эдуар считал, что им надо подыскать квартиру на Левом берегу, в Шестом или Седьмом округе.

К возвращению домой они так и не успели окончательно решить, поженятся они или нет. Но Мария ясно дала понять собеседнику, что ждет от него верности. За всю свою жизнь ему еще не случалось хранить верность женщине, поэтому Мария предложила подождать несколько месяцев, проверить, под силу ли Шарлю-Эдуару такое испытание. Если он выдержит, к концу года Мария обещала подумать о переезде к нему в Париж,

а уж потом решить, быть свадьбе или нет. Тем временем они могли просто радоваться обществу друг друга. Шарль-Эдуар сказал, что ближайшие несколько месяцев сможет пробыть в Нью-Йорке, заодно и поработать над общей книгой.

После ужина он проводил Марию домой, и то, что случилось потом, показалось обоим совершенно естественным. Они не заметили, как очутились в ее спальне, одежда исчезла словно сама собой, и они сплелись в объятиях. Обоим казалось, что они вместе всю свою жизнь, а впереди их ждет еще сотня лет союза. Прижимаясь к нему, она чувствовала, как к ней возвращается молодость.

* * *

Отдых в кругу родных — вот что требовалось этим летом Йену, да и Крису тоже. Йен снова стал обычным ребенком, играл с двоюродными братьями и сестрами, купался каждый день, учился кататься на водных лыжах и обзавелся новыми друзьями. Эта летняя жизнь была такой простой, беззаботной и нормальной, что он почти не вспоминал, что его мать в тюрьме. Она звонила Йену раз в неделю, и Крис вздрагивал от каждого звонка. Эти разговоры возвращали Йена к реальности,

напоминали о боли, которую он перенес по вине родной матери. Крис по-прежнему негодовал и злился на бывшую жену: из-за нее Йен слишком рано узнал изнанку жизни. Но на Виньярде раны как будто бы начали затягиваться, хотя родители Криса часто заводили разговоры о его бывшей жене — разговоры, которыми он тяготился. Родители Криса считали, что суд должен запретить матери Йена видеться с сыном, даже если для этого придется отправить его в закрытую школу, о чем Крис и слышать не желал. Йен был еще слишком мал, Крис хотел, чтобы его сын рос рядом. Но его родители придерживались иного мнения.

— Ты все равно не сможешь обеспечить ему полноценную семейную жизнь, — строго выговаривала ему мать однажды днем после обеда, дождавшись, когда Йен выйдет из-за стола. — Не знаю почему, просто ты этого не делаешь, и все. Ты живешь под одной крышей с чужими людьми, какой-то коммуной, точно студент. Крис, у тебя ребенок, и если ты не в состоянии позаботиться о том, чтобы у него был настоящий дом, ты обязан отправить его в школу. Или по крайней мере снять отдельную квартиру и найти для Йена няню. Чем дальше ты увезешь его от матери, тем лучше будет для самого Йена. Его общение с

матерью надо свести до минимума.

Крис был согласен с матерью в последнем, но яростно возражал против остального, напоминая, что Йен приходится сыном ему, а не его родителям. Им легко играть роль сторонних наблюдателей и критиковать его. Они не принадлежали к числу бабушек и дедушек, принимающих активное участие в жизни внуков, но считали, что имеют полное право оценивать методы воспитания Криса, которые они не одобряли.

— Ни в какой коммуне я не живу! — выпалил Крис. — Мои соседи по дому — замечательные, интеллигентные люди, которые заботятся об Йене так, как не сумеет ни одна няня. Я поселился там из-за удобства еще до того, как Йен перебрался ко мне. Сначала я не считал нужным искать отдельное жилье, а теперь вижу, как много мои соседи значат для Йена. Если мы переселимся, то оба многое потеряем. — Крис твердо верил в это, но убедить свою мать не сумел.

— Ох уж эти мне новомодные веяния! — без обиняков высказалась она. — Детям нужны мать, отец и нормальный дом. И если уж Йену досталась такая мать, как Кимберли, пусть лучше живет вдвоем с тобой, но только если ты обес-

печишь ему здоровую, нормальную обстановку в настоящем доме, а не в чужой гостиной. Извини, Крис, но я тебя просто не понимаю. Тебе же вполне по карману отдельное жилье. Значит, ты просто упрямишься и ленишься. А расплачиваться за твою лень будет Йен. Что он говорит друзьям в школе? Как объясняет, кто эти люди? Ты уже не так молод, чтобы жить вместе с соседями, Крис, и вдобавок у тебя ребенок.

— Об этом мне прекрасно известно, мама, — холодно отозвался Крис. Отец тоже досаждал ему подобными наставлениями, считая «альтернативный образ жизни» Криса неподходящим для ребенка. Его родители были консерваторами до мозга костей, обоим казалось, что комната, снятая в доме в Уэст-Виллидж на двоих, — крайне неудачная мысль. Отец утверждал, что это безответственно по отношению к ребенку, мать выражала ту же мысль другими словами. Было невозможно втолковать им, как добры Франческа, Мария и Эйлин к Йену. Мальчик жил в особом мире, его опекали сразу четверо взрослых, и даже гость, французский шеф-повар Шарль-Эдуар, старался развлечь Йена. Сын Криса жил не только с отцом, но и в окружении дружелюбных, заботливых людей, и Крис считал такую обстановку

лучшим средством от душевных травм, которые мальчик получил по вине матери. Никто не мог отрицать, что Ким совершенно не годится в матери. Но Йен любил ее, она приходилась ему матерью, следовательно, они имели право на общение до тех пор, пока оно ничем не угрожало ребенку. Крис знал: его родители сожалеют, что Ким не умерла от передозировки, и убеждены, что в случае ее смерти Йен просто со временем забыл бы все, что с ним произошло, а раны в его душе затянулись бы гораздо быстрее. Но в действительности все было не так просто, в первую очередь потому, что Ким выжила.

— Надеюсь, насчет закрытой школы ты все-таки подумаешь, — повторила мать, и Крис нахмурился. Такие разговоры с родителями он уже успел возненавидеть. В своих представлениях о жизни они были старомодны и непреклонны, приличия и традиции волновали их больше, чем благо ребенка. Так растили и самого Криса, у которого с возрастом развилась глубокая неприязнь к образу жизни родителей и ко всему, что он олицетворял. Он чтил семейные традиции, ему нравилось, что летом на Виньярде собираются все поколения семьи, потому и сам приезжал на остров каждый год, но не выносил, когда за

отжившие обычаи цеплялись только потому, что так принято, когда устаревшие идеи, которым больше не находилось применения, навязывали только потому, что они, видите ли, «проверены временем». Он ни за что не согласился бы отправить Йена в закрытую школу. Сейчас рядом с Йеном по крайней мере был один любящий родитель и вдобавок — полный дом людей, которые искренне заботились о мальчике и не жалели на него времени и сил. Внимания родителей Криса Йен никогда не удостаивался. Им было приятно сознавать, что у них есть внуки, как и видеть их в своем доме, — разумеется, если рядом были родители или няни, но в целом родители Криса держали дистанцию, наблюдали издалека, не пытаясь установить контакт и понять, чем живут их потомки. Крис никогда не видел, чтобы его мать обнимала кого-нибудь из внуков, а его отец если и задавал им вопросы, то лишь про отметки в школе и успехи в спорте.

Криса родители тоже никогда не баловали задушевными разговорами, поэтому он, повзрослев, поселился сначала в Бостоне, потом перебрался в Нью-Йорк. В жестких рамках мира своих родителей он не смог бы существовать изо дня в день. Да, родители беспокоились о нем, любили его,

но для демонстрации любви и заботы выбирали способы, которые вызывали у Криса разочарование. Он давно понял, что с детства изголодался по эмоциональному контакту и ощущению связи, не хотел, чтобы Йен повторил его судьбу, поэтому даже думать не желал о том, чтобы отдать его в закрытую школу. Какие бы ошибки ни совершал Крис, по крайней мере он был рядом с Йеном и мог окружить его любовью, какой в детстве сам никогда не чувствовал. Его родителям положение и состояние семьи всегда казались более важными, чем счастье их детей. И дело было не в злом умысле и даже не в равнодушии: просто они хранили верность своим представлениям о счастье и не желали их менять. Они росли и прожили всю жизнь в таких жестких тисках социальных условностей, правил и обязательств, что так и не сумели вырваться из них. С появлением поколения Криса мир изменился, во всяком случае, для него и Йена, но не для его родителей. Они продолжали жить так, как повелось в семье, руководствовались правилами, которые теперь казались Крису бессмысленными. Ему с ранних лет хотелось поскорее вырасти и покинуть эту среду, в которой он всегда чувствовал себя не в своей тарелке. Тем не менее он продолжал при-

езжать в родительский дом на летние отпуска и праздники, а в остальном бывал там редко. Этим летом ему пришлось особенно тяжело. Родители не стеснялись критиковать жизнь Криса и Йена, в которой ничего не понимали. Непрекращающиеся проблемы с Кимберли сделали Криса легкой мишенью для осуждения и тревоги, родители то и дело высказывали свое мнение по поводу случившегося — мнение, в котором он не нуждался.

Порой Крис думал о Франческе и с удивлением понимал, что соскучился по своему съемному жилищу. Если его назначат единственным опекуном Йена, ему придется подыскивать отдельную квартиру, и он уже заранее беспокоился о том, что вдали от соседей, которые так добры к Йену, им обоим будет слишком одиноко. Мария и Франческа охотно вызывались побыть с мальчиком, обе заботились о нем, как родные тетушки. Эйлин стала для Йена старшей подружкой. Словом, жизнь под одной крышей с ними была полна преимуществ. Все лето Крису недоставало дружеских бесед с Марией и Франческой. Он не получал от них вестей, но не сомневался в том, что они отдыхают, и надеялся, что у них все хорошо. А вот Эйлин, несмотря на ее доброту к Йену, он недолюбливал: она слишком напоминала Крису его

бывшую жену, особенно разрушительными привычками и пристрастием к опасным мужчинам. За выходки Ким приходилось расплачиваться Йену, а до развода — и Крису.

Избегать серьезных разговоров с родителями Крис научился еще в юности. Единственным неприятным эпизодом, который его ожидал, мог стать визит к родителям Ким в Ньюпорт. Крису хотелось зажать уши, чтобы не слышать, как они оплакивают дочь, словно случившееся было чьей-то чужой, а не ее собственной виной. Отец Ким делал все возможное, чтобы вытащить ее из тюрьмы, но пока безуспешно. Йену они пытались внушить, что его мать мученица и святая. А по мнению Криса, святости в ней не было и в помине, особенно когда дело доходило до воспитания сына.

Йен чувствовал, что Крис недолюбливает родителей бывшей жены, и понимал, что Крис и Кимберли расстались навсегда. Секретом для мальчика не была и неприязнь родителей отца к Кимберли. Йен часто с горечью думал о том, что все люди вокруг на кого-нибудь да злятся. Он вспоминал долгие разговоры с Франческой и Марией, игры с Эйлин, а когда, услышав от него эти имена, родные спрашивали, кто это такие,

Йен объяснял, что просто его друзья. Йен признался отцу, что соскучился по оладьям в виде Микки-Маусов, которые получались такими аппетитными у Марии. А еще — по Шарлю-Эдуару и его фокусам с яйцами. Мальчику особенно запомнилось, как нарочно уроненное яйцо разбилось, а его содержимое растеклось по полу.

Так или иначе, лето прошло прекрасно. Йен вырос на целых два дюйма, Крис немного расслабился, повидался с братом, сестрой и племянниками, хотя и не был особенно близок с ними. Все эти люди были настолько похожи на родителей Криса, словно их отлили в одной и той же форме. И все-таки Крис радовался встрече, а Йен любил играть с двоюродными сестрами и братьями возле фамильного дома. Дети быстро загорели, все младшее поколение часто каталось на яхте родителей Криса — красивом парусном судне с четырьмя каютами и тиковой палубой, очень похожем на то, на котором сам Крис учился плавать под парусом в детстве. Эти морские прогулки Йен особенно любил и порой думал, что в Нью-Йорке будет скучать больше всего по ним. После возвращения домой Крис намеревался вступить в бой за постоянную опеку и победить. Больше он никогда не расстанется с Йеном.

В Мэне Франческа чувствовала себя легко и свободно. Друзья Тодда чудесно относились к ней и ни словом не упоминали самого Тодда и его невесту, хотя те приезжали всего неделю назад и составили хозяевам отличную компанию. Но и приезд Франчески пришелся кстати. Она немного расслабилась, часто смеялась и шутила, на время забыла о заботах и галерее. Точнее, не забыла, а запретила себе думать о чем-либо, кроме ветра и парусов, времени ужина и о том, что выбрать — омара или бифштекс. В кои-то веки у нее появилась возможность побаловать себя.

Пока она была в отъезде, ей никто не звонил, не присылал текстовых сообщений и писем по электронной почте. Ее коммуникатор молчал целых три недели. Об этом Франческа и мечтала, но была вынуждена согласиться с матерью: на следующий год ей обязательно надо придумать что-нибудь новое для отпуска. Отдых в кругу друзей Тодда вызывал у нее легкое ощущение неловкости, ей казалось, будто она следует за ним как тень. Франческа решила в следующем году одна съездить в Европу или еще куда-нибудь. К таким переменам она была почти готова.

Перед отъездом Франческа горячо поблагодарила хозяев за гостеприимство. Из Бангора в Бостон

она добралась самолетом, а оттуда еще одним вылетела в Нью-Йорк. Приземляясь в аэропорту Ла-Гуардиа, она думала об Йене и Крисе: они расстались давно, Франческа уже соскучилась по ним, по смешному личику Йена и разговорам с Крисом. Ей хотелось узнать, не вышла ли из тюрьмы мать Йена.

Сидя в такси, которое везло ее в город, Франческа блаженно улыбалась. Ее кожу покрывал ровный загар, волосы высветлило солнце. Ей казалось, что она пробыла в отъезде несколько месяцев. Дом ждал ее, уютный и приветливый даже снаружи. Вставляя ключ в замок, Франческа размышляла, нашла ли Эйлин работу. Хорошо бы ей наконец повезло и Брэд больше не появлялся на горизонте. Франческе не терпелось узнать, как дела у Эйлин, вестей от которой последние несколько недель она не получала. Правда, сама Франческа отправила девушке несколько сообщений, но Эйлин не ответила.

Не успев шагнуть через порог, Франческа вдруг поежилась, словно от холода. Все в доме, казалось, было на своих местах, но почему-то волоски у нее на руках встали дыбом, по спине пробежал холодок. Франческа почувствовала себя глупо: все на месте, все цело, а ей кажется, будто в доме

побывал кто-то чужой. Она позвала Эйлин по имени, но ей никто не ответил. Осматриваясь, она заметила, что дверь в гостиную распахнута, увидела разбитый в щепки стул у стены и застыла как вкопанная. Теперь она уже не сомневалась: в доме что-то произошло. Внутренний голос приказывал ей бежать. Она метнулась к входной двери, вылетела на улицу и, чувствуя себя идиоткой, остановилась на крыльце, хватая ртом воздух. Ее трясло, а она даже не понимала почему.

Первое, что пришло ей в голову, — позвонить Тодду, но делать это было неловко, и она от растерянности набрала номер мобильника Криса, чтобы попросить у него совета и, если повезет, за разговором немного прийти в себя. Спустившись с крыльца, она села на первую ступеньку. Крис ответил на звонок, в трубке послышалась мешанина звуков, по которым Франческа догадалась, что он где-то на игровой площадке, в окружении детей. Она была недалека от истины: вокруг него, возле родительского дома, и вправду играли дети. Звонку Франчески он явно обрадовался.

— Привет! Как у тебя дела? — с улыбкой спросил он, услышав ее голос.

— Прекрасно, — отозвалась она, и ее голос дрогнул. Ей вдруг стало стыдно за то, что она решила

позвонить ему. В доме все наверняка в полном порядке. Вот только чем объяснить разбитый стул в гостиной и безотчетный страх, от которого по коже бегут мурашки? Может быть, в дом забрались грабители? Но если стул — последствия грабежа со взломом, почему Эйлин не позвонила ей? Части этой головоломки упорно не желали складываться. — Отпуск прошел замечательно. А твой?

— Лучше некуда. Несколько дней назад съездили в Ньюпорт, теперь проводим здесь последние выходные. Ты не узнаешь Йена: он так вымахал — настоящий верзила!

Франческа улыбнулась его словам, перевела дух и перешла к делу:

— Извини за беспокойство, поверь, я очень глупо чувствую себя, потому что звоню по такому поводу… Словом, я вернулась домой минут пять назад, и как только вошла, мне стало не по себе. Знаешь, что самое странное? Я увидела, что дверь в мою гостиную распахнута, а один из стульев словно разбили о стену. Но в остальном вроде бы все в порядке. Я не выдержала и убежала на улицу. Вот теперь сижу на крыльце, как дура, и боюсь войти в дом. А если там, внутри, кто-то есть? Посторонние, грабители? Я звала Эйлин по

имени, но ее нет дома.

И сигнализация отключена. Франческа ругала себя за то, что не додумалась чаще звонить Эйлин, проверяя, все ли в порядке дома. Плакаться Крису было ужасно стыдно, особенно потому, что она, как последняя трусиха, сидела на крыльце собственного дома. Но ее и вправду не покидал страх.

Крис не раздумывал ни минуты. Слушая ее, он хмурился все сильнее.

— Доверься своему чутью. Ни в коем случае не входи в дом. Позвони в полицию. Возможно, в доме и вправду кто-то есть. Летом, когда все разъезжаются отдыхать, грабителям раздолье. Я бы на твоем месте позвонил в полицию немедленно.

— Они скажут, что я спятила, — промямлила Франческа, но совет Криса показался ей здравым.

— Лучше показаться смешной, чем быть раненой или убитой каким-нибудь бандитом. Звони в полицию. Как только что-нибудь станет ясно, перезвони мне.

— Ладно. — Она повесила трубку и сделала еще один звонок. Полиции она объяснила, что только что вернулась из отпуска и ей показалось, что дом либо ограбили, либо в нем кто-то есть.

Объяснить, кто сломал стул, она никак не могла — разве что очередной знакомый Эйлин из Интернета напился и разбушевался.

Полицейские успокоили ее, попросили пока не входить в дом и пообещали приехать через десять минут. Но уложились всего в пять: машина с двумя патрульными оказалась поблизости. Франческа объяснила, как ей стало страшно и что она видела, и полицейские попросили ее подождать снаружи. Прежде чем войти, ее расспросили обо всех, кто живет в доме. Франческа подробно описала всех своих жильцов и объяснила, что они в отъезде — только Эйлин осталась в городе, но она либо на работе, либо спит наверху. Полицейские внимательно выслушали рассказ хозяйки о расположении комнат дома и о том, кто какую занимает. Франческа сказала, что Эйлин живет на самом верху, а остальных нет в городе. Оба патрульных с встревоженным видом вошли в дом, положив руки на рукоятки револьверов. Франческа поняла, что ее слова восприняли всерьез. В ожидании она подумывала позвонить Крису, но не решилась снова беспокоить его, тем более что пока не могла сообщить ничего нового. Вдобавок она боялась впасть в истерику, поэтому в ожидании полицейских попыталась успокоить себя.

Наверняка все в порядке, ничего не случилось, не слышно ни выстрелов, ни топота бегущих ног. Спохватившись, она отступила в сторону от двери, но пришлось ждать еще минут двадцать, прежде чем вошедшие вернулись. За это время они успели осмотреть весь дом. Лицо полицейского, который первым вышел на крыльцо, было непроницаемым.

— Все в порядке? — улыбаясь, спросила Франческа, снова чувствуя себя глупо. Напарник полицейского все еще был в доме.

Офицер заговорил с ней спокойным, приглушенным голосом:

— Чутье вас не подвело. Ваша квартирантка с верхнего этажа мертва.

Эйлин… Боже мой… Не может быть… Нет, это невозможно! Франческа пошатнулась и чуть не лишилась чувств. Полицейский подвел ее к крыльцу и помог сесть. Она так побледнела, что он велел ей наклониться, коснуться лбом коленей и посидеть в такой позе. Франческе понадобилась минута, чтобы восстановить дыхание.

— Она не могла умереть, — сдавленным голосом выговорила она. — Ей же всего двадцать три года.

Как будто молодые не умирают! Франческа

поняла, что у нее путаются мысли. В голове помутилось.

— Ее жестоко избили и задушили. И кажется, изнасиловали. Мы нашли ее обнаженную в постели. Смерть наступила примерно три дня назад. Вы не знаете, кто мог ее убить? У нее был парень? Бывший муж? Не похоже, что в дом вломился кто-то посторонний. Почти везде в нем порядок, разве что сломана пара стульев.

Франческа уставилась на него широко раскрытыми глазами.

— У нее был парень, который вел себя отвратительно, как бандит, но когда мы с Эйлин виделись в последний раз, она уже давно не встречалась с ним. Этот парень дважды избивал ее. Я уехала три недели назад, а Эйлин не встречалась с ним с июня. Правда, она ведь могла и обмануть меня… не знаю. Но по-моему, убить ее мог только он… или новый знакомый из Интернета… она часто там знакомилась…

Полицейский записывал ее слова, тем временем второй вызвал оперативную группу. Вскоре к дому подъехали три полицейские машины и «скорая помощь».

— Вы знаете имя того парня? — продолжал расспросы офицер, а остальные прошли в дом.

— Брэд. Брэд Тернер, кажется. Мерзкий тип, иначе не скажешь.

— Он не говорил, где работает?

— Мне — нет. Со слов Эйлин я знаю только, что он механик, чинит мотоциклы. Он был весь в татуировках.

— Не припомните, как они выглядели?

Отвечая, она закрыла глаза и попыталась мысленно представить татуировки. Ее снова начало трясти, к горлу подкатывала тошнота.

— Орел… роза… большая змея на одной руке… какой-то китайский символ… остальных не помню. — Она открыла глаза. Из головы не шла мертвая Эйлин, лежащая в комнате наверху, убитая скорее всего Брэдом. Полицейский виновато посмотрел на Франческу.

— Извините за такую просьбу, но нам нужно, чтобы кто-то опознал тело, подтвердил, что это она. Вы не могли бы нам помочь?

Франческа уставилась на него глазами, полными ужаса.

— А это обязательно?

Она не хотела видеть мертвую Эйлин. Она вообще никогда не видела покойников.

— Кроме вас, нам не к кому обратиться. А вдруг это вовсе не она? В ее постели могли убить кого

угодно.

Франческа кивнула, а в это время к дому подкатила еще одна полицейская машина. Дом стал местом преступления, к нему отовсюду спешили полицейские. Собеседник Франчески ненадолго ушел в дом, а она трясущимися руками достала телефон и позвонила Крису.

Увидев определившийся номер на экране, Крис ответил немедленно:

— Слушаю, Франческа. Что они говорят? Все в порядке? — В его голосе слышалась надежда.

Пауза затянулась, Франческа не сразу сумела ответить:

— Эйлин мертва. Кто-то избил ее, задушил и, кажется, изнасиловал. Наверное, после моего отъезда она опять начала встречаться с Брэдом. Или с бандитом вроде него.

Некоторое время Крис молчал, обдумывая услышанное.

— Очень жаль.

— Она была совсем юной. Меня просят опознать тело, а я не знаю, смогу ли я. Может, это даже не она. Но ее нашли обнаженной в постели Эйлин. — Франческа цеплялась за каждую соломинку, хотя в глубине души понимала, что убитая может быть только Эйлин. Крис тоже в этом не сомневался.

Обоим хотелось, чтобы случившееся оказалось страшным сном, но, увы, это была правда.

— Хочешь, я сейчас приеду? — предложил Крис. — Я могу быть у тебя через несколько часов.

— Хорошо бы, но Йена лучше не пугать. Когда вы собирались вернуться?

— Через три дня. Но я могу вернуться уже завтра. Тебе не стоит оставаться там одной.

— В доме я и не останусь. — Франческу передергивало при одной мысли об этом. — Поселюсь пока в отеле.

— Сочувствую, что тебе придется участвовать в опознании. Если они готовы ждать, я могу опознать ее, когда вернусь. — Видеть мертвую Эйлин не хотелось и ему, но по крайней мере он мог избавить от этого зрелища Франческу.

— Нет, я сама, чтобы они сразу позвонили ее родителям.

Только вряд ли известие о смерти Эйлин разобьет сердце ее отцу. Но у нее остались пятеро братьев и сестер, а еще мать. Они должны узнать о случившемся. Сделать это необходимо хотя бы из уважения к Эйлин. Однажды она оставила Франческе номер своей матери на всякий случай. Этот листок Франческа хранила в письменном

столе.

Двое полицейских подошли к ней, спросили, все ли с ней в порядке, и попросили пройти в дом. Тело Эйлин уже лежало на носилках, укрытое простыней и одеялом, носилки стояли на полу в холле. Франческу спросили, готова ли она, и она кивнула, судорожно цепляясь за руку полицейского. Он придерживал ее за спину, на случай если ей станет дурно: в полиции хорошо понимали, каким тяжким испытанием может стать опознание. Один из полицейских отогнул одеяло и простыню, и Франческа сразу поняла, что перед ней Эйлин. Ее избили так, что все лицо превратилось в сплошной синяк, но по-прежнему было узнаваемым. Франческа кивнула, Эйлин снова накрыли, носилки унесли. В изнеможении опустившуюся на пол Франческу подняли, вывели из дома, усадили в одну из патрульных машин и дали бутылку с водой, которые полицейские возили с собой на такой случай. Соседи наверняка подумали, что ее арестовали, но Франческе было все равно. Когда снова позвонил Крис, она плакала.

— Это она. Он изуродовал ей все лицо.

— Жаль, что тебе пришлось это видеть. Хочешь, я оставлю Йена здесь, с родными, а сам приеду?

Тебе сейчас не помешает поддержка.

Ей удалось лишь слабо пролепетать «спасибо» и отключиться. Рвота подкатила внезапно, Франческа едва успела высунуться в дверь полицейской машины и наклониться.

Ее отвезли в участок и дали подписать показания, затем с помощью компьютерной программы составили приблизительный портрет Брэда по описаниям Франчески и список особых примет для поиска. По номеру, который по указаниям Франчески нашли в ее письменном столе, связались с матерью Эйлин и сообщили горестную весть. Дом был заперт. Мать Эйлин решила кремировать тело, а потом перевезти прах в Сан-Диего, не проводя в Нью-Йорке ни похорон, ни панихиды. Эйлин так и не успела найти друзей на новом месте, не считая соседей по дому и знакомых по Интернету, фанатичная одержимость которым ее и погубила. Франческа понимала: не попадись ей Брэд, на его месте мог оказаться другой знакомый из Сети. Эйлин слишком часто рисковала. Франческе никак не верилось, что милой веснушчатой девчушки с собранными в веселые хвостики рыжими волосами уже нет в живых. Когда они прощались перед отпуском Франчески, Эйлин выглядела такой невинной

и симпатичной. Значит, когда она стояла на крыльце и махала вслед такси, Франческа видела ее живой в последний раз.

Полицейские отвезли Франческу в отель «Ганс-вурт», она сняла номер, вошла, села и долго сидела, дрожа всем телом. Домой ей не хотелось. Ей казалось, прошло несколько часов, прежде чем наконец ей позвонил Крис. Франческа потеряла счет времени. Крис уже спешил из аэропорта и спрашивал, где она сейчас, выслушал объяснения и через несколько минут постучал в дверь отеля. Франческа открыла ему и чуть не упала в его объятия. Он обнял ее, постоял, прижимая к себе, потом подвел к кровати и усадил. Франческа расплакалась.

«Глупая девчонка», — вертелось у него в голове. Крис был и зол, и расстроен. Его жена уже десятки раз могла оказаться на месте Эйлин. До сих пор ей везло, но вряд ли это везение будет вечным. Когда-нибудь и Ким найдут мертвой, только рядом с ней будет валяться шприц, а Йен не сможет оправиться от потери. Крису был ненавистен этот никчемный риск, люди, которые шли на него, надрывая сердца близким, — они не стоили пролитых из-за них слез. Весь вечер Франческа плакала в его объятиях, пока не забылась бес-

покойным сном. Крис лежал рядом, прижимая ее к себе, как много ночей подряд обнимал Йена. Утром Франческе позвонили из полиции: Брэда нашли. Его отпечатки пальцев сличили с найденными на месте преступления. Отпечатки совпали. В доме был он. Предстоял еще анализ ДНК, но пока все части головоломки совпадали. Все доказывало, что догадка была верной. Брэд убил Эйлин.

Глава 14

Франческа проснулась вялая и растерянная, не зная, приснились ей события вчерашнего дня или нет. Она уснула, не раздеваясь, рядом с Крисом, в номере отеля «Гансвурт». Открыв глаза, она повернулась к Крису. Он лежал рядом и не спал.

— Мне все приснилось?

Он покачал головой. Нет, этого не может быть. Не должно. Так нечестно. Эйлин мертва. Виртуальные знакомства погубили ее, точнее, не сами знакомства, а неумение Эйлин оценивать людей здраво, пристрастие к опасным мужчинам и многолетняя привычка терпеть физическое насилие. Все внесло свою лепту в ее горестный финал. Много замечательных людей находят друг друга в Интернете, влюбляются и женятся. Но среди сетевой публики попадаются и омерзительные подонки, одним из которых оказался Брэд. Эйлин была слишком зависима от него и от насилия, чтобы вовремя опомниться и спастись. Всякий раз ей не хватало еще одной встречи. Очередная встреча стала последней.

Крис выяснил, что главным подозреваемым по

делу об убийстве Эйлин по-прежнему остается Брэд. Полицейские просили Криса и Франческу опознать его при очной ставке, назначенной на следующий день. Эксперты уже проводили анализ ДНК, выделенной из соскобов с кожи Брэда, и сравнивали с ДНК из частиц, найденных под ногтями Эйлин. Первые результаты ожидались через три дня. Тело Эйлин находилось в морге, после вскрытия его должны были кремировать, но не раньше, чем через несколько дней. Франческа, сердце которой от этих известий ушло в пятки, невольно задалась вопросом, какой смысл ждать. Все равно Эйлин мертва. Для нее все кончено. Франческе вдруг вспомнилось, как девушка делала из папье-маше кукол для Йена, а потом — покрытое синяками лицо, которое она видела вчера. Вскочив, Франческа бросилась в ванную, где ее вырвало. Она стояла на коленях возле унитаза, подошедший Крис помог ей придержать волосы, погладил по голове и протянул мокрое полотенце.

— Извини… — прошептала она, вытирая полотенцем лицо.

Он покачал головой:

— Мне так жаль ее. Насилие в отношениях — страшное дело. А психологическое насилие

ничем не лучше и вызывает зависимость той же силы. По-моему, люди терпят своих обидчиков или возвращаются к ним только потому, что надеются убедить их: они хорошие и не заслуживают наказаний. И всегда оказываются виноватыми. Иногда их убивают. Эйлин просто не хватало силы воли и, видимо, психического здоровья, чтобы раз и навсегда отказаться от встреч с этим парнем.

Оба понимали, что такое случается слишком часто. Франческа вернулась в комнату и легла. Ей не хотелось даже думать о том, что скоро снова придется вставать. Вот так бы и лежать вечно. И чтобы Крис сидел рядом и гладил ее по голове.

Мария и Шарль-Эдуар вернулись после прогулки по ее саду и уже начинали готовить завтрак, когда на мобильник Марии позвонил Крис. Телефон лежал у нее на письменном столе, отвечать она не спешила, так как не ждала важных звонков, не желала отвлекаться от общения с Шарлем-Эдуаром, да и отпускное настроение еще не покинуло ее. Определившийся номер показался ей незнакомым, но Мария все равно ответила на звонок и с удивлением услышала голос Криса.

— Привет, Мария, — почти мрачно произнес он хрипловатым голосом. В эту ночь он почти не

спал, утешая Франческу. Несколько раз она просыпалась в слезах. Крис устал и был расстроен.

— Какой приятный сюрприз! — радостно воскликнула Мария. — Как Йен? Где вы оба? Я еще в Вермонте.

Они созванивались несколько раз с тех пор, как разъехались на лето.

— Я в Нью-Йорке с Франческой, — объяснил Крис. Франческа слушала, находясь рядом. Это она попросила его позвонить Марии. — Йен еще на Виньярде. Через пару дней я возвращаюсь за ним.

— Что-то стряслось? У Франчески все хорошо? — Марию насторожило то, что они вместе. По крайней мере по его словам и судя по голосу, Крис явно расстроен.

— Она вернулась домой вчера. Извини, что беспокою, но у нас в доме трагедия. Несколько дней назад убили Эйлин. Скорее всего это сделал Брэд.

— Господи, какой ужас! — Глаза Марии мгновенно наполнились слезами, стоило ей представить себе, что могло произойти. Эйлин, такая милая, несмышленая, чистая девочка! Наблюдавший за Марией Шарль-Эдуар мгновенно встревожился и вопросительно уставился на нее. — Ее нашла Франческа? — Мария надеялась,

что этого не произошло. Представить себе более страшное зрелище она не могла.

— Она только вошла в дом и сразу заподозрила неладное, поэтому позвонила мне, а я посоветовал остаться снаружи и вызвать полицию. Эйлин нашли полицейские. Она лежала мертвая в своей комнате. Ее избили и задушили. Сегодня Брэда арестовали, а нам предстоит опознать его.

Он не стал сообщать, что днем раньше Франческа опознала труп. Франческа лежала на постели, прислушиваясь к разговору; ее глаза были закрыты, лицо покрывала бледность, Крис тихонько пожимал ей руку. Им обоим было грустно и радовало лишь то, что рядом есть близкий друг.

— Хотите, я приеду? Мы будем на месте уже через несколько часов.

Крис заметил, что Мария сказала «мы», но решил, что от волнения она просто оговорилась.

— Эйлин уже ничем не поможешь, а у нас все хорошо, — сказал Крис, хотя они с Франческой считали иначе.

— Вы сейчас в доме?

Мария не могла себе даже представить такое, но не знала, что посоветовать.

— Мы в «Гансвурте», — объяснил Крис.

В полиции им дали координаты компании,

которая специализировалась на уборке помещений, где были совершены преступления. После сбора всех необходимых улик и фотосъемки сотрудники компании приезжали и уничтожали все напоминания о преступлении. Обычно для этого требовалось несколько дней. При необходимости проводился даже ремонт. Как правило, такое случалось, когда в помещениях стреляли. С точки зрения Криса, работу хуже этой было невозможно себе представить.

— К вашему возвращению все будет в порядке, — добавил он.

Вот только Эйлин в доме больше никогда не будет. Утром Франческа решила, что больше никому не предложит снять эту комнату. Она сама не желала видеть ее — слишком тягостные воспоминания были с ней связаны. Франческа искренне любила Эйлин, несмотря на всю ее неосторожность и легкомыслие, охотно приняла под крыло и впустила в дом. А теперь Эйлин была мертва.

— Как жаль… — тихо выговорила Мария. — Мне бы не хотелось беспокоить Франческу, но если я чем-нибудь могу помочь, позвони мне. Я сразу сяду в машину и скоро буду в городе. Через несколько дней я постараюсь приехать в любом

случае. Кто-нибудь уже созвонился с родителями Эйлин?

— Да, полиция. После вскрытия тело кремируют, прах отошлют родителям. В Нью-Йорке похорон не будет.

— Мы могли бы сами заказать скромную панихиду, — нерешительно предложила Мария, слишком потрясенная, чтобы принимать решения. Она попросила Криса передать привет Франческе, и разговор завершился.

— Что случилось? — озабоченно спросил Шарль-Эдуар, как только Мария отложила телефон.

— Эйлин, та молоденькая девушка с верхнего этажа, была убита в доме. Ее избили и задушили.

— Грабители?

— Предположительно мужчина, с которым она встречалась. Его арестовали и предъявили обвинение в убийстве. До этого он уже дважды сильно избивал ее.

Марии стало дурно. С отрешенным лицом она опустилась на диван, Шарль-Эдуар присел рядом, обнял ее и привлек к себе. Первый день их новой жизни начался печально. Начало и завершение, рождение отношений и смерть юной девушки… Горьковатая сладость жизни. На этот раз — отча-

янно горькая. Мария взглянула на Шарля-Эдуара, прижалась к нему и разрыдалась.

Очная ставка в участке шестого полицейского округа на Западной десятой улице началась с опозданием. Наконец в комнату ввели пестрое сборище мужчин: двое были рослыми, один — коротышкой, трое — среднего роста. Все щеголяли татуировками. Один носил длинные волосы. Троим были предъявлены обвинения в других преступлениях, роль еще двух подозреваемых играли переодетый полицейский и преступник, осужденный условно. Последним был Брэд. Крис и Франческа мгновенно узнали его, еще пока он стоял, повернувшись в профиль, и подтвердили, что не ошиблись, увидев его анфас. Все участники опознания переминались по другую сторону окна с зеркальным стеклом. Крис и Франческа даже не сомневались в том, что один из этих людей — Брэд. Именно он. Наконец всю компанию увели. Все кончилось. Судебное заседание должно было состояться на следующий день. Крису и Франческе разрешили уйти.

Они пешком вернулись в отель, обоим хотелось подышать. По дороге Криса настиг звонок Йена, Крис сказал сыну, что у него все хорошо, и передал привет от Франчески. Он объяснил Йену, что

ему понадобилось съездить в Нью-Йорк по делу, а заодно помочь Франческе по дому, — объяснения понадобились, чтобы мальчик не подумал, будто бы с его матерью что-то случилось в тюрьме. Йен всегда боялся за мать, и не без причины. Но теперь ее обвиняли в убийстве, и Крис сомневался, что ей удастся выйти сухой из воды, несмотря на помощь отца. Вот и Эйлин никто не остановил, не удержал и не спас. Женщины, склонные действовать себе во вред, обычно добивались своего — Крис знал это по опыту.

В полиции им сообщили, что дом приведут в порядок к середине следующей недели. До этого времени они решили пробыть в отеле. Перед тем как отправиться в полицию на опознание, Крис снял отдельный номер, не задумываясь о том, будет он им пользоваться или нет. Если понадобится, он был готов каждую ночь сидеть в кресле возле кровати Франчески. Для этого он и примчался с Виньярда — чтобы хоть чем-нибудь помочь ей. Возвращаясь домой пешком, они сделали большой крюк, лишь бы не проходить мимо дома; Франческа не знала, сможет ли когда-нибудь смотреть на него без содрогания. Неужели теперь он навсегда останется населенным призраками? Или в этом доме вновь воцарится

мирная жизнь? Ответов она пока не знала.

Франческа ничего не ела со вчерашнего дня, Крису с трудом удалось уговорить ее сходить в «Да Сильвано», перекусить какой-нибудь пастой. Их усадили за столик на открытой веранде, вдали от суеты зала, но Франческа так и не притронулась к еде. Из головы у нее не шла Эйлин. После ресторана они побрели в отель, в номер Франчески, где Крис включил телевизор. Шел бейсбольный матч, Крис смотрел его без звука, сидя в кресле возле кровати, а Франческа незаметно уснула. Она ворочалась, раз или два ей снились кошмары, один раз она вставала в туалет, но в остальном проспала до самого утра. И Крис вздремнул — одетый, возле включенного телевизора. Но на следующий день обоим полегчало.

Они заказали еду в номер. Мария позвонила узнать, как у них дела. На этот раз она разговаривала с Франческой, обе оплакивали Эйлин. Франческа вдруг поняла, как сильно соскучилась по Марии. Понимая, что демонстрировать свою радость в разгар общего горя неуместно, Мария умолчала о новом повороте своих отношений с Шарлем-Эдуаром.

— Хочешь на несколько дней съездить со мной на Виньярд? — предложил Крис за завтраком, но

Франческа отказалась.

— Я сама не знаю, чего хочу, — призналась она. Вид у нее по-прежнему был болезненный. — Мне никого не хочется видеть. Надо бы открыть галерею и заняться работой… — Возможности отвлечься от своих бед она была бы только рада. А если бы ей захотелось уехать из города, к ее услугам был отцовский дом в Коннектикуте. Отец и Эйвери как раз вернулись из Аспена.

Днем Франческа позвонила Эйвери и рассказала о случившемся. Эйвери пришла в ужас.

— Наверное, все-таки не стоило тебе пускать в дом жильцов, — упавшим голосом произнесла она. Она всей душой сочувствовала Франческе и даже не представляла, сможет ли та когда-нибудь жить в этом доме. Тот же вопрос задавала себе и Франческа, пока не зная, как ответить. Как она почувствует себя в доме, когда снова там окажется?

— И что будешь делать? Продавать дом?

Эта мера выглядела крайней, но жить в доме, где зверски убили совсем юную девушку, казалось немыслимым им обеим. У Франчески с этим домом было и без того связано немало печальных воспоминаний. Эйвери осторожно предположила, что, возможно, настала пора отказаться от дальнейшей борьбы, и спросила, звонила ли ее

собеседница матери.

— Пока нет, — вздохнула Франческа. — И не уверена, что позвоню. Ей незачем знать, что здесь произошло. Она замучает меня нотациями, будет твердить, что она с самого начала предупредила, что нельзя пускать в дом чужих людей, и настаивать, что я должна продать его. А я сама должна понять, чего я хочу. Пока я этого не знаю.

— Придет время — поймешь. Сейчас еще слишком рано, конечно, если пока у тебя нет желания продавать дом.

— Ни малейшего. Я по-прежнему люблю этот дом. Но не могу без содрогания вспомнить, что в нем произошло. Извожу себя вопросами, правильно ли я поступила или надо было вести себя с ней строже. Но ведь я была для нее домовладелицей и соседкой, а не матерью. Не могла же я запретить ей встречаться с ним! Вот я и ограничилась тем, что не разрешила приводить его в дом, но она все равно впустила его, пока я была в отъезде. Я ведь убеждала ее обратиться за помощью к психоаналитику и перестать заводить знакомства в Интернете. По-моему, с ней все было сложнее, чем казалось на первый взгляд, история с физическим насилием тянулась с самого детства. Потому она льнула к тем, кто причинял

ей боль, потому и нашла где-то Брэда. Не было бы Интернета, нашлось бы другое место для знакомства. У каждого из нас свои секреты, проблемы и вопросы. Я все еще пытаюсь оправиться после разрыва с Тоддом, Мария — после смерти мужа, Крис болезненно переживает героиновую зависимость бывшей жены и пытается защитить сына. Каждый из нас ведет свою борьбу, и, наверное, порой мы производим обманчивое впечатление. Так было и с Эйлин. И посмотри, чем это для нее обернулось…

Франческа вдруг снова расплакалась, вспомнив, как любила Эйлин. Никто из ее знакомых не умирал такой ужасной смертью. Как это ужасно — погибнуть в собственной постели, избитой и задушенной! Но ведь Брэд всем своим видом предупреждал, что опасен, а она пыталась поладить с ним вместо того, чтобы опрометью бежать прочь, как поступил бы нормальный и здравомыслящий человек. Эйлин просто нельзя было назвать нормальной, у нее быстро развилась болезненная зависимость от Брэда и физического насилия, за что она дорого поплатилась. Эйвери напомнила Франческе, что статистические данные по склонности к насилию среди мужчин и количеству жертв насилия среди женщин ужасают.

Семьдесят пять процентов мужчин, грозившихся убить своих женщин, в конце концов исполняют эту угрозу. Теперь и Эйлин пополнила статистику, стала еще одной галочкой в ней, а не милой веснушчатой девушкой с верхнего этажа. Игра в свидания с совершенно незнакомыми людьми и неумение их оценивать привели ее к гибели.

На следующий день Крис вернулся за Йеном на Виньярд, пообещав Франческе привезти сына как можно быстрее. Правда, Франческа уверяла, что с ней уже все в порядке. Она открыла галерею и продолжала снимать номер в «Гансвурте». Ее чемоданы одно время стояли в холле дома, как в день приезда, потом она перевезла их в отель. Марии она сообщила, чтобы та не торопилась возвращаться: помочь она все равно ничем не сможет. Из комнаты Эйлин вынесли все вещи, комнату продезинфицировали и перекрасили. Личные вещи покойной упаковали в коробки и отправили в Сан-Диего — после того как полицейские пересмотрели их и убедились, что среди них нет никаких вещественных доказательств. Франческа собиралась в дальнейшем просто запереть комнату и больше не пользоваться ею. Даже заходить туда ей было бы невмоготу. На какое-то время ей придется просто забыть, что

в доме есть верхний этаж. Она не представляла, кто смог бы поселиться в этой комнате, зная, что совсем недавно в ней убили человека. Значит, теперь с Франчески причитается половина суммы выплат по кредиту, а не четверть, как было, когда в доме жили четыре человека. Столько же Франческа платила, когда жила вместе с Тоддом. Но другого выхода она не видела. Искать жильца на замену Эйлин она не желала — пусть в доме будут только Крис, Мария и, конечно, Йен. Ее жильцы — взрослые, рассудительные, нормальные люди, они не станут подвергать риску ни себя, ни окружающих. Вновь соседствовать с таким же человеком, как Эйлин, Франческа совсем не хотела, несмотря на все дружеские чувства к девушке. Невозможно угадать, какие обнаружатся привычки у новых жильцов. А у них троих — у самой Франчески, у Марии и Криса, — нет ни супругов, ни постоянных партнеров. Они самостоятельные взрослые люди, плюс один ребенок, которого все они любят. Эйлин оказалась слишком незрелой, ее чувству собственного достоинства еще в детстве был нанесен непоправимый ущерб, поэтому ответственности от нее ждать не стоило. Франческа винила себя за непонятливость — возможно, будь она пособразительнее, Эйлин

удалось бы уберечь. Может, в другой обстановке ее не убили бы. Но все ее соседи разъехались на лето, и она стала легкой добычей для Брэда.

Из полиции Франческе сообщили, что Брэду предъявили обвинения и отдали под суд. По совету государственного адвоката он заявил о своей невиновности, настаивал на своем праве выступить в собственную защиту, в конечном итоге был готов даже на сделку с признанием вины. Но поскольку речь шла о хладнокровном убийстве, адвокат мало чем мог помочь Брэду. Первые же результаты анализа ДНК подтвердили его причастность к убийству. Расследование могло занять целый год, все это время Брэду предстояло провести в тюрьме, об освобождении под залог и речи быть не могло. Франческе вспомнилась бывшая жена Криса, которая тоже ждала суда, сидя в тюрьме. От ее имени адвокаты уже не раз пытались заключить сделку, но районный прокурор приложил все старания, чтобы не дать обвиняемой и на этот раз сорваться с крючка. Она несла ответственность за погибшего наркомана, вместе с которым употребляла наркотики и которого снабжала ими. Бедный Йен был вынужден видеть эту страшную сцену, на его глазах умер человек, а потом чуть не умерла его мать. Мальчик

рассказал Крису, что видел, как оба вкололи себе дозу, — он знал, что это такое, потому что видел и раньше. Все эти подробности Крис собирался представить в суде, во время слушания дела об опеке. Он не желал, чтобы его сын жил с женщиной, прямо в его присутствии употребляющей наркотики, пусть даже эта женщина — его мать, не желал, чтобы Йена окружали наркоторговцы и наркоманы. Мало того, Крис собирался просить, чтобы свидания матери с Йеном после ее освобождения из тюрьмы проходили только под надзором. Йен больше не должен был оставаться с ней наедине. Крис даже не надеялся, что она вылечится: этого никогда не будет, сколько бы раз она ни лежала в клинике. Ее родители мечтали, чтобы она исцелилась, Крис тоже, но их мечтам не суждено было сбыться. Болезнь зашла слишком далеко, Ким было уже на все наплевать. Ее волновало одно — наркотики, по любой цене. Точно так же Эйлин стремилась во что бы то ни стало встречаться с Брэдом. Он был ее наркотиком, таким же смертельно опасным, как героин для друга Ким. Теперь и Эйлин, и этот безвестный наркоман были мертвы.

Несколько раз Крис звонил Франческе с Виньярда, боясь, что в одиночестве она снова впадет

в депрессию. К тому времени Франческа уже вернулась домой. Ее голос звучал тускло, но она уверяла Криса, что у нее все в порядке. И старалась не проговориться, с каким нетерпением ждет возвращения его и Марии в Нью-Йорк и каким тягостным ей кажется одиночество.

Мария не спешила возвращаться в город, понимала причины своей медлительности, и ей становилось грустно. Она так и не поделилась своими хорошими новостями с Франческой, считая момент неподходящим. Тем не менее они с Шарлем-Эдуаром были счастливы в Вермонте, исследуя грани взаимоотношений, прежде недоступные им. Теперь, когда он занялся разводом, все препятствия на их пути исчезли. Дважды он звонил из Вермонта своему адвокату и убеждался, что процесс идет. Жена Шарля-Эдуара хотела развестись как можно быстрее, чтобы выйти за своего избранника. Она требовала половину имущества, принадлежащего мужу, и он считал, что после тридцати лет совместной жизни это справедливо. Марии он объяснил, что вполне может позволить себе отдать половину имущества Ариэль и по-прежнему вести безбедную жизнь. Обоих это устраивало, Мария ничего не хотела от него — кроме маленьких радостей

общения, которые они уже начали дарить друг другу. Мария и вправду не думала, что после Джона у нее еще будут мужчины. Случившееся стало для нее сюрпризом, к переменам в жизни пришлось приспосабливаться, но, к счастью, оба обладали достаточной гибкостью и были терпимы к причудам и привычкам близких. Оба были добры, умели радоваться жизни и любить, особенно теперь, когда стали не просто друзьями. Шарль-Эдуар не передумал жениться и продолжал уговаривать Марию. А она оставалась тверда в своем решении: пусть сначала докажет, что он способен и готов хранить верность ей. Прожив в счастливом браке с Джоном тридцать шесть лет, она не собиралась ни выходить за ловеласа, ни даже просто быть с ним. А Шарль-Эдуар всю жизнь изменял жене и не скрывал этого. Он считал, что это цивилизованное решение проблемы и следствие его нелюбви к жене. Мария не спорила, но не хотела связывать судьбу с человеком, который заводит романы на стороне. Шарль-Эдуар клялся, что больше ничего подобного не повторится.

Они чудесно проводили время в Вермонте, ездили по окрестностям, поднялись в кабинке канатной дороги в горы и город Стоув, побывали в Нью-Гемпшире. Пробовали и омаров, и простую

еду в местных гостиницах, бродили по фермерским рынкам и готовили по очереди, а иногда и вместе, помогая друг другу. Им было некогда скучать: они уточняли рецепты для будущей книги, работали в саду, собирали цветы, подолгу гуляли, купались в ближайшем озере, рыбачили и готовили свой улов, бродили босиком по ручьям и не реже раза в день занимались любовью, чему не переставала удивляться Мария. Она и не думала, что такая бурная сексуальная жизнь возможна в их возрасте. Шарль-Эдуар поражал ее мужской силой, молодым задором и выносливостью. От его внимания и взаимной любви Мария расцвела. Единственным темным пятном в этой череде счастливых дней стало известие о смерти Эйлин. Оно глубоко опечалило Марию, и они с Шарлем-Эдуаром поспешили в церковь, чтобы помолиться за девушку. Ставя за нее свечку, Мария расплакалась, понимая, как ей будет недоставать Эйлин. Она задумалась: отважится ли Франческа искать ей замену?

К тому времени, как в конце выходных после Дня труда Шарль-Эдуар и Мария решили перебраться из Вермонта в Нью-Йорк, она окрепла, загорела и была безмятежно счастлива, а его ярко-голубые глаза сияли на загорелом лице, под

крылом белых волос. Одетый в голубую рубашку, джинсы и эспадрильи, с красным свитером на плечах, он вышел из машины, остановившейся перед домом номер сорок четыре на Чарлз-стрит, и принялся разгружать чемоданы, пакеты свежих овощей и фруктов из сада Марии и с вермонтского рынка. Вздохнув, Мария обвела взглядом дом, думая о том, что без Эйлин он будет совсем другим. Девушка придавала ему очарование молодости.

Крис и Йен были дома и сразу услышали, что кто-то приехал. Спустившись в холл, они с удивлением увидели Шарля-Эдуара, который явно прибыл из Вермонта вместе с Марией. Крис понял, в чем дело, заметив, какие у обоих счастливые лица, и уже в который раз пожалел о том, что француз женат. Эти двое казались идеальной парой.

— Добро пожаловать домой! — воскликнул Крис, спускаясь по ступенькам. Йен держал в руках печенье, под носом у него белели молочные усы. Он широко улыбнулся Марии и кинулся в раскрытые объятия Шарля-Эдуара.

— У меня в ухе яйцо! — с ходу объявил мальчик, но француз вынул вместо яйца монетку и вручил ему.

— Яйцо купили, извольте получить, — сказал

он, расцеловал Йена в обе щеки и обнялся с Крисом, к тому времени уже успевшим привыкнуть к французской манере здороваться. Йен помог перенести в кухню пакеты с продуктами, тем временем Крис шепотом объяснил Марии, что Йен ничего не знает про Эйлин. Мальчику сказали, что она переехала в Калифорнию к родителям, что отчасти было правдой. Отец умолчал только о том, что уехала Эйлин в урне, в виде горстки серого праха. Узнав, что ее убили прямо здесь, в доме, Йен мог перепугаться насмерть, а ему и без того хватало бед с матерью. Мария согласилась, что так будет правильно, и пообещала попросить Шарля-Эдуара никогда не упоминать ни об убийстве, ни о смерти Эйлин. Думать о ней было грустно всем. Мария обняла Криса, они обменялись теплыми понимающими взглядами.

— Как прошло лето? — спросил Крис. — Мы прекрасно отдохнули на Виньярде. — Он и вправду выглядел посвежевшим, как и Йен, здоровым и загорелым, как и Мария. Если не считать трагедии с Эйлин, отпуск в этом году удался у всех.

— А мы вдвоем чудесно провели время в Вермонте! — сияя, сообщила Мария. — Ну а в Европе всегда замечательно. Я пробыла там месяц — теперь уже кажется, что это было давным-давно.

Крис и Йен вернулись с Виньярда неделю назад. На первый взгляд в доме ничто не напоминало о трагедии. Только комнаты Эйлин наверху были заперты, да Франческа наконец купила мебель в гостиную, на замену той, которую Тодд увез восемь месяцев назад. Комната приобрела настолько уютный вид, что Франческа окончательно передумала продавать дом, несмотря на убийство Эйлин. Так она и сказала вернувшемуся Крису. Да, смерть Эйлин — трагедия, но жизнь продолжается. Крис одобрил ее решение и вздохнул с облегчением. Здесь они с Йеном были счастливы. Обстановка как нельзя лучше подходила для обоих, Крис уже не представлял себе жизни без Марии и Франчески, любимых «тетушек» Йена. Однако вскоре стало ясно, что Йен не забыл и Эйлин — он вспоминал книжки, которые она ему читала, и птичек-оригами, которых они мастерили вместе.

Как всегда, когда Мария была дома, все собрались на кухне. На плите разогревался грибной суп, который она приготовила еще в Вермонте, утром накануне отъезда. От кастрюли исходил восхитительный запах. Шарль-Эдуар опять показывал фокусы с яйцом визжащему от удовольствия Йену. Дом вдруг наполнился приятными арома-

тами, радостью, шумом и смехом. Когда Крис и Йен только вернулись, поначалу дом показался им мрачным, притихшим, словно погруженным в траур. А теперь перемены к лучшему стали очевидными. Мария и Шарль-Эдуар привнесли в дом энергию и жизнь. Без них здесь было слишком тихо.

Отперев входную дверь, вернувшаяся с работы Франческа сразу услышала доносящийся из кухни смех. Улыбаясь, она направилась прямиком в кухню и увидела Марию в переднике, хозяйничающую у плиты. В духовке уже стояла курица, приготовленная к ужину. Шарль-Эдуар переложил на блюдо собственноручно приготовленный паштет, поднял голову, увидел Франческу и бросился к ней с объятиями и поцелуями.

— A-a, la chatelaine! — с удовольствием воскликнул он, назвав ее «владелицей замка». Дом на Чарлз-стрит едва ли можно было назвать замком, но его успели полюбить все. — Франческа, тебе удивительно идет загар.

Ее волосы на солнце приобрели золотистый оттенок.

Все заговорили разом, Мария обернулась от плиты. Она сообщила, что заметила беспорядок в кухне и поспешила покончить с ним, расставив

вещи по местам. Компьютер, который всегда находился на кухонном столе, исчез: Франческа отдала его полицейским как вещественное доказательство. Но у всех в доме были свои компьютеры, без общего кухонного они вполне могли обойтись. Мария сразу догадалась, что исчезновение компьютера связано с гибелью Эйлин, которая часто им пользовалась.

Все пятеро болтали без умолку, перебивая и подхватывая слова друг друга, впервые после возвращения из Мэна дом стал для Франчески прежним — счастливым и уютным. Они сроднились с ним, стали одной семьей и привнесли в дом особое очарование.

Ужин прошел за круглым столом в кухне. Стараясь не вспоминать про отсутствующую Эйлин, Франческа вдруг заметила перемену в отношениях Шарля-Эдуара и Марии. Заговаривать об этом она не стала, но, убирая со стола тарелки, шепнула Марии:

— Мне мерещится, или между вами с Шарлем-Эдуаром что-то происходит?

Перемена не бросалась в глаза, но не заметить ее было невозможно. Крис тоже уловил ее, но ничего не стал спрашивать из деликатности.

Мария лукаво усмехнулась и тоже перешла

на шепот:

— Этим летом жена ушла от него. И подала на развод. Она выходит замуж за его старшего помощника.

Франческа в изумлении уставилась на нее.

— Боже мой! Правда?

И она осеклась, заметив, что в волнении опять заговорила в полный голос.

— Вы поженитесь?

— Пока не знаю. Хочу посмотреть, сумеет ли он оставаться верным мне больше пяти минут подряд. Но мы и так счастливы, нам хорошо вместе. С недавних пор. Он примчался в Вермонт всего несколько недель назад, так что я и сама толком не привыкла к тому, что все изменилось. — Она смутилась, похорошела и словно помолодела на глазах. Шарль-Эдуар посмотрел на женщин, шепчущихся у кухонной раковины, и по многозначительным взглядам и смешкам понял, о чем речь. Он улыбнулся Марии.

Когда все вновь сели, а Мария подала на стол курицу, Шарль-Эдуар посмотрел на Франческу и дружески улыбнулся:

— Мария тебе сказала?..

Она кивнула и просияла. Крис недоуменно наблюдал за ними.

— Я так рада за вас обоих! — призналась Франческа, не выдержала, вскочила и расцеловала француза в обе щеки, на европейский манер. — Чудесные новости!

— Что я пропустил? — озадаченно спросил Крис. — У вас что-то произошло летом?

Других предположений у него не нашлось.

— Мы влюблены. Моя жена разводится со мной, — объяснил счастливый француз, расплываясь в улыбке.

— Вот это да! — Крис заулыбался в ответ. — Рад за вас! — Он и вправду был рад, хотя ему бы не хотелось самому оказаться в подобной ситуации. После развода с Кимберли он поклялся больше никогда не влюбляться и уверял себя, что от этого его жизнь не станет беднее. Ему достаточно мирного и нормального существования рядом с сыном. — Просто замечательно! Когда же это случилось?

— Пока мы были в Вермонте, — объяснила Мария. Шарль-Эдуар поднялся, чтобы налить всем шампанского. Они выпили за счастливую пару, а потом Франческа обвела взглядом присутствующих и предложила еще один тост. Но едва она заговорила, у нее перехватило горло.

— За Эйлин. Надеюсь, ей лучше там, где она те-

перь, — тихо выговорила она, и все торжественно подняли бокалы и отпили по глотку.

— А зачем она уехала в Калифорнию? — жалобно протянул Йен. — Я скучаю по ней. Она хорошая.

— Да, хорошая, — подтвердила Франческа. — Иногда наши близкие уезжают, — просто объяснила она. Йен кивнул и принялся резать мясо, а разговор с Марии и Шарля-Эдуара перешел на воспоминания о минувшем лете и планах на осень. Йен начинал учиться в третьем классе, для галереи уже был составлен плотный график выставок, в число которых попали две персональные, а в декабре Франческа отправлялась в Майами, на выставку «Арт Базель». Шарля и Марию ждала работа над книгой. Впервые за много недель жизнь в доме на Чарлз-стрит входила в привычное русло. Эйлин никто не забыл и никогда не смог бы забыть, однако жизнь продолжалась.

Глава 15

По настоянию Марии на следующей неделе Франческа пригласила на ужин свою мать, только что вернувшуюся из Европы. Им все равно требовалось повидаться, и ужин в обществе Марии и Шарля-Эдуара оказался подходящим поводом.

Талия с удовольствием приняла приглашение. По ее словам, лето она провела роскошно. Она отправила Франческе несколько писем по электронной почте, пару раз звонила ей, но на большее ее не хватило. Находясь в отъезде, она редко поддерживала связь с близкими. В кругу друзей о родных она попросту забывала, хотя обратного с ней не случалось никогда. В Венеции она пробыла дольше, чем планировала, но ничуть не жалела. Ужин, приготовленный Марией и Шарлем-Эдуаром, привел ее в восторг. Талия по-прежнему заигрывала с французом при каждом удобном случае, разве что делала это не так демонстративно и настойчиво. На ужин вопреки обыкновению она явилась не в мини и на шпильках, а в черном свитере и слаксах. Ужин был в разгаре, когда Талия вдруг заметила отсутствие

Эйлин. Франческа еще не успела сообщить матери о смерти девушки. Талия спросила, где Эйлин, и ответом ей стала длинная тягостная пауза.

— Она уехала домой в Калифорнию, — простодушно объявил Йен. — В Сан-Диего, — добавил он.

Больше никто ничего не сказал, разговор продолжался. Талия не заметила, какими взглядами обменялись Франческа и Мария.

— Итак, каковы дальнейшие планы? — спросила Талия за десертом — нежным грушевым пирогом, который испек Шарль-Эдуар. — Как насчет новых поездок? На Рождество я еду в Гштад, — объявила она. Друзья из Венеции предложили ей пожить вместе с ними в собственном шале. Гштад сохранял славу одного из самых престижных горнолыжных курортов Европы, Талия проводила там некоторое время каждую зиму, иногда приезжала дважды.

Глобальных планов пока никто не строил. Прошедший отпуск уже казался всем далеким, словно от него их отделяли световые годы. Шарль-Эдуар и Мария решили в ближайшее время закончить свою поваренную книгу, у Франчески была уйма хлопот в галерее, Крис добивался постоянной опеки над Йеном, но при Талии упоминать об

этом не стал: такие планы она вряд ли сочла бы приятными.

От глаз Талии не укрылась новая теплота и близость в отношениях между Марией и Шарлем-Эдуаром. Перед уходом Талия спросила у Марии, не почудилось ли ей, и Мария подтвердила, что теперь ее с Шарлем-Эдуаром связывают более тесные узы.

— Он разводится? Или ваша крепость пала? — с интересом спросила Талия. В Венеции коллекция ее знакомых пополнилась несколькими видными мужчинами — увы, женатыми. А делить мужчин с другими она не любила.

— Этим летом жена ушла от него и подала на развод. Так что мне повезло, — просто ответила Мария. Она чувствовала себя немного виноватой: ей, а не Талии, достался мужчина, к которому ее так тянуло.

— Да, повезло, — обиженно протянула Талия. — Ничего не понимаю! Вам же не нужен был мужчина, а мне — еще как! Но он достался вам, а не мне. Нет в мире справедливости!

Мария не стала объяснять, что Талия, возможно, перестаралась, тогда как сама она даже не предпринимала попыток кого-нибудь найти. Скорее наоборот.

— Судьба, — дипломатично отозвалась Мария, которая и вправду верила в судьбу. — Всему свое время. Дойдет очередь и до вас, — заверила она.

— Надеюсь, — вздохнула Талия, надевая белый жакет, купленный в Париже. Как всегда, она была безукоризненно ухожена и красиво одета, ее наряд дополняли изысканные серьги с жемчугом и бриллиантами и аккуратно, волосок к волоску, уложенная стрижка. Ее красота не только ошеломляла, но и могла внушить робость любому мужчине.

— А я этим летом так и не встретила никого мало-мальски достойного. Сен-Тропез в наши дни переполнен европейской беднотой и русскими — сплошь зеленой молодежью. А все остальные европейцы женаты и изменяют женам.

— Вы обязательно найдете свою половинку, — пообещала Мария.

Франческа проводила мать на улицу и посадила в такси. Даже когда Талия не считала нужным язвить и критиковать, ее отъезды Франческа всегда воспринимала с облегчением. Поладить с Талией было трудно, пребывание рядом с ней неизменно вызывало стресс. Но Талия мило общалась с Марией и Шарлем-Эдуаром и была безупречно вежлива с Крисом, поэтому Франчес-

ка мирилась с ее визитами. Ужинать с матерью в компании друзей было приятнее, чем наедине: в последнем случае разговор за ужином напоминал допрос испанской инквизиции. Поднимаясь к себе, Франческа вдруг поняла, что сильно устала. Вечер выдался длинным.

На ближайшие выходные она съездила в Коннектикут к отцу и Эйвери. Отец писал новую картину и целыми днями пропадал в мастерской, поэтому Франческе хватило времени, чтобы нагуляться с Эйвери и отдохнуть.

— Как вам живется без Эйлин? — мягко спросила Эйвери и услышала в ответ тяжелый вздох. Франческа все еще грустила.

— Нам ее недостает. Она привносила в нашу компанию молодость и легкость, хоть и с оттенком легкомыслия. Казалась скорее школьницей, чем взрослым работающим человеком. Маме я еще ничего не говорила и не хочу говорить. Незачем ей про это знать. Она только раскритикует меня, а мне и без того тошно. Эйлин была наглядным примером тому, как не следует рисковать, знакомясь и встречаясь с людьми. Она была готова ходить на свидания ко всему, что шевелится, и считала, что ей ничто не угрожает, хотя все вокруг понимали, что она сильно рискует. В людях

она совсем не разбиралась.

— Ну а ты? Как проходят твои свидания? — Эйвери беспокоилась за нее. Тодд переехал восемь месяцев назад, а Франческа даже не попыталась свести знакомство с кем-нибудь другим. Ее словно перестала интересовать личная жизнь.

— Мне не с кем встречаться. И я даже не знаю, захочу ли когда-нибудь вообще ходить на свидания. Я еще ни разу не встречала человека, которого заинтересовала бы моя работа. Знакомые художники либо инфантильны, либо напыщенны, или же влюблены в самих себя. Их не переделать, а клиенты, которым я нравлюсь, всегда оказываются ничтожествами. Все лучшие уже давно женаты.

— Ты еще слишком молода, чтобы сдаваться, — решительно возразила Эйвери.

— Не знаю. Может, уже нет. Да, мне хотелось бы видеть рядом близкого человека, но я не желаю снова ошибиться так, как с Тоддом, и обнаружить свою ошибку лишь через пять лет. Сначала тратишь четыре года своей жизни, потом выясняется, что твой избранник тебе не подходит, потом еще год ты горюешь, пока наконец не расстаешься с ним и не остаешься одна с разбитым сердцем. А пяти лет как не бывало. Вот поэтому

меня и не тянет начать все заново.

— Я слышала, Тодд помолвлен, — осторожно заметила Эйвери.

— Да, так и есть. Отчаянный человек. Уж не знаю почему, но ему приспичило поскорее жениться и завести детей. Понятия не имею, по себе он выбрал женщину или нет. С другой стороны, ему нужна только племенная кобыла. И пожалуй, эскорт, с которым не стыдно появиться на рождественском корпоративе. А я не гожусь ни для того, ни для другого.

— Слишком уж ты строга к вам обоим, — мягко отозвалась Эйвери. Ей нравился Тодд, просто Франческе он совсем не подходил. Эйвери заметила это с самого начала и удивлялась только одному: что Франческа нашла в этом человеке?

— А может, и не слишком, — возразила Франческа. — Я правда уже не знаю, чего хочу. Оригиналы, консерваторы, женатые, неженатые, совместное проживание, раздельное… Господи, как все это сложно, да еще в моем возрасте чуть ли не каждый второй ущербен. У всех в прошлом неудачные романы, прямо как у меня. — Она вдруг задумалась о Крисе. Он с готовностью признавался, что у него «романофобия», и она понимала, что он имеет в виду. — А может, мне

просто слишком удобно жить одной. — Поначалу без Тодда ей было тоскливо и одиноко, а теперь эти ощущения улетучились. Ей нравилось заниматься своим делом, ни перед кем не отчитываясь. — Жильцы составляют мне компанию. Йен заменяет мне всех детей сразу, художники сводят меня с ума — это все равно что жить бок о бок с вечными подростками. Ну и зачем мне сдался мужчина?

— Когда ты в последний раз занималась сексом? — напрямик спросила Эйвери. — Не думаю, что ты готова завязать с ним прямо сейчас, в свои тридцать пять. Секс — удовольствие не из тех, которыми бросаются.

— А-а, ты об этом… — Франческа слабо усмехнулась. — Я про него и не вспоминала. У меня просто отключилась эта функция. — Прошло больше года с тех пор, как они с Тоддом перестали спать вместе и заниматься сексом. Это случилось еще до того, как он ушел. — И ноги брить не надо.

— Сплошные удобства, — пошутила Эйвери. Она беспокоилась за Франческу: та словно погасла или отключилась. Чтобы оправиться после разрыва с Тоддом, ей понадобилось больше времени, чем ожидалось, — видимо, Эйвери поначалу неверно оценила ситуацию и не поняла,

насколько сильно Франческа травмирована и разочарована. Но, с другой стороны, пять лет — это немало. Да еще эта нелегкая борьба за дом и галерею…

— В общем, я решила попробовать что-нибудь новое. Вот съезжу в этом году на «Арт Базель» в Майами и пошлю все к чертям. Участвовать в выставке я не стану. А на следующее лето отправлюсь куда угодно, только не в Мэн. Нет, я прекрасно отдохнула там, но мне буквально все напоминало о Тодде. Люди, к которым я ездила, — его друзья, не мои. Может, махну на следующий год в Европу. Но только не с мамой, — добавила она, и Эйвери рассмеялась. Обе были согласны с тем, что любые поездки в обществе Талии — дорогое удовольствие, а для Франчески такой вояж мог стать кошмаром. — Пожалуй, составлю компанию Марии, если она к тому времени не выйдет замуж, — задумчиво добавила Франческа. Ей нравилось беседовать с мачехой: Эйвери помогала ей разобраться в жизни и была неизменно добра. Она стала для Франчески замечательной подругой.

— А Мария выходит замуж? — удивилась Эйвери.

— Может выйти. Пока она еще не решила. Они

с Шарлем-Эдуаром любят друг друга, он сейчас разводится.

— Интересно… Они прекрасно смотрятся вдвоем. Знаешь поговорку: «Каждому горшку — своя крышка». Ты просто еще не нашла свою.

Беда была в том, что Франческа и не пыталась искать, а счастье, в свою очередь, не собиралось падать прямо ей в руки через дымоход, в мешке старика с белой бородой, в красном бархатном костюме. Эйвери хорошо помнила всех мужчин, с которыми встречалась раньше, все неудачные отношения, разочарования, разрывы, отношения, которые казались удачными, но лишь поначалу. Она не стремилась замуж ради того, чтобы просто считаться замужней, ей хотелось найти мужчину, с которым хорошо быть рядом. На меньшее она не соглашалась. Поиски затянулись, ей уже минуло пятьдесят, когда она встретила Генри Тейера и сразу поняла: это он, ее избранник. Счастливая встреча Франчески пока не состоялась, и Эйвери искренне надеялась, что долго ждать ей не придется. А пока пусть просто радуется жизни. Эйвери никак не могла решить, стоило Франческе пускать в дом жильцов или нет. Похоже, они притупили ее тягу к новым знакомствам, слишком уж легко она довольство-

валась обществом этих людей и не стремилась к близким отношениям.

В этот момент из амбара, переделанного в мастерскую художника, вышел отец Франчески, улыбнулся обеим женщинам и обнял их за плечи.

— Как дела у моего любимого партнера по бизнесу? — спросил он, целуя дочь. — Мы еще не разбогатели?

— Может, в следующем году, — усмехнулась Франческа. Впрочем, галерея начинала приносить прибыль. Больше, чем год назад. Мало-помалу бизнес развивался, хотя и не был крупным. Но Франческа надеялась на лучшее, понимая, что на плаву она удержалась.

Перед отъездом из Коннектикута Франческа пообещала отцу и Эйвери пригласить их на знаменитый ужин с Шарлем-Эдуаром и Марией, и ее отец пришел в восторг. Он высоко ценил обоих поваров, хотя виделся с Марией лишь дважды, а с Шарлем-Эдуаром, которого считал настоящим мастером в своем деле, — только один раз. Ему особенно запомнились кубинские сигары француза, хотя Эйвери и огорчала его тяга к курению.

По дороге домой Франческа задумалась и поняла, что Эйвери опять помогла ей взглянуть

на ситуацию под другим углом. Из головы у нее не шли слова о встречах и поиске «подходящей крышки». Только вот она сама точно не знала, какого размера и формы ее «горшок», не говоря уже о том, какая «крышка» к нему подойдет. Ей казалось, что за последний год без Тодда она сильно изменилась, почувствовала себя более решительной и уверенной. Она справилась и без него, добилась даже большего, чем вместе с ним, и это многое говорило о ней и ее взаимоотношениях. Теперь она была не просто чьей-то половинкой, а цельной личностью. Соседские отношения пошли ей на пользу, она научилась подстраиваться к людям. Перед ней, единственным ребенком в семье, раньше подобная задача никогда не стояла. Франческа уважала Марию и Криса, хотя все они были совершенно разными. Благодаря Йену в ее жизни стало больше веселья, прежде Франческа никогда не общалась с детьми так часто. Первый опыт получился удачным. Оказалось, иметь детей не так уж страшно, если они такие же милые, как Йен, хотя поручиться за это невозможно. Йен был скорее исключением, чем правилом.

Войдя в дом, Франческа услышала шум из кухни и поспешила выяснить, что там. Для ужина

было поздновато, шум не походил на веселый гул голосов — что-то гудело, звякало и лязгало. Застыв в дверях кухни, Франческа увидела, что ее пол залит водой по щиколотку. Шарль-Эдуар в панаме и шортах бродил по кухне босиком, помахивая сигарой, раздавая указания и задавая бесконечные вопросы. Мария в резиновых сапогах, с озабоченным выражением лица пыталась сделать хоть что-нибудь. Она уже перетащила в сад кухонный стол и стулья, на них громоздилась посуда. А Крис в мокрых плавках и футболке ползал под кухонной раковиной, пытаясь определить, какая из труб лопнула и залила кухню.

— Ах, черт! — выпалила Франческа, закатала до колен джинсы, разулась и поспешила на выручку Крису. — Я могу чем-нибудь помочь? Извини, что тебе приходится этим заниматься…

Он оглянулся через плечо, усмехнулся, и Франческе стало стыдно, что в момент аварии ее не оказалось рядом и главный удар принял на себя Крис. Именно за это Тодд ненавидел их дом, потому и пытался продать его год назад. Дом и вправду был очень стар, с трубами в нем могло случиться что угодно. Шарль-Эдуар наполнил бокал вином и вручил Франческе, и она сразу почувствовала себя, как на вечеринке в разгар

потопа. Француза и Йена случившееся забавляло. Остальным было не до смеха.

— Я уже перекрыл воду, — объяснил Крис. — Трубу прорвало, пока никого не было дома. Видимо, из нее хлестало весь день. Завтра придется вызвать кого-нибудь, чтобы откачали воду, а потом еще обращаться к слесарю. Кажется, все дело в трубе, которая у меня над головой.

В это время Йен спрыгнул с лестницы прямо в воду, подняв фонтаны брызг.

— Круто! — завопил он, но Крис велел ему немедленно прекратить и отправляться наверх. Йен состроил недовольную рожицу и побрел по воде к Шарлю-Эдуару. Устранить последствия потопа было пока невозможно, но Крис предпринял еще несколько попыток найти место утечки и наконец сдался. Франческа помогала ему, светила фонариком под раковину и тоже вымокла. Ее джинсы стали мокрыми до пояса.

— Вы ужинали? — виновато спросила Франческа, и Шарль-Эдуар отрицательно ответил за всех. Она предложила сходить всем вместе в ближайшую пиццерию или заказать китайскую еду и перекусить в гостиной, а потом вдруг сообразила, что сегодня Шарль-Эдуар и Мария не смогут переночевать в своей комнате, где ковер вымок

насквозь. Франческа предложила им собственную спальню, сказав, что поспит в гостиной, на новом диване. Поначалу Мария отказывалась, потом поняла, что выбора у них нет. Франческа уверяла, что ей будет неплохо и на диване.

Остановив выбор на пицце, они отправились ужинать. Все весело болтали, хотя после потопа выглядели не блестяще. Шарль-Эдуар остался в шортах, Мария — в сапогах, а Крис и Франческа ограничились тем, что надели сухие джинсы. Йен заявил, что лучше он останется дома и будет плескаться в лужах на полу кухни, но Крис не разрешил ему. Ужин прошел весело, домой все вернулись в приподнятом настроении, которое не испортил даже плачевный вид кухни. Вода постепенно утекала в сад через двери, которые они оставили приоткрытыми, но на полу все равно оставалось немало, вдобавок она просачивалась в комнату Марии. В такие минуты у Франчески всегда мелькала мысль, не лучше ли ей было бы продать дом. Если бы Крис не перекрыл воду, она могла подмыть стену. Так Франческа и сказала ему на обратном пути.

— Франческа, надо просто найти хорошего слесаря. Дом прекрасный, только старый. Но это еще не значит, что от него надо избавиться.

— Да, он красивый, я его люблю. Но мне одной его не потянуть, и дело не только в финансах. — Потеря дохода от одного жильца стала для нее серьезным ударом. Франческа уже поняла: владеть домом, особенно таким старым, — серьезное испытание и тяжкий труд. — Если я его продам, я буду по нему скучать, — призналась она. — Надеюсь, ремонт обойдется не слишком дорого. — Всякий раз, едва ей удавалось скопить небольшую сумму, ее съедала очередная авария. Как в игре пакман.

Возле дверей ее гостиной они расстались, вскоре Мария и Шарль-Эдуар перебрались в ее спальню. Перед ужином Франческа успела сменить на своей кровати белье. Йен забрался в свою постель и смотрел телевизор. Крис намеренно купил для своей комнаты двухэтажную кровать, зная, что Йену понравится спать на верхнем этаже. Вид у кровати не блистал романтичностью, но им обоим было удобно, а в комнате осталось гораздо больше места, чем если бы они поставили посередине двуспальную кровать — впрочем, Крис их все равно недолюбливал. Ему было не с кем делить такое ложе. Им с Йеном хватало и узких коек, поставленных одна над другой.

Перед сном Крис заглянул к Франческе, присел

рядом на диван и вздохнул. Ему было досадно, что он не сумел найти и устранить протечку в кухне, из-за которой она превратилась в бассейн. Оба засмеялись, вдруг вспомнив, как командовал спасательной операцией Шарль-Эдуар в шляпе и шортах и как Йен прыгнул в лужу со ступенек, подняв брызги.

— Если бы не вы, этот дом стал бы унылым и мрачным, — благодарно глядя на Криса, сказала Франческа.

— А тебе еще не надоели посторонние, которые вторглись в твое личное пространство? Порой я думаю об этом, и мне кажется, что нам с Йеном пора поискать отдельную квартиру. Но мы будем скучать по тебе. Поначалу для меня выбор такого жилья был чем-то вроде эксперимента. Но оказалось, что и мне оно по вкусу, и Йену здесь нравится. В доме, где жили бы только мы с ним, ему было бы одиноко.

— Кому было бы совсем одиноко, так это мне. Не будь вас, кто бы тогда вносил в мою жизнь толику веселого сумасшествия?

Для нее поиск жильцов тоже поначалу был экспериментом и финансовой необходимостью, а потом оказалось, что жизнь маленькой «коммуной» ей нравится.

— Вот и я о том же, — усмехнулся он, повернувшись к ней. — Франческа, ты много значишь для меня. Надеюсь, ты это понимаешь. Ты замечательный друг.

— Ты тоже, — робко отозвалась она. — Если бы не ты, не знаю, как я пережила бы трагедию с Эйлин…

Он кивнул:

— А для Йена ты настоящий подарок судьбы… и для меня. — Вдруг он наклонился и поцеловал ее. Франческа уставилась на него широко раскрытыми глазами.

— Что это? — Она выглядела так, словно получила оплеуху.

— Я только что поцеловал тебя, — с довольным видом объяснил он. Поцеловать ее Крису хотелось с тех пор, как после смерти Эйлин они провели ночь вместе, но время казалось неподходящим. Даже теперь он сомневался, но все-таки отважился. И теперь улыбался ей.

— Да нет, я хотела спросить — почему? — поправилась она. — Почему ты меня поцеловал?

— А ты сердишься? — встревожился он, но она покачала головой:

— Не сержусь, просто растерялась. Я думала, ты зарекся вступать в близкие отношения.

— Так и есть. Но я же мог передумать. Франческа, это был всего лишь поцелуй, а не предложение руки и сердца. Расслабься.

— Пожалуй, и у меня «романофобия», — она вспомнила недавний разговор с Эйвери.

— Нет, ты просто сильно обожглась. Это другое дело. Я тоже обжегся. Но это не навсегда, это лечится. Надо лишь потерпеть. Скорее всего последний год прошел для тебя как в тумане, а сама ты чувствовала себя так, словно замерзла после разрыва с Тоддом.

— Да, так все и было. Мне казалось, будто что-то во мне умерло и уже никогда не пробудится к жизни.

— Не умерло, просто уснуло, — заверил Крис.

— Откуда ты знаешь? — заинтригованно спросила она.

— Сейчас я тебе докажу, — пообещал он и снова поцеловал ее. На этот раз после поцелуя Франческа рассмеялась. Поцелуй был прекрасен. Он привел ее в восторг. Может, Крис прав и она действительно просто на время замерзла? — Теперь понимаешь, о чем я? Ты начинаешь пробуждаться! — И он поцеловал ее в третий раз, и она ответила ему, растаяв в его объятиях, и вдруг, пока оба переводили дух, встревожилась. Послед-

ний поцелуй был определенно страстным. Оба постепенно возбуждались, и это стало для нее полной неожиданностью.

— Крис, что мы делаем? — в панике воскликнула она. — Ты мне нравишься. Но я не хочу ранить тебя и страдать сама.

— А может, нам стоит просто воспользоваться этим шансом? Без муки нет науки. Банально, но, к сожалению, факт. Ради тебя я готов рискнуть.

Франческе не сразу удалось осознать смысл его слов. Самый отъявленный романофоб всех времен отважился выбраться из своей пещеры. И она тоже. Но от ужаса у нее сердце ушло в пятки.

— А как же Йен? Вдруг он обидится? — забеспокоилась Франческа.

— Он любит тебя. Думаю, он останется доволен, — подумав, ответил Крис.

— Я тоже его люблю, — кивнула Франческа. — Как раз сегодня я думала о нем по дороге домой. Он чудесный мальчуган. — Она перевела взгляд на Криса и медленно улыбнулась. — Как и ты.

— И ты ничем не хуже. Так, может, узнаем, куда ведет эта дорога? Как насчет ужина на этой неделе?

— Ты приглашаешь меня на свидание? — встрепенулась Франческа.

— Ну… в общем, да. Ужин и так далее… ну, ты понимаешь. Может, поцелуй на сон грядущий. Вторник тебя устроит?

— Со свиданиями у меня не складывается, — занервничав, призналась она. — Я решила на них больше не ходить.

— Вот и я тоже. Но не прочь попробовать еще раз — с тобой!

Они были знакомы почти девять месяцев, все в ней нравилось Крису. За это время он узнал ее, увидел в разных ситуациях и понял, что увиденное ему нравится. К тому же Франческа прекрасно относилась к его сыну. О большем он не мог и мечтать. Такое начало он считал вполне разумным: их отношения строились на фундаменте дружбы, а не страсти или слепой надежды. Они хорошо знали друг друга.

— Ладно, — пробормотала она, думая, что окончательно спятила. Ничего подобного она не ожидала. Правда, между ними пока ничего и не было, но возникла возможность, проблеск которой заметила Франческа и решила воспользоваться шансом. — А если ничего не выйдет? Тогда ты возненавидишь меня, разозлишься и уедешь, и я больше никогда не увижу ни тебя, ни Йена. Крис, это было бы ужасно!

— Верно, — согласился он. — Так давай не допустим этого. У нас все получится!

Она кивнула, он снова поцеловал ее, потом отстранился и встал. Франческа проводила его до дверей гостиной, Крис улыбался, поднимаясь по лестнице к себе в комнату. Йен спал перед включенным телевизором, а Криса вдруг охватило неистовое желание издать ликующий боевой клич. Он поцеловал ее! Она чудо. Этой женщине он полностью доверял. Что может быть лучше и надежнее отношений двух насмерть запуганных романофобов? Особенно если эти отношения начались с дружбы?

Глава 16

В понедельник утром пришел слесарь, заделал трубу, воду из кухни откачали. Жизнь в доме вернулась в привычную колею. Ремонт обошелся Франческе в две тысячи долларов, потеря которых оставила дыру в ее бюджете, но делать было нечего.

Во вторник Мария и Шарль-Эдуар вызвались присмотреть за Йеном, а Крис повел Франческу ужинать. Франческе пришлось посвятить Марию в их планы, иначе ужин вдвоем вне дома выглядел бы подозрительно.

— Так это свидание? — изумилась Мария. В отношениях этих двоих она не улавливала ни намека на роман, хотя любила обоих и считала, что они составили бы неплохую пару. Но ей и в голову не приходило, что они как огня боятся новых отношений, и, узнав об этом, она посочувствовала им.

— Да, вроде того, — нехотя согласилась смущенная Франческа. Ей было неловко в этом признаваться. Еще недавно она вообще сомневалась в том, что хоть кто-то захочет пригласить ее

на свидание — ведь она ни с кем не встречалась толком почти год. — По крайней мере так сказал Крис. Только никому не рассказывай, ладно?

— А кому мне рассказывать? Корреспонденту раздела сплетен в «Нью-Йорк пост»? — Мария рассмеялась. Франческа совсем сконфузилась.

— Ну, я не знаю — Йену, моей маме, Шарлю-Эдуару… Не хочу, чтобы кто-то делал из мухи слона. Это всего лишь ужин. — Но ужин в ресторане, с Крисом, который назвал этот вечер «свиданием». И несколько раз поцеловал ее.

— И что в этом такого? — напрямик спросила Мария.

— Ничего… не знаю. Может, что-то и есть… или будет. Или не должно быть. Наверное, нам обоим просто слишком боязно.

— А если вы боитесь напрасно? Если все получится?

— Тогда еще страшнее. — Судя по виду, Франческа была на грани паники.

— Вот и у меня так было с Шарлем-Эдуаром. В любом возрасте вступать в отношения страшновато. И чем ты старше, чем больше сформирована личность и лучше сложилась твоя жизнь, тем труднее складывать детали этой головоломки.

— И как? У вас получается? — спросила Фран-

ческа. Она давно заметила, что и Мария, и Шарль-Эдуар выглядят блаженно счастливыми.

— Да, и это потрясающе. С Шарлем у меня все по-другому, он не такой, как мой покойный муж, он самый удивительный мужчина из всех моих знакомых. Я везучая женщина: за всю жизнь мне встретился не один, а два замечательных мужчины. Пожалуй, такой награды я не заслужила, но мне нравится, — смущенно закончила она.

— Нет, заслужила, — решительно возразила Франческа. — Только не говори об этом моей маме. Нет, постой-ка! К этому шведскому столу она подходила уже пять раз, а ты всего один. Ты имеешь полное право на второй подход. — Франческа искренне радовалась за старшую подругу.

— Знаешь, что я тебе посоветую? Просто посмотри, как будут развиваться ваши отношения с Крисом. Ни на что не рассчитывай, не строй никаких планов, не жди от него ничего, не пытайся казаться другой. Будь собой. И наслаждайся. — Совет попал в самую точку. — А об Йене не беспокойтесь. Я охотно останусь с ним в любое время. Шарль-Эдуар его обожает. Снова соберетесь с Крисом на свидание — ведите Йена к нам. Мы испечем вместе печенье или еще что-нибудь придумаем. Ну, развлекайтесь! — заключила

Мария, и Франческа убежала наверх одеваться.

Впервые за много месяцев она устроилась в ванной и начала брить ноги. Она пока не знала, что наденет, может, и не юбку, но этот жест казался ей символическим.

— Добро пожаловать в большой мир, — обратилась она к самой себе и звонко рассмеялась.

— Что ты им сказала? — спросил Крис, когда они торопливо сбежали с крыльца, заперев за собой входную дверь. Франческа была в черной кожаной юбке, красном свитере и на высоких шпильках. Ей казалось, что она немного похожа на собственную мать — одета не по случаю, слишком нарядно. Пожалуй, со сборами на свидание она перестаралась. Ей не сразу удалось припомнить, как полагается выглядеть на настоящем свидании, а когда она открыла шкаф, выяснилось, что ей нечего надеть. Еще недавно, собираясь на встречу с очередным случайным знакомым, она надевала то, что первое попадалось ей под руку. Но рядом с человеком, который был ей небезразличен, она хотела выглядеть элегантно и сексуально. Сумела ли она правильно выбрать наряд, она не представляла. Правда, Крис восхищенно улыбнулся, когда она зашла к нему сообщить, что уже готова к выходу. Йен,

переодетый в пижаму и свежеумытый, объявил, что вид у нее — «прямо чума».

— Правда? — испугалась Франческа.

— Это же здорово, — перевел ей Крис. — То же самое, что «клево» и «классно», только на молодежном языке.

— А, спасибо, Йен… ты тоже… чума, — запнувшись, отозвалась Франческа, и они вдвоем с Крисом заспешили вниз по лестнице. Йен знал, что сейчас за ним придут Мария и Шарль-Эдуар, и они все вместе будут печь печенье.

— Так что ты сказала Марии и Шарлю-Эдуару? — повторил Крис. Франческа помолчала.

— Объяснила, что их стряпня тебе уже не лезет в рот и что ты решил в кои-то веки поужинать по-человечески.

Поскольку два знаменитых на весь мир шефповара ежедневно готовили им еду, оправдать поход в ресторан им было бы нечем. Разве что сказать правду.

— Смешно. — Крис понял, что на самом деле она дала другое объяснение.

— Я сказала Марии, что ты пригласил меня на ужин.

— А что она? — Его интересовало, как отреагируют окружающие на их решение встречаться.

Йен уже заявил, что это круто — пусть встречаются. И смеялся над отцом, пока тот одевался.

— Она решила, что это отличная мысль. Как и я. — Сегодняшнее свидание нравилось Франческе все больше и больше, хотя за последние два дня она успела известись, воображая себе все мыслимые катастрофы, способные обрушиться на них. И все-таки не отклонила приглашение.

— Мне самому нравится, — кивнул Крис, с довольным видом направляясь к «Да Сильвано». Этот ресторан они выбрали по взаимному согласию. Появляться в шикарных заведениях Крису не хотелось, а Франческа опасалась, что там будет чувствовать себя неловко. Им требовалась просто уютная обстановка, чтобы хорошо провести вечер. Франческа считала, что ее вечер уже начался. Оказалось, это приятно — снова почувствовать себя девчонкой, прибежавшей на свидание в короткой юбке, к мужчине, который тебе нравится. Вот здорово!

Их усадили за удобный столик в зале — на террасе было слишком прохладно. Осень уже наступила, зима была не за горами. Собираясь на свидание, Крис выбрал джинсы, белую рубашку, коричневый вельветовый пиджак, отполированные до блеска мокасины и выглядел элегантным

и ухоженным. Перед выходом он побрился, и это понравилось Франческе: пятидневная щетина производила на нее отталкивающее впечатление. Этой моды она не признавала. С Крисом они составили красивую пару.

Они заказали пасту и салат, Крис выбрал бутылку превосходного вина из долины Нала. Еще до того как принесли пасту, они разговорились и дружно смеялись, вспоминая, как глупо чувствовали себя, наряжаясь для «выхода в свет», как искали протечку недавно ночью, как остроумно шутил Шарль-Эдуар. Позднее, вспоминая этот разговор, Франческа так и не поняла, что в нем было особенного, но оба веселились от души. Прекрасный вечер! Хорошо ненадолго сбежать из дома, от работы, друзей, даже от Йена и просто побыть вдвоем. Замечательно.

За десертом и кофе они засиделись так, что покинули ресторан последними, потом медленно побрели домой и вернулись, когда все уже спали. Йен мирно посапывал на верхней кровати, заботливо укрытый одеялом.

— Я отлично провел время, — сказал Крис, целуя Франческу на пороге ее комнаты. Он проводил ее до двери, как на настоящем свидании.

— Я тоже, — прошептала она, и он снова поце-

ловал ее.

— Не понимаю, почему мы до этого не додумались месяцев шесть или девять назад, — пожал плечами Крис, глядя на нее и улыбаясь. — Обидно потерять такую кучу времени.

— Мы его не потеряли, просто не были готовы.

А теперь они хорошо знали друг друга. Так гораздо лучше.

Крис кивнул и не упустил случая снова поцеловать ее. Они стояли обнявшись, ему не хотелось уходить. Наконец Франческа высвободилась и ушла к себе, а Крис сбежал по лестнице к своей двери. Широко улыбаясь, Франческа прошлась по спальне и вдруг рассмеялась. Первое свидание оказалось превосходным.

Франческа и Крис старались вести себя так, будто ничего не произошло, но вскоре поняли, что их старания напрасны. Мария улыбалась каждый раз, когда видела их вместе, Шарль-Эдуар поощрительно похлопывал Криса по спине, а увидев его наутро после свидания во вторник вечером, расплылся в довольной улыбке.

За завтраком выяснилось, что держаться как ни в чем не бывало невероятно трудно. Крис то и дело улыбался, Франческа смущенно вспыхивала, пробуждая в нем жажду поцелуев, утолить

которую он не мог. Йену решили пока ничего не говорить. Но мальчик был неглуп, понаблюдал за взрослыми и начал улыбаться, увидев их вдвоем.

В пятницу вечером Крис вновь повел Франческу на свидание, на этот раз в мексиканский ресторан и в кино, а в субботу утром Йен перевел взгляд с отца на Франческу и хихикнул, прикрывая рот ладошкой. На завтрак мальчику достались его любимые оладьи и бекон. Мария приготовила и то и другое, зная, что эти блюда никогда не надоедают Йену: он готов был поглощать их каждое утро. На выходные Мария и Шарль-Эдуар укатили в Вермонт. Их роман складывался успешно, оба выглядели счастливыми. Как и Франческа с Крисом. Счастье оказалось заразительным.

— А ты ее уже целовал? — спросил Йен у отца, когда Франческа ушла в свою комнату за книгой, которую читала летом и обещала дать почитать Крису, уверенная, что ему понравится.

— Что ты такое говоришь? — Крис попытался прикинуться, будто не понимает сына, но Йен не поддался.

— Когда ведешь девушку ужинать, надо поцеловать ее. Это все знают. А ты водил ее на ужин

уже два раза. И если не поцеловал ни разу, она теперь думает, что ты гей.

— Где ты этого нахватался? — ужаснулся Крис.

— Один пятиклассник рассказал. Он говорит, гей — это хлюпик, которому не нравятся девчонки.

— Знаешь, лучше никого так не называй, а то ходить тебе битым, — предостерег отец.

— Ладно. Так поцеловал или нет?

— Тебя не касается, — увернулся Крис.

— Еще чего! Она мой друг. Если бы я сводил ее поужинать, я бы ее поцеловал.

— Буду знать. — Крис улыбнулся. Вернулась Франческа и протянула ему книгу. Она сказала, что ей понравилось и ему наверняка будет интересно. Книга оказалась мастерски написанным триллером молодого, но уже известного писателя.

— О чем вы тут без меня говорили? — словно невзначай спросила Франческа, наливая себе кофе и усаживаясь за стол.

— Я спрашивал, поцеловал он тебя или еще нет, а он не говорит, — объяснил Йен, дожевывая остатки оладий и глядя в глаза Франческе. — Так поцеловал?

Она чуть не поперхнулась, не зная, что отве-

тить.

— А если бы поцеловал, ты бы расстроился? — осторожно спросила Франческа, но мальчик только рассмеялся.

— Конечно, нет! Ты мне нравишься. И папе тоже, я точно знаю. Он только трусит и не говорит, и ничего не делает. А я ему сказал: если он не целует тебя, значит, он гей.

Франческа вытаращила глаза: такого она не ожидала.

— Нет, вряд ли он гей, — возразила она и отхлебнула кофе, беспомощно поглядывая на Криса в надежде на подсказку. Что ответить ребенку, она не представляла. Крис незаметно кивнул, и Франческа посмотрела Йену в глаза. — Да, он меня поцеловал.

— Значит, он не гей. — Йен шлепнул ладошкой по подставленной руке отца, а Франческа почувствовала себя так, словно забрела в школьную раздевалку и подслушала разговор двух старшеклассников. Оба гордились тем, что один из них поцеловал ее. Такого с Франческой еще не случалось.

— И я так думаю. Так ты не против? — спросила она Йена. Хорошо, что Шарля-Эдуара и Марии сегодня нет дома. Такие разговоры лучше вести в

узком семейном кругу.

— Нет, не против, — подтвердил Йен. — Мне нравится. Ты же наш друг.

— Да, друг, но я не хочу тебя расстраивать. Вы оба много значите для меня, я боюсь испортить нашу дружбу.

— Как моя мама? — уточнил Йен. Разговор принимал опасный оборот.

— Йен, я ничего не знаю о твоей маме. Все, что связано с ней, касается только тебя и твоего папы. А я просто не хочу вас расстроить или чем-нибудь разочаровать.

— Не получится, — уверенно заявил мальчик. Похоже, он твердо верил в нее. — Что будем делать сегодня? — перевел он разговор, потеряв интерес к прежней теме, как только выяснилось, что его отец и вправду целовался.

Наговорившись, Йен спрыгнул со стула и помчался наверх смотреть телевизор. После обеда ему хотелось сходить в Центральный парк.

— Кажется, обошлось, — вздохнула Франческа с облегчением, когда они с Крисом остались в кухне вдвоем. — А я так боялась, что он обидится.

Крис улыбался ей.

— Ну, это вряд ли! — Он наклонился и поцеловал ее, потом придвинулся со стулом поближе,

обнял и поцеловал еще раз. И как раз в этот момент Йену понадобилось вернуться. Они даже не видели его, пока не прервали поцелуй, чтобы глотнуть воздуха. Мальчуган смеялся.

— Здорово, пап! — воскликнул он и снова убежал, прихватив коробку печенья, чтобы пожевать перед телевизором.

— Непривычные ощущения, — призналась Франческа и пожала плечами. — Я не ожидала, что у нас будут зрители.

Однако одобрение мальчика ее порадовало. Значит, хранить от него тайну не понадобится.

— Нынешние школьники вовсю обсуждают секс, — объяснил Крис, которому тоже было немного не по себе.

Они убрали все на кухне, а после обеда отправились в Центральный парк: обошли вокруг пруда с лодками, побродили по зоопарку, покупали мороженое, попинали футбольный мяч и поиграли в догонялки. Всем троим казалось, что они семья, все были счастливы, вернулись домой только к вечеру, зайдя по дороге за новыми дисками. Крис пригласил Франческу к ним с Йеном, она посмотрела вместе с ними телевизор, сидя на диване рядом с Крисом, а Йен растянулся на полу. Франческа не помнила, когда в последний раз

чувствовала себя такой счастливой. И главное, Йен принял ее.

Глава 17

Утром того дня, на который был назначен суд по делу о постоянной опеке, Крис поднялся в шесть. Мария пообещала ему отвести Йена в школу. Мальчик чувствовал, что близится какое-то важное событие, но не понимал какое. Ему было известно, что в суде будут говорить про маму и что папа надевает костюм, когда идет в суд. Крис старался избавить сына от подробностей, тем более что не ожидал от сегодняшнего заседания радикальных перемен. Какое бы решение ни принял судья, Йен по-прежнему будет с ним. Волновать сына лишний раз Крис не хотел. Ким еще в тюрьме, у нее зависимость от наркотиков, на свободу она выйдет не скоро. Единственное, что могло измениться, — в случае победы Криса Йен больше никогда не будет жить со своей матерью. Они еще увидятся, но Крису не придется с тревогой ждать звонков из полиции и сообщений об очередной передозировке, разрезанных запястьях, о том, как Йен спасал мать, держа ее за руки, пока не приехала «скорая». Не придется после ареста Ким забирать Йена из полиции,

из комнаты, специально отведенной для детей. Крис не хотел даже думать о том, что Йену когда-нибудь вновь придется пройти через этот кошмар. И твердо решил добиваться свиданий Йена с Ким исключительно под надзором, даже в отдаленном будущем.

Франческа предложила пойти в суд вместе с ним, но Крис сказал, что выдержать такое не каждому под силу.

— Что, прости? — переспросила она, дождавшись, когда Йен уйдет в школу. — По-твоему, я неженка? Я знаю, что такое наркомания. Мне известно, через что прошел Йен. Я помню, как она чуть не умерла от передозировки, а ты со всех ног помчался за Йеном. И знаю, что ее обвиняют в убийстве и могут надолго посадить в тюрьму. Почему же мне нельзя с тобой?

— А если я проиграю? — встревоженно спросил Крис.

— Тогда мое присутствие тем более будет кстати. Если ты проиграешь, — решительно продолжала она, — мы попробуем еще раз. Но ты не можешь проиграть, Крис. Она конченый человек.

— Зато у ее отца есть связи.

— Как и у твоих родителей. Господи, ты ведь

состоишь в родстве с двумя президентами! И не с Бенджамином Франклином и Томасом Джефферсоном… я имею в виду недавних президентов. Перевес на твоей стороне.

— Мои родные не любят ввязываться в публичные скандалы. Они обожают Йена, но считают, что я напрасно женился на Ким. Правда, в то время она еще не сидела на героине, но с ней и без того хватало неприятностей. Я думал, что сумею собрать Шалтая-Болтая и превратить его в принцессу. Но из разбитого яйца получилась лишь яичница, иначе и быть не могло. Родители считают, что она опозорила всех нас, им удобнее игнорировать случившееся, несмотря на страдания Йена. Они все отрицают, ничего не желают знать. А отец Кимберли готов на ложь, мошенничество, воровство и убийство, лишь бы она не пострадала от последствий собственных поступков. Вот почему она так и не смогла вылечиться. Ей это ни к чему. Она знает, что отец в любом случае будет стоять за нее горой. Ей ни за что и никогда не приходилось платить самой. За нее расплачиваются другие, в том числе и наш сын.

— Так мне можно с тобой? — спросила Франческа, Крис согласно кивнул, и она поцеловала его. Пока их отношения складывались успешно.

Правда, этим отношениям было всего несколько недель от роду, но время летело незаметно. Несколько раз они вдвоем ходили ужинать, но вместе не спали, считая, что спешить ни к чему. Оба помнили об осторожности, особенно Крис, которому еще предстоял суд. Он знал, что вздохнет свободнее, когда суд останется позади и будет успешно выигран. Франческа была права: проиграв, он был твердо намерен повторить попытку.

До здания суда на Лафайетт-стрит они доехали на такси, успев ровно к десяти. Снаружи уже ждал адвокат Криса. Ким на суде не присутствовала, так как находилась в тюрьме, ее представляла адвокат — настырная и резкая женщина, которую Крис ненавидел уже несколько лет. Эту особу интересовало лишь одно: защита клиентки. До Йена ей не было дела.

Адвокат Криса, серьезный и собранный, был в костюме с темным галстуком и в очках с металлической оправой. Крис представил его, адвокат пожал Франческе руку, сумев с первых же минут расположить ее к себе. А защитница бывшей жены Криса не понравилась Франческе с первого взгляда: лицо у адвокатши было злым, она метала в Криса мрачные взгляды.

В зал они вошли одновременно и заняли свои

места. Франческа села за спиной Криса, коснувшись его плеча. Через минуту вошел судья, пристав призвал всех к порядку. Со стороны Криса в зале присутствовали только его адвокат и Франческа. От имени матери Йена выступала ее адвокат, но в зале сидел и отец Ким, которого Крис незаметно показал спутнице. Все знали, что он здесь, и помнили, кто он такой. Не заметить его было трудно. Каждый год он появлялся на обложках «Тайм» и «Ньюсуик», о нем часто упоминали в газетах, судья наверняка узнал его. Всем своим видом он внушал робость, смысл его прихода был ясен и без слов. Дочь могла рассчитывать на его полную поддержку, а это немало.

Обе стороны изложили суть дела. Оказалось, Ким со всей ответственностью относится к материнским обязанностям и любит сына. Не просто любит — для нее он свет в окошке. Сама Ким — не человек, а золото, сразу после выхода из тюрьмы она ляжет в реабилитационную клинику, потому что хочет поскорее выздороветь и воссоединиться с сыном. Злобная адвокатша с воодушевлением, какого Франческа никогда не видывала, уверяла судью, что ради своего сына Ким готова свернуть горы и что она, ее адвокат, лично может поклясться, что ее подзащитная больше нико-

гда не подвергнет ребенка опасности, потому и настаивает на продолжении совместной опеки как на единственно возможном решении. Восьмилетнего мальчугана ни в коем случае нельзя лишать общения с матерью, когда она окажется на свободе, а если Крис добьется безраздельной опеки, Йен будет считать, что мать бросила его. Адвокатша заявила, что в отличие от совместной опеки заботы одного только отца вряд ли служат интересам ребенка. Чтобы склонить судью на свою сторону, красноречивая юристка испробовала все средства, кроме разве что органной музыки и хора. Судья с непроницаемым лицом ловил каждое слово, Франческа заметила, что он несколько раз взглянул в сторону отца Ким. Это заметил и Крис: события развивались так, как он и предвидел. Влиятельный отец Ким сумел нажать на нужные кнопки одним своим появлением и пристальным взглядом. Значит, семья Кимберли проигрывать не намерена. Крис понял это и теперь больше всего опасался, что судья под давлением решит сохранить в силе совместную опеку. Франческа разделяла его страх. Она ни на минуту не верила, что все эти люди желают Йену только добра. Крис тоже не верил.

Франческа так волновалась за адвоката Криса,

что пропустила мимо ушей его первые слова. Этот человек выглядел скорее профессионально, чем бесстрастно, был сух, сдержан, особенно по сравнению с темпераментной адвокатшей Ким, любительницей театральных эффектов, рассчитанных на то, чтобы выбить из слушателей слезу. По просьбе Криса адвокат нанял частного детектива, и теперь представил суду собранную информацию, о которой прежде никто не слышал. В начале своей речи адвокат Криса объяснил, что Крис вовсе не намерен отбирать Йена у матери и прятать его, и что он будет только рад посещениям под судебным надзором, если мать Йена согласится на них. И вправду, незачем разлучать ребенка с матерью. Единственное желание отца — обеспечить Йену безопасность и создать для него комфортные условия. Но ввиду предыстории Ким, ввиду того, что ситуацию она оценивает с трудом, Крис считает, что все решения, касающиеся Йена, должен принимать он сам. Потому и добивается исключительного права опеки. Речь идет о решениях, касающихся школы, посещений врачей, регулярных осмотров дантиста — всех вопросов, начиная с религиозного воспитания и заканчивая выбором брекетов. Слушая, Франческа находила позицию Криса

разумной. Всеми вопросами воспитания Йена все равно занимался Крис. Исключительное право опеки для него означало лишь то, что Ким потеряет право голоса. При этом она по-прежнему будет видеться с сыном, даже регулярно, если ее состояние не внушит надзору опасений, но не сможет решать, в какую школу будет ходить Йен, не станет больше подвергать его риску, особенно если все свидания с ним будут проходить под надзором.

Совершенно бесстрастно адвокат продолжал объяснять, что Крис вовсе не стремится лишить бывшую жену права посещений — при условии, что все дальнейшие встречи Ким с ребенком будут проходить под надзором назначенного судом лица. Его цель — добиться исключительной опеки над сыном. И адвокат перешел к чтению отчета частного детектива. Это был список вопиющих поступков, эпизодов, действий, ошибок, оплошностей, опасных событий, шокирующих примеров безответственности и даже преступной халатности, подобного которому Франческа еще никогда не слышала. От Криса она кое-что знала, но теперь поняла, что ее сведения — капля в море по сравнению с остальным.

Кимберли Харли подвергала сына опасности

сотни раз, во всевозможных ситуациях. А Крис годами пытался хоть как-нибудь защитить Йена. Суд всегда принимал во внимание то, что Ким — мать, но теперь собранные вместе доказательства ее пренебрежения своими материнскими обязанностями ошеломляли. Все перечисленное адвокатом Криса суд слышал впервые, кое-чего не знал даже сам Крис. По словам свидетелей, которые подписались под своими показаниями, Ким нередко оставляла Йена в обществе других наркоманов, бросала его в придорожных кафе и в ресторанах, откуда мальчика привозили домой чужие люди, забывала, что он с ней, и оставляла на обочинах, просто забывала о его существовании, особенно когда он был еще мал. Однажды она забыла, что положила совсем маленького Йена на крышу своей машины, и уже трогалась с места, когда подоспевший Крис успел подхватить ребенка. По милости матери Йен побывал в подпольных наркопритонах, какое-то время лежал рядом с мертвецом, его не кормили по нескольку дней, не раз у него на глазах пытались совершить самоубийство, на него направляли заряженное оружие с намерением убить сначала его. В тот раз Йена спас еще один наркоман, вовремя выхвативший у Ким оружие. Адвокат сообщил суду,

сколько раз Йену приходилось звонить в службу 911, спасая мать от передозировки. Список продолжался, ему не было конца. Бесстрастный тон адвоката уже не имел значения, как и то, что он не пользовался эмоциональными кнопками, на которые так усердно нажимала его коллега. Так было даже лучше. Его бесстрастность оказалась гораздо эффективнее. В его речи были лишь голые, но непреклонные факты — целые страницы фактов, полицейские протоколы, подписанные свидетелями показания. Франческа бросила взгляд на отца Ким: казалось, он с трудом удерживается, чтобы не придушить адвоката Криса за то, что тот сообщил суду всю правду о его драгоценной дочери. Отрицать эти ошеломляющие свидетельства было невозможно. Слушая их и зная Йена, Франческа думала, что тюремное заключение — еще слишком щадящий приговор для Ким. Как Йен выжил, неизвестно, но теперь Франческу ничуть не удивляла романофобия Криса. Разве он мог кому-нибудь довериться после супружеской жизни с женщиной, постоянно подвергавшей опасности жизнь их единственного сына, даже когда он был еще совсем крохой? Франческа слушала, и у нее на глаза наворачивались слезы. Ужасный список наконец закончился,

адвокат Криса подошел к столу судьи и вручил ему копию, а затем молча сел, переглянувшись с Крисом. Судья вызвал обоих адвокатов в камеру. Франческа шепотом спросила у Криса, известно ли судье, что в настоящее время Ким предъявлено обвинение в убийстве, и Крис кивнул. Он сидел как каменный, стараясь не вспоминать произошедшие при нем случаи, когда жизнь Йена оказывалась под угрозой по вине Ким. Эта женщина представляла опасность для общества, Крис давно считал, что ее место в тюрьме.

Оба адвоката поднялись с мест и ушли вслед за судьей, Франческа снова наклонилась к Крису.

— Что дальше?

— Он может либо вынести вердикт сегодня, либо сказать, что вынесет его после изучения представленных нами материалов. Большинство судей сообщают сторонам свое решение в письменном виде, чтобы их не растерзали прямо в зале суда. На заседаниях по вопросам опеки часто бурлят страсти.

После всего услышанного Франческа в этом не сомневалась.

— Вот это был список! — печально заметила она, и Крис кивнул. Частный сыщик прекрасно поработал. Бедный Йен. Мать самой Франчески

всю жизнь вызывала у нее острое чувство стыда, но опасности никогда ее не подвергала. А мать Йена рисковала его жизнью с тех пор, как ему исполнилось три месяца, а она снова подсела на наркотики, и с тех пор периоды ее воздержания становились все короче. Сердце Франчески изнывало от сочувствия к Йену и Крису, который отчаянно пытался защитить сына.

Адвокаты покинули камеру судьи через десять минут. Лицо адвоката Криса не выражало никаких чувств. Защитница Ким сразу прошла в глубину зала, к ее отцу, они посовещались, сблизив головы, и он устремил выразительный взгляд на судью. Вид у отца Ким был недовольный: видимо, эффектное выступление адвокатши ничего не дало. Это было зрелище, работа на публику, а не правосудие и не справедливость для Йена.

Адвокат Криса торопливо вывел Франческу и Криса из зала. Только у подножия лестницы, ведущей к дверям зала суда, он остановился и повернулся к ним. Адвокат спешил, опасаясь нашествия прессы.

— Ну, что там было? — обеспокоенно спросил Крис. Адвокат вдруг улыбнулся и коснулся его плеча.

— Крис, Йен теперь под твоей исключительной

опекой. Судья сказал, что больше не желает слышать ни единого слова оправдания со стороны матери. Сказал, что, пока он судья, опекать Йена будешь ты, а если мать еще хоть раз подвергнет его опасности, он упечет ее за решетку. Сказал, что понятия не имеет, как ей так долго удавалось пользоваться правом совместной опеки. — Услышав это, Крис не удержался, по щекам покатились слезы, а Франческа всхлипнула. — А теперь скорее уходите отсюда, пока вас кто-нибудь не узнал и не позвал газетчиков. На этот раз они будут охотиться не за отцом Ким.

Просияв, Крис наспех поблагодарил его, подозвал такси и поспешно сел в него вместе с Франческой. В машине Франческа разрыдалась и обняла Криса. Он одержал победу и теперь с триумфом возвращался домой, где их ждали Шарль-Эдуар и Мария. По ликующему лицу Криса и заплаканным глазам Франчески оба сразу поняли, как решилось дело.

— Слава Богу! — горячо шептала Мария, выбегая навстречу вместе с Шарлем-Эдуаром и обнимая их. Всем казалось, что с души упал камень. Крис еще раз попросил ничего не говорить Йену, когда он вернется, и убежал наверх — переодеваться в свитер и джинсы. Им овладело

радостное волнение. Йен теперь будет только с ним. Наконец-то! Теперь Ким больше никогда не причинит ему никакого вреда. Весь ужас остался позади. Йен спасен. Ни о чем другом Крис и не мечтал. Сколько раз ребенок был на волосок от гибели! Вдобавок судья постановил, что встречи Йена с матерью должны проходить под надзором. Победа, полная победа!

Франческа пыталась объяснить Марии, что произошло, правда, сумела припомнить лишь несколько пунктов из длинного списка, но и этим привела слушательницу в ужас. Мария поняла, что суд стал триумфальным для Криса, а главное — для Йена. Больше мать никогда не станет его мучительницей.

Всю важность этой победы Крис осознал спустя неделю, читая газету. Франческа заметила, как он вдруг стиснул зубы и выдвинул подбородок, и забеспокоилась. Дождавшись, когда он дочитает, она спросила, в чем дело, и в ответ Крис молча протянул ей газету. На этот раз адвокаты, нанятые отцом Ким, все-таки выиграли дело — но дело Ким, а не ее сына.

Каким-то образом, наверное, щедро заплатив мнимым свидетелям, они сумели доказать, что наркоман, передозировка у которого случилась

одновременно с Ким и в ее присутствии, был наркоторговцем, поэтому именно он подвергал ее опасности, а не наоборот. Поскольку покойный нарушал закон, торгуя наркотиками, вина Ким представала в совсем ином свете. Адвокаты ссылались на психиатрические проблемы Ким, на ее слабое здоровье, на все, что смогли придумать, лишь бы снять с нее обвинения в тяжком преступлении, убийстве человека, чтобы в итоге ее признали виновной в не столь значительном правонарушении. Районный прокурор согласился пойти на сделку о признании вины. Судья смягчился и приговорил подсудимую всего к шести месяцам тюрьмы, с учетом времени пребывания в ней до суда и возможностью досрочного освобождения за хорошее поведение. Так что от заключения Ким практически удалось отвертеться: через несколько недель ее должны были освободить, к Дню благодарения она могла рассчитывать вернуться домой. В статье говорилось, что для поправки здоровья она намерена отправиться в знаменитую загородную клинику. Покинуть эту клинику она могла в любой момент, и, зная бывшую жену, Крис не сомневался, что вскоре она потребует встречи с Йеном. Но по крайней мере теперь их встречи будут проходить

под надзором. Крис пришел в ярость, увидев, как ловко Ким увернулась и от серьезных обвинений, и от тюрьмы. Долго ждать не придется: вскоре она вновь пожелает видеть Йена и опять начнет портить ему жизнь.

— А я надеялся, что на этот раз даже у него ничего не выйдет, — зло процедил Крис, имея в виду отца Ким. — Ее место в тюрьме. Она опасна не только для самой себя, но и для всех, кто ее окружает.

— Но по крайней мере теперь Йен под защитой, — напомнила Франческа. — Ты его единственный опекун, а ей разрешены только посещения под надзором.

— Просто я надеялся отделаться от нее хоть на несколько лет, — мрачно признался Крис. Франческа вновь порадовалась тому, что он выиграл дело об исключительном праве на опеку. Отрицать представленные им доказательства вины Ким было невозможно.

Крис сунул газету в мусор, чтобы ее случайно не увидел Йен, и ушел наверх работать, не добавив ни слова. Его ненависть к бывшей жене уже давно не была тайной для обитателей дома. Франческа сочувствовала и ему, и Йену, с ужасом думая о том, что через несколько недель Ким сно-

ва окажется на свободе и вернется в жизнь сына.

Глава 18

После слушания дела об опеке прошло несколько недель, роман Криса и Франчески был в самом разгаре. Крис старался успокоиться и смириться с тем, что в тюрьму Ким так и не попадет, скоро вернется и захочет видеть Йена. Франческа напоминала ему, что тут ничего не поделаешь, вдобавок Ким приходится Йену матерью. Крис уже одержал большую победу. Ему поручена исключительная опека, а все посещения Ким должны проходить под надзором. Отныне Йен в безопасности. Чтобы отвлечься, Крис уделял все больше времени Франческе. Вечера они проводили у нее в гостиной и спальне, но Йен спал чутко, и они отваживались только целоваться, опасаясь, что в любой момент мальчик может проснуться и прибежать наверх в поисках отца.

Каждая воскресная прогулка превращалась для них в приключение: они побывали в зоопарке в Бронксе, съездили на пароме на Статен-Айленд, сходили в корабельный музей у дальней оконечности Манхэттена. Франческа свозила Криса и Йена в Коннектикут, в гости к своему отцу и

Эйвери, и Крис с Генри сразу нашли общий язык. На Хэллоуин все трое нарядились в костюмы и обошли район, требуя у соседей сладости, а потом смотрели праздничное шествие в Виллидж. Уже много лет Франческа так не развлекалась. На следующее утро, пока Йен валялся в постели с пластмассовой тыквой, полной конфет, Крис зашел наверх к Франческе.

— Даю два «милки-вэя» за один «сникерс», — объявил он, входя в комнату.

— Не пойдет. Дама с Джейн-стрит дала мне «сникерсы» с темным шоколадом. Цена такому батончику — не меньше шести «милки-вэй» и пакет «эм-энд-эмс» в придачу. Кстати, пакетов у тебя два — я видела, как ты прятал их в карман, когда мы шли к последнему дому.

— Ах ты, хитрюга! — Крис притворно нахмурился и поцеловал ее. К Франческе его тянуло постоянно. Начинали сказываться годы почти монашеского одиночества. — Кстати, у меня к тебе предложение, — зашептал он, просовывая ладонь под ее свитер, так что у Франчески перехватило дыхание. — Давай съездим куда-нибудь на выходные вдвоем…

Рядом с Йеном они не осмеливались дать волю страсти, но были уже близки к ней. Очень

близки.

— Когда?

— Прямо сейчас! — отозвался он, и Франческа рассмеялась. Эти выходные Йен проводил с ними, потому что Мария и Шарль-Эдуар на несколько дней укатили в Вермонт, работать над книгой. — Ну хорошо, может, в следующие выходные? Если Мария согласится побыть с Йеном… — В голосе Криса звучали надежда и отчаяние.

— Я спрошу ее, когда они вернутся.

— Но если она откажется, предупреждаю: еще немного, и я свихнусь и сорву с тебя одежду в первом попавшемся публичном месте.

— Не расстраивайся, мы что-нибудь придумаем, — пообещала она и одарила его легким дразнящим поцелуем. Обоим не терпелось устроить себе настоящий «взрослый» отдых, уехать туда, где им не придется помнить о приличиях, вести себя сдержанно, опасаться, как бы чего-нибудь не заметил Йен. Им настоятельно требовалось время, которое они могли бы посвятить только себе. Почти два месяца они вели себя более чем прилично. У обоих заканчивалось терпение.

В воскресенье вечером, когда Мария вернулась из Вермонта, Франческа спросила ее насчет следующих выходных, и Мария, как всегда, с

удовольствием согласилась помочь. Йена она обожала, к роману его отца и Франчески относилась с полным одобрением.

— Куда едете? — полюбопытствовала она. В доме были уже две счастливые пары. Шарль-Эдуар ничем не обманул ожидания Марии и уверял, что теперь он совсем другой. Ему никто не нужен, кроме нее. Франческа однажды рассказала ей, каким раньше был ее отец и как он изменился, женившись на Эйвери. И добавила, что главное — найти свою половинку.

— Пока не знаем, не успели придумать. Я хотела сначала узнать, согласишься ты побыть у нас нянькой или нет.

Внезапно Марию осенило.

— Почему бы вам не съездить ко мне в Вермонт? Там тихо, спокойно и удивительно красиво в это время года, хоть и прохладно. И уж конечно, лучше, чем в отеле.

Эта идея понравилась и Франческе, и Крису. Сразу же водился план: они уедут днем в пятницу, а вернутся вечером в воскресенье. Правда, сидеть за рулем придется долго, но ради такой поездки можно и потерпеть. Всю неделю они думали только о предстоящих выходных, а Мария деловито строила планы вместе с Йеном: они собирались

в кино, на стадион и в музей. Йен ликовал, Крис и Франческа с трудом сдерживали нетерпение. Франческа попросила одного из знакомых художников поработать вместо нее в галерее. С делами было покончено.

Вечером в пятницу они отъехали от дома на Чарлз-стрит, чувствуя себя персонажами из фильма в сцене побега. Был час пик, но их это не волновало: главное, выезд состоялся! Йен проводил их так, словно они уходили на пару часов: чмокнул каждого в щеку и даже не спросил, куда они собрались. Мальчик был слишком занят обещанными Марией развлечениями. Крис пообещал звонить ему.

На выезде из города на обоих вдруг напал смех, а отсмеявшись, они поздравили друг друга с благополучно совершенным побегом.

— Я всю неделю думала: обязательно случится что-нибудь такое, что расстроит все наши планы. Например, Йен подхватит ветрянку, — с облегчением призналась Франческа. Крис сидел за рулем.

— И я боялся, — признался Крис. — Думал, что заболеет кто-нибудь из нас. Или у Марии обнаружатся дела, или Ким удерет из тюрьмы и устроит скандал. Ты только представь: у нас целых два

дня впереди! — победно воскликнул он. — Самому не верится!

— Мне тоже! — Франческа лучилась счастьем.

Даже поездка получилась умиротворяющей и приятной. Они остановились поужинать в придорожной гостинице, затем двинулись дальше, в Вермонт. К дому Марии они подъехали незадолго до полуночи. Дом был небольшой, но живописный, с плодовым садом, в окружении высоких деревьев и цветника. Франческа и Крис огляделись с радостным трепетом. Мария и Шарль-Эдуар в последнее время пристрастились работать в саду, француз полюбил его. Их жизнь в Вермонте была полной противоположностью нью-йоркской. Принадлежавшую ему ферму в Нормандии Шарль отдал жене и теперь хотел купить Марии другую, когда следующим летом они отправятся во Францию. Сельскую жизнь он предпочитал курортной. Ее дом в Вермонте вызывал восхищение француза.

Крис отпер дверь, отключил сигнализацию, и глазам обоих предстал уютный уголок — в самый раз для медового месяца. Франческа с восторгом принялась разглядывать обстановку и безделушки Марии. Комната была элегантной, со стенами, обшитыми деревом, и камином. Навер-

ху, в комнате для гостей, ждала широкая кровать под пологом. Они только поставили чемоданы, Франческа даже не успела снять пальто, как Крис обнял ее и, целуя, уложил в постель. Не прошло и нескольких минут, как оба задыхались от страсти и нетерпения. Они так долго ждали этого, так хотели друг друга несколько последних недель! До сих пор они сдерживались ради Йена, а теперь все запреты были забыты. Одежда полетела на пол, оба опомниться не успели, как очутились под одеялом, неистово лаская друг друга. Возбуждение захватило их разом, оба понимали, что не смогут больше ждать ни минуты. Франческа открылась Крису, и он погрузился в нее, сгорая от желания. Это был самый страстный, стремительный, необузданный секс на их памяти. Они напоминали двух голодных, которые, настрадавшись на пустынном острове, вдруг набрели на источник пищи. Вершины наслаждения они достигли одновременно, потом долго не могли отдышаться… и вдруг оба рассмеялись.

— По-моему, для таких развлечений я уже слишком стар, — заявил Крис, пытаясь перевести дыхание. Франческа лежала на нем, чувствуя, как по лицу стекают капли влаги. Она блаженно улыбалась, не открывая глаз.

— Кажется, я умерла и попала в рай, — пробормотала Франческа, задыхаясь, как он. Ради этого стоило ждать. Она перекатилась на бок, они повернулись друг к другу. — Как думаешь, у Шарля-Эдуара и Марии все точно так же? — спросила она, приподнявшись на локте, восхищенно разглядывая Криса и проводя пальцем по его груди. Крис засмеялся.

— Надеюсь, нет! Им это не по возрасту. — Он поцеловал Франческу, она прижалась к нему. Он наконец-то насытился, но был готов вновь воспламениться от малейшей ласки. Ему предстояло наверстывать упущенное за долгие годы — впрочем, как и ей. Этому занятию они предавались всю ночь. И следующим утром. Выбираться из постели им не хотелось. Оба желали одного: лежать, слившись в объятиях.

Наконец Франческа спустилась, чтобы сварить кофе, обнаружила в морозилке булочки и подогрела их в мироволновке. Затем оба вернулись в постель. Вокруг на несколько миль не было ни домов, ни людей, из окна открывался живописный вид. Нехотя поднявшись, днем они отправились гулять по саду, чтобы не расстраивать Марию известием, что так и не видели его, но после обеда опять улеглись.

Ближе к вечеру они позвонили Марии — поблагодарить ее за предоставленный дом и сообщить, как он им понравился.

— Я так рада! — отозвалась она. — Романтичный уголок, правда? — И она засмеялась совсем по-девичьи, вызвав у Франчески улыбку.

— Верно, — согласилась она.

— Я сама лишь недавно это поняла. Раньше мне казалось, что это просто уютный дом.

Франческа знала, что никогда не забудет проведенные здесь дни. По рекомендации Марии они съездили на ужин в местный ресторанчик и не обманулись в своих ожиданиях. Потом прогулялись по саду при лунном свете, вернулись к дому, долго сидели на веранде, обнявшись, и тихо целовались. Возвращаться в Нью-Йорк совсем не хотелось. Вот бы остаться здесь навсегда! Счастливая Мария — у нее есть такой дом. Франческа не отказалась бы провести здесь с Крисом не пару дней, а несколько недель подряд.

Улыбнувшись, она повернулась к нему. Они сидели на качелях в глубине веранды и тихонько покачивались.

— Знаешь, для двух романофобов мы делаем поразительные успехи. А ты как думаешь?

— Думаю, что ты превратила меня в сексуально-

го маньяка. Больше не могу ни о чем думать, — с усмешкой ответил он. — Признайся, ты что-то подмешала мне в еду?

— Ага, селитру. Видишь, едва сижу!

Они оба расхохотались. Медовый уик-энд удался, именно о такой поездке они и мечтали. Узы, связывающие их, стали крепче, в них появилось недостающее звено. Дружба росла много месяцев, роман развивался с минувшего лета, а теперь союз тел дополнил союз сердец. Круг любви замкнулся.

— Тебе когда-нибудь хотелось замуж, Франческа? — спросил он, обнимая ее.

— Раньше — никогда. Я боялась, что буду, как мама, выходить замуж и разводиться раз пятнадцать.

— Ну, не преувеличивай — всего-то пять, — шутливо напомнил он.

— По-моему, и этого многовато. Мой отец изменял всем подругам. Мама то и дело выходила замуж. А мне никогда не хотелось ни того ни другого, вдобавок о детях я даже думать боялась, — честно призналась она. — Я считала, что дети — для меня это уже чересчур. А вдруг воспитать их не получится? Вся жизнь пойдет прахом.

Слушая ее, Крис поражался иронии судьбы: из

Франчески получилась бы замечательная мать, но детей у нее не было, потому что она боялась ошибиться или кому-нибудь навредить. А Ким, ходячая катастрофа и стихийное бедствие в одном лице, не задумываясь родила Йена и даже хотела еще детей. Но Крис этого не допустил, как только понял, что она неисправима, хотя и не хотел, чтобы Йен рос единственным ребенком в семье.

— Йен — первый ребенок, который заставил меня пожалеть, что у меня нет своих детей. Но я до сих пор не уверена, что ради детей выходить замуж обязательно. К такой двойной угрозе я вряд ли когда-нибудь буду готова.

— Но если бы ты отважилась, твой поступок многое сказал бы о твоей ответственности и вере в того, кто рядом… — Крис произнес эти слова, задумался и вдруг пожал плечами: — Хотя кто я такой, чтобы давать советы? Только вспомни, какой катастрофой закончился мой брак.

Но если вдуматься, ему просто не повезло с выбором.

— Наверное, надо просто вступать в брак с тем, кто тебе подходит.

— Ошибиться досаднее, чем я, невозможно. Я, должно быть, ослеп, но она умела располагать к

себе, вдобавок мы оба были молоды. Теперь я бы поостерегся.

— А ты хотел бы когда-нибудь снова жениться?

Франческа в этом сомневалась, но ответ Криса ее ошеломил.

— Да, на тебе, — тихо произнес он, и она растерялась. Прошло немало времени, прежде чем она решилась ответить:

— Мне страшно… Не хочу испортить все, что у нас есть.

— Если мы не ошиблись в выборе, все будет еще лучше. Если ошиблись, ты пожалеешь, что родилась на свет. Но я ни за что не поверю, что нас ждет разочарование.

Франческа поцеловала его и приложила палец к его губам: слушать то, что он говорил, она пока была не готова. Но в ту же ночь, на большой кровати под пологом, он признался ей в любви. И она сказала, что любит его. Они заснули, крепко обнявшись.

На следующее утро они проснулись с восходом солнца и позавтракали на веранде. Было прохладно, но утренняя свежесть придавала кофе особый вкус. Закутавшись в махровые халаты и плед, они сидели на качелях в глубине веранды. Франческа думала о ночном разговоре и о браке,

но не упоминала об этом вслух. Крис думал о том же, но молчал, не желая волновать Франческу. Разговор так и не состоялся.

Днем они снова предались любви, после чего сменили белье на кровати с четырьмя столбиками и помыли посуду. Франческа оставила на кухонном столе записку: «Спасибо за самые чудесные выходные в моей жизни». Крис прочел ее, зачеркнул два последних слова и приписал «в нашей жизни». Франческа с улыбкой поцеловала его.

— И тебе спасибо, — сказала она. Крис перенес их вещи в машину.

Они включили сигнализацию и заперли дверь. Заходящее солнце словно провожало их. Франческа наклонилась к Крису, поцеловала его, вызвав улыбку.

— Я люблю тебя, Крис.

— Я тоже люблю тебя, Франческа! — Он протянул руку и коснулся ее щеки. Некоторое время ехали молча: слишком многое требовалось обдумать и запомнить. Казалось, все идет так, как и должно быть. Ни он, ни она еще никогда не испытывали подобного чувства.

Глава 19

Прошло несколько недель, а Франческа и Крис с наслаждением вспоминали чудесные выходные, проведенные в Вермонте. Мария радовалась, что в ее доме побывали такие гости, и предложила им бывать в Вермонте, когда они захотят.

Они решили помнить о приличиях до очередной поездки, но уже на следующий день осознали, что это невозможно. Дождавшись, когда Йен уснет, Крис ускользнул наверх, к Франческе. Заперев дверь, они предались любви с той же страстью, как и в Вермонте. Лишь через несколько часов Крис спустился к сыну.

Однажды ночью он признался, что каждое расставание рвет ему сердце. Они были ненавистны ему, он не мог без содрогания думать о том, что скоро придется выбираться из постели, брести вниз по лестнице и проводить ночь без Франчески. Но выбора у них не было.

— Нельзя же просто переселиться сюда и оставить Йена внизу, — возражала Франческа. — Он на нас обидится.

— Знаю. Просто когда ты здесь, а я внизу, я из-

вожусь от тоски. До тебя слишком далеко.

Эти слова растрогали Франческу, ей самой всякий раз в момент прощания становилось тоскливо.

Однажды утром они заспались, и Йен чуть не застал их вдвоем в кровати. Хорошо еще, Франческа успела позвонить Марии и попросить ее заманить мальчика на кухню. А через несколько минут туда же заглянул Крис со свежей газетой под мышкой и заявил, что ходил за ней. Йен так и не догадался, что его отец был наверху, в постели Франчески, но без помощи Марии влюбленные непременно попались бы.

Иногда после любви они вместе нежились в огромной ванне и болтали. И чаще всего потом вновь оказывались в постели. Для них наступили золотые дни. Оба понимали, что этот ноябрь не забудут никогда. Между тем весь дом с нетерпением ждал Дня благодарения.

Талия объявила Франческе, что проведет праздник у друзей в Сан-Франциско. Они хотели познакомить ее с неким владельцем огромной яхты. Отец Франчески и Эйвери уезжали в Сан-Вэлли, к давним друзьям на праздники. Семья Криса собиралась на Мартас-Виньярде, как всегда, но самому Крису в этом году хотелось остаться в Нью-Йорке.

Шарль-Эдуар и Мария предложили приготовить на всех традиционный ужин с индейкой, и Крис с Франческой возликовали и согласились. Франческе было некуда уезжать, Крису не хотелось покидать дом. Он мечтал встретить День благодарения вместе с самыми близкими — Йеном и Франческой. Дом на Чарлз-стрит стал их домом.

Ужин, приготовленный Шарлем-Эдуаром и Марией, превзошел самые смелые ожидания. Здесь были все мыслимые овощные гарниры, украшенные искусно и причудливо, индейка словно сошла с фотографии в журнале, причем повар ухитрился придать истинно американскому блюду несколько французских штрихов. Все остальное соответствовало традициям: клюквенный соус, пюре из каштанов и картофельное пюре, печенье, горошек, морковь, шпинат, спаржа с изумительным голландским соусом Марии. Этот День благодарения заслуживал славы лучшего в Америке. Из-за стола все вышли с трудом, тяжело отдуваясь. Шарль-Эдуар и Крис отправились в сад, с удовольствием дымить сигарами и потягивать «Шато д'Икем», свой излюбленный сотерн. Шарль-Эдуар сумел привить соседям по дому вкус к роскоши. Крис любил кубинские сигары, но в доме никогда не курил, да и в саду

курил лишь после хорошего ужина — такого, как сегодняшний.

Мария и Франческа навели порядок на кухне, Йен уснул в комнате Марии перед включенным телевизором. Крис посвящал Шарля-Эдуара в тонкости американского футбола, разговор увлек обоих. Все четверо уже не были незнакомыми людьми, как вначале: они превратились в две пары с ребенком, сплоченный маленький союз людей, любящих друг друга. Франческа без труда могла сосчитать благословения этого праздника. Если не вспоминать о трагедии с Эйлин, год выдался удачным.

Но к заявлению, которое Мария и Шарль-Эдуар сделали после матча, Франческа оказалась не готова. Мария нерешительно переглянулась с французом, тот кивнул.

— Мы уезжаем во Францию, — со слезами на глазах оповестила она присутствующих.

— На Рождество? — обрадованно уточнила Франческа, но Мария покачала головой.

— На шесть месяцев, а может, и на более долгий срок. На год. Шарль хочет заняться бизнесом, закрыть свой ресторан и попробовать кое-что новое. Ему необходимо утрясти детали имущественного соглашения с женой. А еще нам надо

какое-то время побыть в Провансе и наконец закончить книгу. Мы только что арендовали там дом. Надеюсь, вы приедете к нам в гости, — добавила она, сквозь слезы глядя на Франческу и Криса. Ей не хотелось уезжать, но теперь, когда у нее появился близкий человек, оставаться здесь без него она тоже не желала. Бывают судьбы и похуже года, прожитого во Франции, или даже переезда туда, который они тоже обсуждали.

Франческа ошеломленно и грустно притихла.

— Дом в Вермонте ты тоже продаешь?

Мария покачала головой:

— Не смогу. Так что пользуйтесь им, когда захотите. Шарль-Эдуар пообещал, что следующим летом мы проведем там целый месяц. А до этого вряд ли сможем туда наведаться.

Шарль-Эдуар не мог жить без Франции. Ради Марии последние четыре месяца он провел в Штатах, но теперь рвался на родину. Ему предстояла уйма дел, особенно с бизнесом, который требовалось или вести, или продать. За время его отсутствия дела разладились. Пора было возвращаться и принимать решения.

Франческа уже не представляла дом без Марии. Крис тоже, вдобавок он знал, что Йен страшно огорчится. Мария заменила ему родных бабушек,

была гораздо добрее и внимательнее к нему, чем они. Йен заменил Марии внуков, которых у нее никогда не будет, потому что и Шарль-Эдуар бездетен.

— Обязательно пообещайте приехать к нам вдвоем, когда захотите. Теперь мы одна семья, — сказала она, обнимая обоих. С ней согласились все: да, они стали семьей.

Все поднялись в гостиную Франчески, чтобы обсудить, как быть дальше. Крис отнес Йена в его кровать, мальчик спал так крепко, что даже не пошевелился, пока его несли по лестнице. Укрыв его, Крис спустился в гостиную и развел огонь в камине.

Франческа спросила Марию, надумали ли они пожениться, и та улыбнулась:

— Пока нет. Но Шарль-Эдуар ведет себя образцово! Я не верю глазам.

Она сказала правду: Шарль-Эдуар, француз до мозга костей, решительно отказался от давней привычки смотреть по сторонам. Ему была нужна только Мария. Она всецело доверяла ему, а он утверждал, что у нее есть для этого все основания. Своей бывшей жене ничего подобного он не говорил. Шарль-Эдуар был честным человеком, хоть и не всегда примерным мужем. Свои романы он

никогда не скрывал, не лгал о них Ариэль и не собирался обманывать Марию.

По словам Марии, вернуться во Францию они решили в последнюю неделю. Это решение нелегко далось ей, но оно имело смысл, казалось правильным обоим, а впереди их ждала совершенно новая жизнь.

— Когда уезжаете? — сдавленным голосом спросила Франческа.

— Через месяц. Шарль-Эдуар хочет к Рождеству быть в Париже. Скорее всего улетим двадцать третьего декабря.

Значит, их комната в доме на Чарлз-стрит освободится. Если Мария и Шарль будут жить в Париже, комната в Нью-Йорке им не понадобится. Правда, они могли бы занимать ее на время приездов в Нью-Йорк, но постоянно платить за аренду им ни к чему. Это предвещало очередные финансовые трудности для Франчески, но на этот раз ей и в голову не приходило продать дом. Они с Крисом и Йеном были здесь счастливы. Она должна найти другой способ рассчитаться с долгами. Однако о поиске новых жильцов и речи быть не может. Такие соседи, как Мария, им уже никогда не попадутся. Риск встретить еще одну Эйлин слишком велик, а раны еще свежи.

— Надеюсь, вы будете останавливаться у нас, приезжая в Нью-Йорк, — печально произнесла Франческа, и Мария обняла ее.

— Обязательно! А вы — у нас, когда будете в Париже. Йена можете привозить в любое время, — добавила она, обращаясь к Крису. — Мы будем счастливы, а ему надолго хватит впечатлений.

— А если вы поженитесь, вы когда-нибудь снова будете жить в Штатах? — спросила Франческа.

— Пока не знаем. Смотря что получится у Шарля-Эдуара с бизнесом.

Ему предстояло пересмотреть дела, но прежде отдать половину бизнеса бывшей жене, что касалось ему справедливым. Развод обошелся ему недешево, однако француз никогда на это не жаловался даже Марии.

Неожиданное известие сулило большие перемены, у него был горьковато-сладкий привкус. Все с грустью понимали, что если и не теряют друзей, то по крайней мере видеться с ними будут значительно реже. Шарля-Эдуара все давно воспринимали как члена семьи.

На следующее утро, выслушав новость, Йен расплакался, и у Франчески тоже навернулись слезы. Она чувствовала себя подавленной с тех

пор, как Мария вчера поделилась своими планами. Йен не хотел, чтобы они уезжали. Мария принялась объяснять, что он сможет приезжать к ним в Париж — увидит Эйфелеву башню и Триумфальную арку, прокатится на речных трамвайчиках по Сене…

— Но я же не говорю по-французски, — горестно возразил мальчик.

— В Париже многие говорят по-английски, — заверила Мария, — и мы с Шарлем-Эдуаром тебе поможем. Мы найдем, чем тебя развлечь, только привози с собой папу и Франческу, хорошо?

Йен нерешительно кивнул, не зная, стоит ли верить обещаниям. Франция — это так далеко! Марию и Шарля-Эдуара мальчик успел полюбить и знал, что они тоже любят его.

В воскресенье Крис застал Франческу в кабинете, погруженной в глубокую задумчивость над счетами. Ей вспоминались дни, когда она лихорадочно пыталась спасти дом и бизнес и опасалась, что ей не сохранить ни то ни другое. После отъезда Марии ей придется очень туго. Бесконечные подсчеты не предвещали ничего хорошего. Франческа так и не нашла нового жильца в комнату Эйлин и не собиралась ее сдавать. Верхний этаж с августа стоял закрытым, отпирать его хозяйка

дома не спешила: слишком много страшных воспоминаний было связано с ним. Из уважения к памяти Эйлин Франческа решила, что больше там жить никто не будет. Комнаты убрали, отремонтировали, вынесли из них все вещи и заперли на замок. Франческа не бывала там с тех пор, как погибла Эйлин. Следствие продолжалось, до суда над Брэдом было еще далеко. Время от времени с Франческой связывались полицейские. Она часто подумывала, не позвонить ли матери Эйлин, но всякий раз ее что-то удерживало. Ей казалось, что она никого не обрадует этим звонком. После долгих размышлений она все-таки решила поздравить их с Рождеством, а сразу после смерти Эйлин отправила письмо с соболезнованиями и теплыми словами о том, какой чудесной девушкой была Эйлин. Ей никто не ответил. Может, родные Эйлин просто не знали, что сказать и как.

Крис заметил, с каким озабоченным выражением лица Франческа перебирает счета.

— Плохие новости?

— Вроде того. Не знаю почему, но для галереи ноябрь выдался неприбыльным. Мы почти ничего не продали. Вот октябрь получился удачным, да и сентябрь неплохим. Всякий раз, когда я уже

думаю, что мы твердо стоим на ногах, почва вдруг уплывает из-под них. Мои сбережения уже заканчиваются, а надо еще расплатиться с мастером за ремонт после большой протечки… — Потерять сразу две тысячи долларов было особенно обидно. Правда, слесарь согласился принять сначала половину суммы, потом остаток, но сумма от этого меньше не стала. — Отъезд Марии наверняка станет для меня ударом не только потому, что я буду скучать по ней, — грустно продолжала она. Мария заменяла ей и мать, и подругу, прекрасно справляясь с обеими ролями. Франческа пристрастилась каждый день болтать с ней, ее примеру следовали и другие обитатели дома. — И все-таки сдавать комнату Эйлин я не хочу. Просто не могу. Там все равно никто не захочет поселиться. Убийство — слишком веская причина для отказа. И потом, больше я не хочу видеть в доме чужих людей. Это слишком рискованно.

Франческа наконец пришла к выводу, что мать с самого начала была права и что с первыми жильцами ей просто повезло. Но теперь сдача комнат в аренду казалась ей слишком рискованным делом, а мысль о присутствии в доме посторонних — невыносимой.

— Но ведь ко мне у тебя нет претензий, — шут-

ливо возразил Крис, и она улыбнулась. С ним она была счастлива.

— К тебе — нет! — Но теперь она потеряла две трети доходов от сдачи дома, ведь Мария и Эйлин в нем больше не жили. Для Франчески эта сумма была огромной, ее финансовая ситуация снова осложнилась. С другой стороны, не могла же Мария жить здесь вечно. Как и Крис.

— А как ты справлялась, когда здесь жил Тодд? — с интересом спросил Крис. Подобных разговоров они еще не вели.

— Мы выплачивали кредит пополам. Туго приходилось, конечно, но ничего. В одиночку за дом мне ни за что не расплатиться.

— А если мы будем платить пополам с тобой, жильцов больше не пускать и просто жить одной семьей, втроем?

— Это выход, — задумчиво отозвалась Франческа, — но несправедливый для тебя. Ведь вы с Йеном занимаете всего две комнаты.

Крис выслушал ее и рассмеялся.

— А я как раз подумывал переселиться наверх, к тебе, если ты не против. Пусть Йен остается в моей прежней комнате. Я даже могу выплачивать две трети суммы, нас же двое, а ты одна.

По природе нежадный и честный, он пытался

хоть чем-нибудь помочь ей. Крис мог себе это позволить. Он вел простую жизнь, в нем не было ничего показного. Работа продвигалась успешно, деньги у Криса водились, в том числе и полученные в наследство, — это становилось ясно, если вспомнить, из какой семьи он происходил. Он отличался скромностью, но ему не приходилось бороться за свое место в жизни, как Франческе. Ей все давалось с трудом, она ни в коем случае не желала продавать последнюю оставшуюся у нее картину отца и до сих пор сетовала на то, что пришлось расстаться с остальными.

— Нет уж, пополам так пополам, если ты согласен, — возразила Франческа, благодарная Крису за помощь. — Мы можем переделать твои прежние комнаты для Йена, чтобы у него была своя игровая, пользоваться нижней гостиной, спать в моей комнате, а в комнате Марии устроить твой кабинет или комнату с телевизором. Кстати, кабинет из нее получится отличный! — Комната была светлой и просторной, с видом на сад. — Там и будешь курить свои кубинские сигары, — шутливо добавила она. Да, такой план вполне мог оказаться удачным и устроить всех.

— Знаешь, мне нравится. В любом случае я не советовал бы тебе снова искать жильцов, — про-

должал Крис. — Опасное это дело.

По крайней мере теперь дом останется за ней. А если Крис когда-нибудь съедет, если они расстанутся, тогда она и подумает о новых соседях. Но если Крис намерен платить половину, можно обойтись и без посторонних.

— Это было бы неплохо, — проникаясь благодарностью, заметила Франческа. — А я уже не знала, за что хвататься.

Крис видел это по ее лицу и сочувствовал, понимая, как ей нелегко. Он с самого начала подозревал, что отъезд Марии станет лишним бременем для Франчески, только не знал, насколько тяжелым. Франческа старалась обходиться без лишних расходов, и Крису не терпелось помочь ей. Он был готов выплачивать вместе с ней кредит, хотя при этом его арендная плата вырастала вдвое — с другой стороны, теперь весь дом был в его распоряжении. Им предстояло жить здесь как супружеской паре с ребенком, а не соседствовать с чужими людьми.

— У меня найдутся и другие идеи — они могли бы облегчить твою ношу, — сказал он спокойно. — Но об этом мы поговорим в другой раз.

Франческа кивнула, размышляя, что бы это могли быть за идеи. Она и без того была глубоко

признательна Крису, который разом решил самую острую из ее проблем.

Вечером, готовя ужин, Мария спросила, не доставит ли их отъезд лишних забот Франческе.

— Мне неловко бросать тебя так внезапно, не предупредив заранее, но меня саму Шарль-Эдуар огорошил этим известием всего несколько недель назад, а на прошлой неделе я наконец согласилась. Ты справишься?

— Теперь — да. — Франческа вздохнула с облегчением. — Мне поможет Крис.

— На это я и надеялась. А у вас с Крисом какие планы?

— Пока никаких. — Франческа улыбнулась. — Просто будем жить здесь и надеяться на лучшее — посмотрим, к чему это приведет.

Мария надеялась, что они в конце концов поженятся, а Франческа мечтала о том же, но для Марии. Шарль-Эдуар настаивал на женитьбе сразу же, как только состоится развод. Еще несколько недель — и документы о расторжении брака поступят в суд, судья подпишет их, и Шарль-Эдуар будет свободен! Но Мария считала, что спешить некуда. Как и Франческа. Всю жизнь она избегала брачных уз и пока не собиралась изменять своим привычкам, несмотря на всю любовь к Крису.

— Не хочу пойти по маминым стопам, — призналась она однажды Марии. Крису об этом она уже говорила.

— Не бойся, этого не будет никогда, — заверила ее Мария. — Вы с твоей матерью — совершенно разные люди. Она мне нравится, но вы играете в разных лигах. — Мария прекрасно понимала, насколько легкомысленна, избалована, эгоистична и поверхностна Талия, хотя и находила общение с ней забавным: в Талии было что-то почти карикатурное. А к Франческе Мария относилась с глубоким уважением и любила ее, как дочь или племянницу. — Даже если ты выйдешь замуж десять раз, такой, как твоя мать, ты ни за что не станешь.

— Лучше уж не рисковать. Интересно, нашла она себе новую жертву или нет? На свой шестой номер она охотится уже несколько лет подряд. Любой на ее месте давно надоело бы это занятие и она махнула бы рукой, но мама не сдается. Ее и в девяносто лет будет тянуть замуж!

Они рассмеялись, подозревая в этой шутке немалую долю истины.

Вечером Франческа с Крисом обсудили дальнейшие планы, связанные с домом. Франческа не знала, когда лучше обо всем сообщить Йену.

— Как думаешь, он расстроится, если ты переберешься наверх, ко мне? — с тревогой спросила она. Крис поцеловал ее.

— Не волнуйся. Мы пообещаем ему собственную игровую комнату, и он забудет обо всем на свете. Вдобавок я подарю ему телевизор с большим экраном, чтоб было на чем смотреть мультфильмы. И потом, до нас совсем близко — всего-то один лестничный марш. — Перспектива заполучить общую спальню наполняла обоих радостным волнением. Роман обретал черты настоящей жизни.

Им предстояло еще о многом подумать и поговорить. Франческа напомнила, что на следующие выходные у нее намечена поездка на выставку «Арт Базель» в Майами — одно из самых громких событий в мире живописи, уступающее только июньской выставке, которая проходила в швейцарском Базеле. Одновременно в Майами устраивали десяток других, не столь известных выставок и ярмарок. Франческа с нетерпением ждала поездки, Крис пообещал сопровождать ее. Предстоящий отъезд Марии в Париж по-прежнему печалил обоих, поскольку неумолимо приближался, но впереди их ждало еще немало хорошего, им казалось, что жизнь только начи-

нается.

На Рождество Крис уговаривал Франческу съездить в Бостон к его родным. Йен тоже звал ее с ними, но Франческа боялась даже думать об этом визите. А если ее возненавидят или сочтут, что она не пара Крису? Она всего-навсего владелица крошечной галереи в Уэст-Виллидж и дочь известного художника. А родня Криса — сплошь знаменитости.

— Ты им понравишься, можешь мне поверить, — убеждал Крис. И Франческа решила, что с волнениями можно повременить до приезда из Майами. С отъездом Марии, перестановкой в доме, Рождеством в кругу родных Криса и выставкой искусств в Майами, до которой оставалось меньше недели, декабрь обещал быть щедрым на события.

Глава 20

Мария и Шарль-Эдуар охотно согласились побыть с Йеном, отпустив Криса и Франческу на выходные в Майами. Франческа обнаружила, что соскучилась по атмосфере художественных выставок и ярмарок. Одновременно с «Арт Базелем», известным на весь мир, проводилось еще четырнадцать выставок — «Масштаб», «Красная точка» и другие. Выставленные на «Арт Базеле» полотна стоили целое состояние. Агент отца Франчески арендовал на выставке целый стенд, отец с Эйвери каждый год бывали в Майами, и Франческа пообещала разыскать их там. Франческа предложила остановиться в «Делано», Крис согласился, а по прибытии в отель одобрил его. Все лифты в нем были освещены лампами разных цветов, дизайном интерьеров занимался Филипп Старк. К началу выставки установилась теплая, приятная погода, Крису не терпелось поплескаться в бассейне, а Франческе — сразу же отправиться изучать картины. За ближайшие несколько дней им предстояло осмотреть столько предметов искусства, сколько большинство людей не успевает

увидеть за всю жизнь.

Выставка проходила в конференц-центре Майами-Бич, в его гигантском зале, а остальные — в помещениях Ледового дворца и других рассеянных по городу выставочных залах. Организаторы менее масштабных выставок расположились в отелях, номера были заселены арт-дилерами. Повсюду устраивали вечеринки — и в клубах, и в отелях, и в ресторанах. Франческа сразу по прибытии получила целую стопку приглашений. Знакомство Криса с миром серьезного искусства началось с полного погружения в него. Он радовался, что у них с Франческой появились общие интересы, и с готовностью доверился ее руководству. Но прежде чем покинуть номер в отеле, Крис удержал спутницу и на полчаса уложил в постель. Поездка началась прекрасно. Затем они приняли душ, переоделись и отправились на выставку.

До конференц-центра они доехали на такси. В отдельном здании были выставлены работы самых молодых художников и авангард. Франческа мечтала когда-нибудь принять участие в работе выставок Майами, пусть даже одной из них, самой скромной. На следующий год она собиралась подать заявку на участие в выставке «Красная

точка», но теперь ей казалось, что к такому решительному шагу она еще не готова. Кроме того, несколько лет ей предстояло провести в списке ожидающих своей очереди. В политизированном мире выставок многое зависело от связей и знакомств. Франческа могла воспользоваться таким преимуществом, как связи ее отца, но считала, что пока в этом нет необходимости. Обратиться к нему она собиралась лишь в самом крайнем случае.

— Знаешь, ради моих подопечных художников я готова даже льстить и подхалимничать, — призналась она Крису, когда они вышли из такси перед входом в огромный зал. Пропуск ей прислал агент отца, через несколько минут они уже шагали по проходам между стендами, останавливаясь возле каждого. Увиденное изумило Криса. Количество стендов не поддавалось подсчету, арт-дилеры торговали полотнами не малоизвестных, а знаменитых на весь мир мастеров. Меньше чем за пять минут Крис увидел три работы Пикассо с астрономическими цифрами на ценниках, Матисса, Шагала, двух де Кунингов, Поллока и две картины, написанные отцом Франчески. На этикетке одной красовалась красная точка — это означало, что полотно уже продано. Точка на

другой картине была белой, значит, покупатель просил придержать ее. Покупать здесь картины мог только обладатель значительных средств.

— Откуда все это взялось? — ошеломленно спросил Крис. За всю свою жизнь он не видел столько живописи, особенно поразительным был калибр представленных мастеров.

— Из Европы, Штатов, Гонконга.

Арт-дилеры всего мира демонстрировали здесь свои картины, торговцы и посетители стекались в Майами отовсюду. Множество авангардных галерей выставляли работы, призванные шокировать публику. Здесь были и видеоинсталляции, и образцы концептуального искусства, а на полу одного стенда была насыпана дюна из настоящего песка. Ее продавали за сто тысяч долларов, автором был широко известный художник.

Проходя между стендами, Крис комментировал то, что видел, а Франческа рассказывала ему о тех художниках, которых знала. Ей нравилось ходить по залу вместе с Крисом, они пробыли на выставке почти до восьми вечера, а потом на такси отправились на вечеринку, куда пригласили Франческу. Вечеринка проводилась в ресторане под названием «Постель», в нем посетители ели, сидя и лежа на матрасах. Повсюду слышались

разговоры об искусстве и художниках, о достоинствах выставки, о дорогих и уже проданных работах. Франческа встретила множество знакомых, которых представляла Крису. Ей казалось, что она очутилась на балу, она наслаждалась каждой минутой происходящего и видела, что Крис тоже доволен. Ее мир завораживал Криса: казалось, в этом кругу Франческу знают все.

В отель они вернулись только в два часа ночи, успев побывать еще на одной вечеринке, которую известный арт-дилер устроил в диско-клубе. Немного потанцевав, Крис с Франческой добрались до отеля «Делано» и устало рухнули на постель в уютном белоснежном номере. Оба мгновенно уснули и крепко спали до следующего утра, когда их разбудил звонок Йена. Вместе с Марией Йен сходил за рождественской елкой, теперь оба своими руками делали украшения для нее. Мария предложила испечь пряники и печенье, а потом развесить их на ветках, и мальчик пришел в восторг. Закончив разговор, Крис с Франческой переглянулись с горделивыми улыбками. Йен пообещал попозже позвонить им снова.

— Он чудо, правда? — спросил Крис, притягивая Франческу к себе.

— Конечно, — согласилась она, — и ты тоже.

Они поцеловались и уже через несколько минут вскочили, а час спустя вновь были на выставке. Там они провели почти весь день, пока наконец Крис не запросил пощады и не признался, что на картины и другие произведения искусства больше смотреть не в силах. К тому времени они осмотрели почти всю экспозицию «Арт Базеля». Франческа хотела побывать еще на выставках «Красная точка» и «Масштаб», но согласилась дать Крису передышку и часок посидеть с ним у бассейна. Крис с благодарным видом устроился рядом с ней, глотнул пива и закатил глаза в экстазе.

— Знаешь, а ведь они не шутили, заявляя, что это крупнейшая выставка мира!

На его лице отразилось такое изнеможение, что Франческа рассмеялась. Посмотреть еще предстояло очень много, но она понимала, что на все выставки им все равно не успеть. На следующий день в ее списке значилось пять пунктов. Вернуться в Нью-Йорк предстояло лишь днем в понедельник — значит, времени им хватит с запасом.

В воскресенье Крис объявил, что «переел живописи», Франческа засмеялась и сказала, что он капризничает точь-в-точь как Йен. Крису хоте-

лось вернуться в отель и включить футбол. Они договорились встретиться днем.

Тем вечером они поужинали в модном ресторане в Саут-Бич, компанию им составили Эйвери, отец Франчески и его агент, который оказался интересным собеседником. Крис завел с ним увлекательный разговор о средневековой итальянской живописи, которую когда-то изучал, а потом долго беседовал с отцом Франчески о его работе. Они быстро сдружились; слушая их, Эйвери многозначительно подмигивала Франческе. Пока все шло как по маслу. По тому, как держался отец, Франческа видела, что Крис ему понравился, и еле сдерживала радость.

— Знаешь, он и мне нравится, — шепотом призналась Эйвери, когда они покидали ресторан. — И судя по всему, твоему отцу тоже.

Франческа не могла представить себе человека, которому мог не понравиться Крис — умный, интересный, сдержанный, приятный в общении и с увлечением познающий ее мир.

Все выходные они погружались в мир искусства, и к вечеру воскресенья даже Франческа устала так, что с готовностью вернулась в отель пораньше. На следующий день оставалось побывать всего на трех выставках, но Крис наотрез

отказался и заявил, что лучше он весь день проваляется у бассейна. Франческа не возражала. Увидеть предстояло еще очень много, ее ждали встречи с давними знакомыми, поэтому она знала, что не заскучает в одиночестве. В понедельник утром Эйвери присоединилась к ней, вдвоем они осмотрели экспозиции двух небольших выставок, разместившихся в отеле.

— Мне и вправду нравится Крис, — сказала Эйвери, пока они бродили между стендами. — И твоему отцу тоже. Он умен, с ним приятно поговорить, от тебя он без ума. Последнее мне особенно по душе. — Эйвери улыбнулась.

— И я от него без ума. Кстати, когда Мария уедет, я не стану искать новых жильцов. Мы с Крисом будем выплачивать кредит пополам.

Эйвери вздохнула с облегчением, порадовалась за падчерицу и заговорила с подругой из кливлендской галереи, когда в сумочке Франчески вдруг ожил телефон. Звонил Крис, судя по голосу, он был в панике.

— Где ты? Сможешь вернуться как можно скорее?

— Я на маленькой выставке в отеле у пляжа. А в чем дело? Что случилось?

Ее окружали громко переговаривающиеся

люди, связь была неважной, голос Криса то пропадал, то слышался снова. Франческа вышла в коридор, надеясь, что там будет слышно лучше. Она не представляла, что могло случиться, но по голосу Криса чувствовала, как он перепуган.

— Ким забрала Йена. Увезла из школы. Сейчас он у нее. — Крис был на грани слез.

— Господи! Как это получилось? — Франческа моментально впала в панику. Бедные Крис и Йен, особенно Йен! Они знали, что две недели назад Ким вышла из тюрьмы и теперь лечилась в разрекламированной клинике в Нью-Джерси. Там она должна была пробыть до Рождества, но уехать из клиники могла в любое время, по собственному желанию, и Крис не сомневался, что это желание у нее появится. Потому он и предупредил Марию, умоляя ее помнить об осторожности. Все выходные она старалась никуда не водить Йена, разве что на ближайший базар за елкой. Чтобы мальчик не скучал, Мария развлекала его, вместе с ним мастерила украшения для елки и пекла пряники.

— Утром Ким явилась в школу Йена, сообщила, что у нее сегодня день посещений и что она везет ребенка к врачу на прививку. Представляешь, ей поверили! Наверное, Йен был так рад видеть

ее, что даже ни о чем не спросил. А мне просто позвонили из школы, чтобы убедиться, правду ли говорит Ким. Но пока мне звонили, она сбежала вместе с Йеном, и где он сейчас, неизвестно, — добавил Крис. — Понятия не имею, что она может с ним сделать и куда увезти.

— Не настолько же она ненормальная! — возразила Франческа, пытаясь успокоить его, но Крис впервые за все время их знакомства повысил на нее голос.

— Настолько, как ты не понимаешь?! — рявкнул он в трубку. — Школьное начальство убить мало! Там же все знали, что отпускать Йена с матерью без надзора нельзя! Я специально привез им копию постановления суда! Так когда ты приедешь? Где ты? В час дня есть рейс в Нью-Йорк, я хочу успеть на него.

— Я сама толком не знаю, где нахожусь. Мы приехали сюда с другой выставки…

— Твои вещи я уже укладываю. Встретимся в аэропорту. Рейс компании «Юнайтед Эйрлайнз».

Франческа разыскала Эйвери и торопливо объяснила, что случилось. Эйвери встревожилась, как и сама Франческа.

— Как думаешь, с ним все будет хорошо? Она ведь не навредит родному сыну?

— Вряд ли. По крайней мере намеренно. Скорее она способна навредить себе какой-нибудь дикой выходкой. Может, она просто захотела попутать Криса, доказать, что все равно добьется своего. Она же чокнутая. — Франческа вдруг припомнила список преступных действий Ким, который услышала на суде. Правда, Йену уже восемь лет. Он находчивый мальчик, способный позаботиться о себе лучше, чем большинство его ровесников. С такой матерью ему волей-неволей пришлось стать самостоятельным.

Франческа торопливо поцеловала Эйвери на прощание, выбежала из зала, села в остановленное такси и велела везти ее в аэропорт. На ней были кроссовки, джинсы и футболка, но она была готова сесть в самолет даже в купальнике, лишь бы не опоздать к Крису. Когда Франческа разыскала его в аэропорту, он был вне себя, но предусмотрительно разыскал в вещах Франчески ее куртку.

— Может, она увезла Йена к себе, — предположила Франческа. — Ты позвонишь в полицию?

— Уже звонил. — Крис был взвинчен и выглядел так, словно держался из последних сил. — Не понимаю, зачем Йен пошел с ней. Ведь он знает ее лучше, чем кто-либо, и помнит, что встречаться

с ней ему нельзя.

— Она его мать, — мягко возразила Франческа. Посадка закончилась. Крис с Франческой едва успели, став последними пассажирами этого рейса.

— На звонки по мобильнику она не отвечает. Сейчас полиция ищет ее. Я объяснил, что Йен в опасности. И я действительно так считаю. Эта женщина не в своем уме.

Они прошли в салон самолета и заняли свои места. Почти весь полет Крис просидел молча. Эти три часа стали для Франчески самыми длинными и тягостными в жизни: было невыносимо смотреть на Криса и знать, что в нем каждую минуту возрождается и умирает надежда. Он изводился от страха за сына. Франческа даже не пыталась разговорить его, просто сидела рядом и держала его за руку. В самолете Крис выпил две порции неразбавленного скотча и через несколько минут задремал. До посадки ему все равно не оставалось ничего другого.

В аэропорту они поймали такси, Мария ждала их дома. Хоть она ни в чем не была виновата, от волнения она не находила себе места. Крис позвонил в полицию в ту же минуту, как самолет приземлился, но не услышал никаких вестей.

В квартире Ким никого не застали. Лифтер и швейцар не видели ее с тех пор, как она вышла из тюрьмы и уехала в клинику. Крис сидел на кухне дома на Чарлз-стрит, обхватив голову обеими руками, и пытался понять, где может быть Ким. Куда она могла увезти Йена? И вдруг его осенило. Он вскинул голову и обвел остальных безумным взглядом.

— Если она не покупает где-нибудь наркотики и не валяется мертвая в каком-нибудь закоулке, то скорее всего она потащила Йена в один уэст-сайдский бар. Там есть автоматы для пинбола и другие игры. Йену там нравится, да и наркодилер Ким вечно отирается там. — Он уже сообщил полиции адрес наркодилера Ким — по крайней мере тот, который узнал от Йена.

Крис бросился вон из дома, прежде чем его успели остановить. Франческа помчалась за ним, единым духом проскочив лестницу. Она даже не удосужилась надеть куртку, хотя на улице было холодно.

— Иди в дом, — велел он. — Как только я его найду, я тебе позвоню. — Не глядя на нее, он встревоженно хмурился, пытаясь остановить такси.

— Я хочу с тобой, — сказала Франческа. Поколебавшись, Крис открыл перед ней дверцу машины.

Ему не хотелось, чтобы Франческа видела притон, куда он спешил, но участь Йена была ей небезразлична, мальчик уже стал частью ее жизни. Крис сел в машину следом за Франческой, назвал таксисту адрес и попросил поспешить. Водитель выбрал короткий путь по уэстсайдскому шоссе, поэтому на месте они были уже через десять минут. Даже снаружи бар выглядел заведением, куда Франческе и в голову не пришло бы заглянуть просто так. Бар был открыт. Крис распахнул дверь и вошел. Внутри было темно, но мигающие огни игровых автоматов на мгновение ослепили его. Бармен вытирал стойку, две официантки были наряжены в короткие форменные платья с глубокими вырезами, нейлоновые передники и чулки в сеточку. Двое мужчин играли на автоматах. Внезапно Крис увидел в темном углу, за еще одним автоматом, знакомую тоненькую фигурку. Сидящая неподалеку женщина уронила голову на столик и казалась спящей. Подскочив к мальчику, Крис обнял его, подхватил на руки и вгляделся в детское лицо. По щекам Криса струились слезы, но он их не замечал. Франческа тоже чуть не плакала от облегчения. Глаза Йена казались огромными на худеньком лице.

— Ты в порядке? — торопливо спросил Крис, и

мальчик кивнул.

— Я — да, — тихо отозвался Йен. — Маме плохо… — Это значило, что она только что приняла дозу, и ее вид это подтверждал. Ничего нового для Криса и Йена.

— Сейчас что-нибудь придумаю, — пробормотал Крис сквозь зубы и передал Йена Франческе. Кимберли не шевелилась. — Отвези его домой.

Франческа кивнула, поставила Йена на пол, он подал ей руку, и они вышли из бара, а Крис постучал пальцем по плечу бывшей жены. Она по-прежнему не шевелилась. Неужели дошло до передозировки, пока Йен играл на автоматах? Крис пощупал пульс на шее Кимберли, и она вдруг застонала, а через секунду ее вывернуло прямо на стол. От слабости она упала лицом в лужу. Прибежала официантка с полотенцем. Крис за волосы поднял голову Ким над столом, она открыла глаза. Рвота капала с ее подбородка. Сгорая от ненависти, Крис обтер лицо бывшей жены полотенцем. От героина ее часто рвало, особенно после перерывов. В клинике она пробыла две недели. После детоксикации передозировки были обычным делом.

— А… ты… — выговорила она заплетающимся языком. — Где Йен?

— Уехал домой. — И вдруг, не сознавая, что делает, Крис обхватил ее за шею и сжал пальцы. Ким уставилась на него выпученными глазами, но под действием наркотика не испугалась, только растерялась. — Если ты еще хоть когда-нибудь додумаешься до такого… если хоть раз прикоснешься к нему, уведешь, увезешь куда-нибудь… потребуешь встречи без надзора… клянусь, Ким, я убью тебя! — Ему и вправду хотелось придушить ее прямо сейчас, сильнее сжав пальцы. Но мгновение неуправляемой ярости прошло, Крис вдруг понял, что рискует сломать Ким шею, и отпустил ее так неожиданно, что она вздрогнула всем телом. — Больше никогда не смей водить Йена в такие места, не смей даже прикасаться при нем к наркотикам!

Не добавив ни слова, он рывком поставил Ким на ноги и повлек за собой. На освещенной солнцем улице ее снова вырвало, но мертвенная бледность начала отступать.

— Ненавижу тебя, — процедил Крис, глядя ей в глаза. — Ненавижу в тебе все, никогда не прощу тебя за то, как ты испортила нам жизнь. Ненавижу тебя за все, что ты сделала с Йеном. Он этого ничем не заслужил.

Но больше всего Крис ненавидел самого себя —

за то, что рядом с Ким превращался в чудовище. Она действовала, как яд, заставляла его исходить яростью. Несколько минут назад в баре он чуть не убил ее. До такого состояния его могла довести только Ким, а ради нее не стоило так рисковать. Она этого недостойна. У Криса вырвался всхлип; поддерживая Ким одной рукой, он поднял другую, чтобы остановить такси. Рядом притормозила машина. Крис распахнул дверцу и втолкнул Ким на сиденье. От нее невыносимо несло рвотой, и Крису казалось, что сам он пропитался этой вонью. Когда-то Ким была красива. Теперь же, в ее тридцать два года, от этой красоты не осталось даже воспоминаний.

Крис дал таксисту сорок долларов, назвал адрес ее отца и с отвращением смерил Ким взглядом, чувствуя, как в нем догорает бешенство.

— Отправляйся к папочке, он о тебе позаботится. И держись подальше от Йена, пока не вылечишься.

— Спасибо, — пробормотала Ким, стараясь сосредоточить на нем взгляд, потом откинула голову на спинку сиденья и закрыла глаза. Нахмурившись, Крис захлопнул дверцу машины и проводил ее взглядом, чувствуя, как его трясет. Он и вправду едва не убил Ким. И самое страшное

— хотел этого. Несколько кварталов он прошел пешком, потом остановил проезжающее мимо такси и попросил отвезти его на Чарлз-стрит. Всю дорогу домой он молча смотрел в окно, понимая, что сегодня погубил бы не только свою жизнь, но и жизнь Йена, если бы вовремя не взял себя в руки. Больше он не желал видеть Ким. Эта женщина — худшее, что было в его жизни. А Йен — лучшее. Крис встряхнулся и попытался сосредоточиться на дороге домой.

Глава 21

Войдя в дом, Крис услышал доносящиеся из кухни голоса Марии, Франчески и Йена. Шарль-Эдуар готовил для них очередной пир. Крис бесшумно поднялся к себе, принял душ и переоделся. Он по-прежнему содрогался при мысли, что чуть было не прикончил бывшую жену. Всю дорогу из Майами его терзал страх. Он понятия не имел, какой еще опасности его бывшая жена способна подвергнуть жизнь их единственного сына.

Подавленный и молчаливый, он спустился в кухню. Йен обратил на него взгляд тысячелетнего мудреца, от которого сердце Криса облилось кровью.

— А где мама? — Мальчик тревожился и в то же время боялся, что отец рассердится на него. Крис не стал сердиться: ему было страшно. Страх вызывало то, что случилось, что могло случиться и что едва не натворил он сам. Сегодняшние события как будто отрезвили его. Крис больше не мог позволить себе поддаваться гневу. Никогда. Он и так едва не потерял голову.

— Я отправил ее к твоему дедушке. Он знает,

что надо делать.

Скорее всего отец уже в который раз отправит Ким в клинику, а она опять сбежит. И так будет продолжаться, пока однажды она не умрет от передозировки. Крису незачем убивать ее. Она уже мертва, смерть пришла за ней много лет назад, когда она только начала колоться. Это случилось еще до их знакомства, просто Крис ничего не знал.

— С ней все будет хорошо, Йен.

По крайней мере на какое-то время. Но ненадолго. Ей уже не выкарабкаться.

— Прости, я не хотел тебя пугать. Просто переволновался. Я не хочу, чтобы ты уезжал с ней, понимаешь? Ты можешь видеться с ней, но рядом обязательно должен быть еще кто-нибудь. — Йен выслушал и кивнул, а Крис подошел к нему и крепко обнял. — Мне жаль, что тебе пришлось видеть все это…

В таком состоянии Йен видел мать уже тысячу раз. Крис не знал, как полагается извиняться перед сыном за то, что выбрал ему в матери такую женщину. Или за то, что чуть не убил ее. Вспомнив об этом, Крис передернулся, и Йен почувствовал это. Ему было жаль отца.

— Ничего, ей было не очень плохо. Только

немножко.

Из уст ребенка слова «не очень плохо» прозвучали грустно и трогательно. И отец, и сын видели Ким и в худшем состоянии. Крису хотелось еще раз принять душ, вымыться снаружи и внутри, а заодно стереть все воспоминания из памяти Йена. Но он понимал: это невозможно. Когда-нибудь Йен сам во всем разберется. И поймет, какое наследство досталось ему от матери. Больше им нет до нее дела. Обернувшись, Крис увидел, что рядом стоит Франческа: только теперь он заметил, что и она здесь. Он улыбнулся ей и понял, как она расстроена. Сцена в баре была ужасна, хорошо еще, худшее случилось уже после того, как Франческа увезла Йена.

— Спасибо, что отвезла Йена домой. — Крис присел за кухонный стол, Франческа устроилась рядом и заглянула ему в глаза.

— Все хорошо, Крис. С вами все будет в порядке. — Она ободряюще улыбнулась Йену, дождалась, когда он робко придвинется, и обняла его. — Да, пришлось нам поволноваться, — добавила она, улыбнулась Йену, мальчик рассмеялся, и все вдруг вздохнули с облегчением.

Мария приготовила что-то на скорую руку, а потом они вместе с Йеном показали Крису и

Франческе рождественские украшения, которые успели смастерить за выходные. Елочка была небольшой, но красивой, Йен гордился ею. Мало-помалу кошмар, через который они только что прошли, начал отступать. Могло быть и гораздо хуже.

— А может, съездим все вместе в Вермонт на следующие выходные? — предложила Мария. — Вдруг это наш последний шанс? Было бы так здорово побывать там вместе!

Эта идея понравилась Франческе: в Вермонте они с Крисом наконец стали парой, связанной узами близости. Йен обрадовался, и даже Крис заулыбался.

Только вечером Крису наконец удалось остаться наедине с Франческой у нее в комнате.

— Мне очень жаль, что все случилось на твоих глазах. Это часть моей жизни, которой я стыжусь. — Он и вправду стыдился так, словно сам был на месте Ким. О том, как он едва не поступил с бывшей женой, Крис боялся даже вспоминать.

— Ты ни в чем не виноват, — тихо отозвалась Франческа, обнимая его. — Хорошо, что я была рядом.

— И я этому рад. — Крис мысленно добавил: не будь рядом Франчески, он мог взорваться.

Он поцеловал ее и вдруг почувствовал, что прошлое начинает отдаляться, как будто отстраненное чьей-то рукой. С Франческой его ждала совершенно новая жизнь. Ким стала страшным сном, Франческа — мечтой.

Как и предлагала Мария, в выходные они всей компанией уехали в Вермонт и прекрасно провели время: резвились в снегу, долго гуляли, фотографировали друг друга, заглядывали в местные рестораны и кафе. Утром в воскресенье Крис повез Йена на ближайший горнолыжный курорт, взял лыжи напрокат и несколько раз съехал вместе с сыном с пологого склона. Никому не хотелось терять зря ни единой минуты: неизвестно, когда им вновь суждено собраться вместе. Решение принял за них Шарль-Эдуар:

— Следующее лето вы проведете на юге Франции. Мы с Марией снимем виллу на весь июль. И будем ждать в гости вас троих.

Йен восторженно захлопал в ладоши, Крис и Франческа с благодарностью приняли приглашение. В августе Мария и Шарль-Эдуар планировали приехать в Вермонт, так что надолго расставаться им не требовалось. Эта глава их дружбы оказалась не последней. Все только начиналось, как и новая жизнь у всех в этой небольшой компании.

Утром Крис объяснил Йену, что теперь будет жить наверху с Франческой, а Йен станет в своей комнате хозяином.

— Вот и хорошо, — серьезно отозвался Йен, — потому что ты храпишь.

Франческа рассмеялась.

— Правда? Ну-ка, рассказывай, — попросила она, с облегчением думая о том, что Йен вовсе не обиделся.

На обратном пути в Нью-Йорк они распевали рождественские песни по-французски и по-английски. Мария отдала Франческе ключи от дома в Вермонте и разрешила бывать там, когда захочется. Новость порадовала всех.

В машине Йен уснул, так что Крису пришлось на руках нести его в дом. Разбуженный суетой мальчик пошевелился, открыл глаза и посмотрел на отца так, словно должен был сказать ему что-то очень важное.

— А мы заведем собаку?

Крис засмеялся.

— Конечно. Какой породы?

— Немецкого дога! — сонно улыбаясь, отозвался Йен.

— Ну уж нет! Может, таксу или Лабрадора?

Йен кивнул и уснул на руках у отца. Крис уло-

жил его на верх двухэтажной кровати, укрыл одеялом и поднялся к Франческе. Она еще разбирала вещи, которые они брали с собой в Вермонт. При виде Криса она заулыбалась. Он до сих пор не мог поверить в свою удачу: он нашел ее! Те же чувства испытывала и Франческа.

— Можно мне сегодня лечь здесь? Моего соседа по комнате теперь даже пушками не разбудишь.

— Конечно! — поспешила ответить Франческа. Затея с переездом ей нравилась. Было приятно все выходные жить в одной комнате, опять расселиться по разным после возвращения домой было бы досадно.

Лежа в постели, Крис наблюдал, как она переодевается в ночную рубашку, и не знал, дождется ли времени, когда сможет видеть ее такой каждый вечер.

— Я буду скучать по Марии, — печально призналась Франческа, ложась рядом с Крисом. Он спал в футболке и трусах-боксерах, складывая на стуле джинсы, рубашку и носки. В постели Франчески он уже давно освоился.

— Летом мы увидимся с ними в Европе. Будет весело.

Она кивнула. Как хорошо, что Мария разрешила им бывать в вермонтском доме! Это невероятно

щедрый подарок — из тех, какие делают только самым близким друзьям.

— Как думаешь, они поженятся? — уже в темноте спросила Франческа. Ей нравилось слышать рядом голос Криса и просыпаться по утрам одновременно с ним.

— Скорее всего. Если посмотреть на них, можно подумать, что они уже женаты.

Франческа мечтала, что когда-нибудь и они с Крисом будут понимать друг друга с полуслова. Это время пока не пришло. Зато теперь весь дом предоставлен им. Жаль только, что Марии и Шарля-Эдуара не будет рядом.

— Спокойной ночи, — прошептала Франческа Крису, прижалась к нему и уснула. Крис еще долго лежал без сна, улыбаясь и прижимая Франческу к себе. Потом уснул, но не отпускал ее всю ночь.

Глава 22

Последняя неделя Марии и Шарля-Эдуара в Нью-Йорке напоминала стихийное бедствие. Франческа помогала Марии укладывать вещи. Но прежде их требовалось разобрать и отправить часть в Париж, часть в Вермонт. Почти всю свою кухонную утварь Мария подарила Франческе, многое пришлось просто выбросить.

— Поразительно, сколько хлама может скопиться в единственной комнате за год! — жаловалась Мария, оглядываясь по сторонам. Повсюду громоздились коробки, лежали вещи, отложенные для благотворительных фондов. Сборы затянулись на несколько дней. Мать Франчески заезжала попрощаться со всеми: через два дня она улетала в Цюрих, а оттуда должна была направиться в Гштад.

— Когда в следующий раз буду в Париже, непременно навещу вас, — пообещала Талия. — Но если выйдете за Шарля-Эдуара, не вздумайте пригласить меня на свадьбу! — шутливо пригрозила она. — Я чересчур ревнива.

Мужчины, с которым она познакомилась в Сан-

Франциско в День благодарения, на горизонте уже не наблюдалось. Талия по-прежнему искала кандидата на роль шестого мужа, но уже поняла, что Шарль-Эдуар для нее не годится. Ему больше подходила женщина такого склада, как Мария.

— Нам спешить некуда, — заверила ее Мария.

— Кстати, как дела у Франчески и Криса? — спросила Талия.

Мария только что вручила ей прощальный подарок: одну из своих поваренных книг, которую Талия хотела иметь, но не могла найти. Талия с улыбкой поблагодарила ее.

— Похоже, они безмятежно счастливы. Для них все только начинается, но им понадобится время, чтобы это осознать. Крис еще не отошел от развода. Да и у Франчески есть причины для осторожности, как нам обоим известно. — Мария наполнила чашки чаем. Талия поняла, что ей будет недоставать собеседницы, единственной, от кого она могла узнать подробности жизни дочери. Франческа старалась не откровенничать с матерью.

Они поговорили о Париже, потом Талия спохватилась, взглянула на часы, поднялась и обняла Марию.

— Берегите себя, — тихо попросила она. — Я

буду скучать, и не только потому, что мне теперь не с кем сплетничать о Франческе…

Мария сумела стать ей доброй подругой, Талия радовалась счастью, которого заслуживала Мария и нашла в любви Шарля-Эдуара. Она так щедро дарила людям радость, что просто не могла не получить свою толику. Женщины решили не терять связи друг с другом.

Талия оставила рождественские подарки для Франчески, Криса и Йена и пообещала позвонить из Гштада. В Европу она уезжала на день раньше Марии, перед отъездом обеим хватало хлопот.

Эйвери тоже заехала, чтобы попрощаться с Марией, а заодно привезти подарки к Рождеству для Франчески, Криса и Йена. Сюрприз, предназначенный Франческе, был огромный, по его виду сразу было ясно, что находится внутри — одна из картин ее отца, замена пяти проданным.

Вечером, увидев подарок, Франческа радостно ахнула. Крис помог ей повесить картину в гостиной на то место, где прежде висело полотно художника, которого она недолюбливала. Подарок Эйвери понравился и Крису. Вдвоем с Франческой они рассказали Марии и Шарлю о выставке в Майами. Крис признался, что такое обилие предметов искусства его ошеломило.

— В жизни не видел столько картин разом!

Мария заметила, что была бы не прочь побывать на такой выставке: она всегда мечтала об июньском «Арт Базеле». Может, теперь, поселившись в Париже, она сумеет посетить эту знаменитую на весь мир выставку. Планов у нее было хоть отбавляй. Она жалела, что уезжает, но по мере приближения последнего дня ею овладевало радостное предвкушение. Им предстояло Рождество в Куршевеле, в кругу друзей Шарля-Эдуара. Превосходные рестораны этого лыжного курорта, пользующегося бешеной популярностью, Марии давно хотелось оценить. Ее ждала гораздо более насыщенная жизнь, чем в прошлом году на Чарлз-стрит или до этого в Вермонте. Шарль-Эдуар всегда любил путешествовать по Европе, он обещал свозить Марию в Прагу и Будапешт.

Наконец наступил день отъезда. Прощание вышло тягостным, Франческа и Мария расплакались. Мария не желала выпускать из объятий Йена, Шарль-Эдуар мягко утешал ее, осторожно увлекая к двери, где такси уже ждало, чтобы отвезти их в аэропорт. Мария пообещала писать по электронной почте, они с Франческой еще раз крепко обняли друг друга.

— Удачи тебе! — шепнула Мария.

Всхлипы мешали Франческе говорить.

— Я буду так скучать по тебе! — наконец вымолвила она сквозь слезы. Предстоящая потеря казалась ей ни с чем не сравнимой. Йен расстроенно хмурился.

— Мы увидимся следующим летом, а поговорить сможем совсем скоро, — пообещала Мария, наклонившись, чтобы в последний раз поцеловать мальчика. Крис обнял Франческу, взял за руку Йена, и они долго стояли на крыльце, провожая взглядами удаляющуюся машину. В доме сразу стало тихо. Франческу утешало лишь то, что через несколько дней они уезжали в Бостон, праздновать Рождество вместе с родными Криса. Предстоящее знакомство тревожило ее, но любая поездка сейчас была лучше тоскливых вечеров в доме, где все напоминало о Марии и Шарле-Эдуаре.

— Наша кухня только что выбыла из категории «пять звезд», — попытался пошутить Крис, грустно улыбаясь Франческе.

— Что ты хочешь на ужин? Пиццу или китайскую еду? — спросила Франческа.

Крис рассмеялся, а Йен выбрал последнее.

— Похоже, у нас серьезные проблемы. Кому-то

из нас придется научиться готовить.

К счастью, Мария научила Франческу маленьким кулинарным хитростям, оставалось лишь выбрать время, чтобы применить их. А Йен стал большим специалистом по всевозможному печенью. Шарль-Эдуар оставил Крису ящик его любимых кубинских сигар. Но все это не могло заменить присутствия их самих. К новой жизни еще требовалось приспособиться, и пока с ней не свыклись, до конца недели в доме было пусто и тоскливо. Утешением стала поездка в Бостон. Йен заранее предвкушал встречу с двоюродными братьями и сестрами, а у Франчески сердце то и дело уходило в пятки. О своих родных Крис старался не распространяться, его краткие характеристики звучали как предостережения: «Консервативны, чопорны, хотя больше для виду, набожны — словом, старая гвардия». Все перечисленное усиливало настороженность Франчески.

— А если твои родители меня возненавидят? — спросила она Криса накануне отъезда, укладываясь в постель.

— Тогда и я не стану больше видеться с ними, — отрезал Крис. — Ты забываешь, на ком я был женат прежде. В умении вызывать к себе неприязнь Ким никто не переплюнет. Моя мама

излишне серьезна, с отцом поладить проще. Ты им понравишься, — заверил он.

— Кстати, как дела у Ким? — осторожно осведомилась Франческа. — Ты не получал вестей от ее отца?

— Мой адвокат говорит, что она опять в клинике. Скорее всего ненадолго.

Удержать Ким в клинике было невозможно, в этом Крис уже убедился. О том, что она увезла Йена из школы без разрешения, сообщили судье, который через адвоката объявил ей строгое порицание. Такие выходки считались серьезным нарушением. Даже Крис сомневался, что Ким когда-либо еще решится на подобный поступок. К Рождеству она ничего не прислала Йену. Она вечно забывала о подарках, даже ко дню рождения сына. В ее жизни не было места праздникам: все силы и время отнимали поиск наркотиков и вялые попытки завязать с ними. Зависимость была ее жизнью, ее работой на полную ставку.

Мать Франчески подарила Йену шикарную кожаную куртку-бомбер, при виде которой мальчик издал восторженный вопль. Такая предусмотрительность Талии растрогала Франческу. Крису достался от Талии набор серебряных ручек, Франческе — вечерняя сумочка, очень нарядная, но

не в ее стиле. Впрочем, за куртку для Йена Франческа была готова простить матери что угодно. Эйвери и отец Франчески подарили мальчику на Рождество великолепный набор карандашей, красок, пастели и разноцветных ручек, который произвел не меньшее впечатление, чем куртка. Новоявленные бабушки и дедушки не забыли про Йена. Подаренная отцом картина пришлась настолько по душе Франческе, что она старалась почаще заходить в гостиную, лишь бы еще раз взглянуть на полотно.

Переделать бывшую комнату Марии в кабинет Криса она спешила с таким расчетом, чтобы все было готово к их возвращению из Бостона. Крис с нетерпением ждал, когда у него появится свой рабочий уголок. Теперь весь дом был в их распоряжении. Франческа вновь начинала ощущать его домом, а не пространством, которое приходится делить с соседями. Йен тоже быстро осваивался — оставлял игрушки в кухне, полюбил смотреть телевизор рядом с отцом и Франческой в ее кровати, по утрам в воскресенье прибегал к ним вздремнуть. Крис и Йен нашли свой дом.

Глава 23

Франческе понадобилось несколько часов, чтобы уложить вещи вечером накануне отъезда в Бостон. Она никак не могла решить, что брать с собой. Наряжаться или лучше выглядеть поскромнее? Брать ли строгий костюм для посещения церкви в сочельник? А коктейльное платье для ужина? Не слишком ли оно сексуальное и короткое? Достаточно ли скромно выглядит вырез? А может, ее наряд слишком сер и уныл? Ей не хотелось ошибиться, страх перед возможной оплошностью каждую минуту угрожал парализовать ее. Крис советовал не ломать голову и надеть джинсы, но Франческа чувствовала, что это будет неправильно. Судя по отзывам Криса, его родные — ревнители традиций. Она надеялась, что он слегка преувеличил, но все равно волновалась. В конце концов она взяла с собой всю отобранную одежду, набив два вместительных чемодана. При виде этого багажа Крис застонал.

— Что ты с собой везешь? — испуганно спросил он.

— Все, — коротко ответила она и счастливо

улыбнулась. Она действительно решила не рисковать: уж лучше быть готовой ко всему. В третьем чемодане, поменьше, уместились подарки для Йена, Криса и его родителей. Крис с трудом запихнул вещи в машину. В здании аэропорта их глазам предстал хаос, рейс отложили из-за снегопада в Бостоне. Вылет состоялся лишь в десять часов, в Бостоне самолет приземлился незадолго до полуночи. Несмотря на поздний час, отец Криса встречал гостей. Он был таким же рослым, как Крис, но шире в плечах, с гулким голосом и крепким рукопожатием гарвардского полузащитника, хотя с тех пор, как он играл в команде, прошло пятьдесят лет. Он дружески обнял Йена и пожал ему руку — этот жест Франческа сочла слишком официальным, а в остальном отец Криса казался приятным человеком. Аэропорт закрыли из-за метели сразу после их рейса, ехать в Бостон по занесенным дорогам пришлось медленно. Мужчины беседовали о футболе и политике. Крис предупредил Франческу, что в семье его считают паршивой овцой — за то, что он отказался поступать в Гарвард и переехал в Нью-Йорк. Передавать Франческе, что сказали родители, узнав о его решении, Крис не стал, только объяснил, что в семье не понимают, с

чего ему вздумалось заняться дизайном вместо политики или финансов. Женитьба на Ким стала последней каплей. Но и до нее Крис вызывал в семье немало недовольства. Именно поэтому Франческа опасалась, что ее попытка войти в эту семью окажется неудачной.

Родители Криса жили в Кембридже на Брэттл-стрит, по соседству с президентом Гарварда. Все мужчины семьи учились там, прежде чем становились сенаторами, губернаторами и президентами. Это была впечатляющая династия влиятельных лиц. На ее фоне Крис выглядел слишком скромно и непритязательно.

Дома их ждала его мать — миниатюрная женщина с внешностью классической бабушки, благородной сединой и серыми глазами, как у Криса. Ее темно-серое шерстяное платье дополняла нитка жемчуга. Казалось, к новым модам и веяниям она не имеет ни малейшего отношения, разительно отличаясь от матери Франчески. Мать Криса сама показала гостье отведенную ей комнату. О том, чтобы поселиться вместе с Крисом, и речи быть не могло, даже если бы они приехали без Йена. Для Франчески мать Криса выбрала комнату, которую от комнаты самого Криса отделяла вся длина коридора. Ее жест ясно

свидетельствовал: в этом доме секс вне брака под строжайшим запретом. Подмигнув занервничавшей Франческе, Крис ушел к себе, его мать пожелала гостье спокойной ночи и тоже удалилась. Франческа поняла, что Крис попытается пробраться к ней позднее. Йен улегся спать в бывшей детской Криса. Дом был полон народу: на праздники приехали брат и сестра Криса с семьями, другие родственники с детьми. Несмотря на огромные размеры дома, гостям едва хватило места. Крис пытался объяснить Франческе, кого они встретят, но она быстро запуталась в двоюродных и троюродных братьях, их детях и тетушках. Путаницу усиливал приезд дальних родственников, в том числе супругов с детьми, среди которых многие носили одинаковые имена. Огорошенная и усталая, Франческа сидела на кровати в своей комнате, когда Крис вдруг приоткрыл дверь, проскользнул в нее и быстро запер. Только тогда Франческа вспомнила, что его мать ни разу не обратилась к ней напрямую, разве что поздоровалась и пожелала спокойной ночи.

— Мама еще не легла, я приду позднее, — скороговоркой сообщил Крис, и Франческа поняла: в доме родителей он следует их правилам. Нарушить эти правила было бы немыслимо даже для

него. Потому он и жил в Нью-Йорке, а учился в Стэнфорде на западном побережье. И то, и другое его родители восприняли как предательство.

— Насколько я понимаю, остаться здесь ты не сможешь, — прошептала Франческа, и Крис рассмеялся.

— Если мама застукает нас, то сразу позвонит в полицию нравов, чтобы нас выставили вон. Понятие о приличиях у нее в крови.

— Все ясно.

Ему уже исполнилось тридцать восемь лет, а его родители знать не желали, что он спит с женщиной. Но Крис умел обходить их правила. По сравнению с его семьей родные Франчески казались распутниками. Таков был Бостон. Старый Бостон, старая гвардия.

Через полчаса, когда в доме все стихло, Крис босиком и в одних джинсах на цыпочках прокрался в комнату Франчески.

— Вот и я!

Он прихватил с собой зубную щетку. Теперь оставалось только проснуться утром пораньше, до семи: каждое утро ровно в семь часов его мать спускалась к завтраку. Все в доме подчинялись установленному ею распорядку. Она бдительно следила за всем происходящим вокруг, как и на

Виньярде. От ее внимательных глаз не ускользало ничто.

— Мама очень старомодна, — пояснил Крис. Раньше он не упоминал об этом, чтобы не напугать Франческу. Она задумалась: трудно было даже представить, какой хаос внесла в эту семью Кимберли с ее наркоманией и пьянством. Родители Криса явно были не в восторге, особенно в последнее время, когда Ким попала в тюрьму, да еще пыталась похитить их внука. Крис сказал, что его родители ненавидят Ким, и это было неудивительно. Франческа надеялась лишь на то, что ее саму не за что ненавидеть. Она твердо решила в гостях жить по правилам, установленным хозяевами дома, даже если ей самой эти правила кажутся нелепыми.

Ночь они провели вдвоем в ее комнате, Крис поставил будильник, чтобы проснуться без четверти семь. Услышав звонок, он сорвался с постели, бегло поцеловал Франческу, прыгнул в джинсы и рубашку и припустил по коридору в свою комнату, где все еще крепко спал Йен. Им предстояли забавные выходные с играми в прятки, уловками, хитростями и мерами предосторожности, чтобы мать не застала их в одной комнате. Крис был готов подчиняться родителям

в важных вопросах, но сейчас опасался настроить их против Франчески. Он надеялся, что она понравится родителям, если им вообще мог хоть кто-нибудь понравиться, и они перестанут осуждать его за то, что он живет в чужом доме. Пусть родители увидят, какой она замечательный человек и как добра к Йену.

Франческа ждала, что утром мать Криса под каким-нибудь предлогом заглянет к ней в комнату, и боялась этого визита. В подарок хозяевам дома она привезла бутылку хорошего вина, но теперь ей казалось, что ее подарок выглядит слишком скромной компенсацией за целые выходные доставленных хлопот. Может быть, следовало бы послать им цветы? Эти люди производили настолько благопристойное впечатление, что Франческа страшно боялась сделать ошибку. Рядом с ними она чувствовала себя скованно, особенно когда вспоминала, что в первый вечер мать Криса была безупречно вежлива, но холодна с ней.

Крис составил матери компанию за завтраком, затем отправился за Франческой, которая уже одевалась. Завтракать ей пришлось в половине восьмого, в столовой, которую заполонили гости. Франческу посадили рядом с сестрой Криса

Хилари, которая не спускала глаз со своих детей, четырехлетних близнецов, поэтому успела лишь поздороваться. В десять все обитатели дома отправились в церковь, и Крис сказал Франческе, что ей будет лучше присоединиться к остальным. Она не возражала, понимая, что эти люди привыкли все делать вместе. Дом чем-то напоминал военное училище или лагерь. Даже Крис держался здесь строже, чем в Нью-Йорке. Днем мужчины планировали сыграть в гольф — конечно, если кончится снегопад. А летом на Виньярде они устраивали общие футбольные матчи. По всему дому были расставлены трофеи за победы в различных спортивных соревнованиях. Один из кузенов Криса даже завоевал золотую медаль на Олимпиаде, а его брат был капитаном команды гребцов в Гарварде. Франческа познакомилась с ним после завтрака: взглянув на нее сверху вниз, он ограничился кратким приветствием. Брат был на четыре года старше Криса, в следующем году он собирался баллотироваться в конгресс. Он представил Франческу своей жене, а затем все разошлись по своим комнатам, переодеваться к походу в церковь. Франческа с удивлением отметила, как не похожи на Криса его родные. В этих людях был на редкость силен дух соревнования.

И теннису, и футболу они придавали большое значение, она же разбиралась в искусстве, но не в спорте. Поддержать разговор за завтраком она не сумела: ей было нечего сказать. Крис заметил, как она нервничает. За завтраком выяснилось, что лишь одна Франческа одета в черные кожаные Джинсы и черный свитер: остальные женщины вышли к столу в скромных кашемировых двойках и клетчатых юбках, среди которых не было ни одной короткой. А у Франчески вообще не было клетчатой юбки, даже мини.

В церкви она села рядом с матерью Криса, сам Крис устроился с другой стороны, посадив между собой и Франческой Йена. Все соседние места занимали его родственники. Франческе казалось, что мать Криса способна по выражению лица определить, молится человек или притворяется; ее взгляд пронзал насквозь. Перед церковью Франческа переоделась в черный костюм, но сразу же почувствовала, что перестаралась. Мать Криса выбрала для церкви темно-синюю двойку — кардиган с джемпером — и серую юбку. Среди нарядов Франчески не нашлось бы ни одного подобного. В этой семье было принято одеваться неофициально, но скромно. Мать Криса держалась очень вежливо и любезно, его братья и

сестры были приятными в общении людьми, а отец любил пошутить. Несмотря на некоторую сдержанность, братьям и сестрам Криса нельзя было отказать в дружелюбии. Отец главы семьи был губернатором Массачусетса. Вся эта семья внушала Франческе робость. Она представить себе не могла, что подумают эти люди, когда узнают, что ее мать была замужем пять раз. Наверное, мать Криса лишится чувств. Родители Криса прожили в браке сорок четыре года, им и в голову не приходило что-либо менять в своей жизни. Франческа поняла: перед ней самая настоящая американская аристократия старой закалки, замкнутый мир, единственное «инородное тело» в котором — Крис. Все его родные — олицетворение старой гвардии.

Поначалу пребывание среди этих людей было для Франчески стрессом, но к концу дня напряжение понемногу отступило. Несколько человек уехали в клуб играть в теннис и сквош. Детей куда-то увели. Снегопад продолжался, поэтому играть в гольф никто не стал, а ровно в половине седьмого все собрались внизу в ожидании коктейлей. Ужин начался в половине восьмого, и поскольку наступил сочельник, ужин прошел в чинной обстановке. Детей усадили за отдельный

стол в холле, взрослые ужинали в столовой, а в половине двенадцатого вновь отправились в церковь ко всенощной. Мать Криса предупредила, что желающие могут остаться дома, а Крис вполголоса объяснил Франческе: это означает, что присутствие на церковной службе строго обязательно. Франческа вновь поняла, что рассказы Криса не подготовили ее к знакомству с этими людьми. С таким непоколебимым оплотом истеблишмента она еще не сталкивалась. В Крисе не было и следа подобной чопорности, и тем не менее эти люди приходились ему родственниками. Крис опасался, что Франческа, насмотревшись на его родных, побоится связывать с ним судьбу. Он постоянно посматривал на нее, надеясь вовремя предотвратить панику, но пока не заметил никаких признаков. Франческе же бросилось в глаза в первую очередь то, что отношения в этом доме лишены душевной теплоты. Его обитатели вели себя безупречно, были вежливы со всеми и ласковы с детьми, но особой любви к ним не проявляли. Никто не смеялся, не обнимался, за все время в доме ни разу не вспыхнули семейные споры. Все было благопристойно, интеллигентно и вежливо, а Франческе вдруг стало грустно, она посочувствовала Крису. В том, что она видела,

ощущалась острая нехватка любви.

Ровно в половине седьмого Франческа вышла в гостиную, одетая в черное коктейльное платье, которое выглядело довольно скромно, но было дополнено чересчур высокими шпильками и броской сумочкой в блестящих стразах — подарком, который мать привезла ей из Парижа. Волосы Франческа собрала в узел, решив, что такая прическа подойдет к случаю. Мать Криса переоделась в простое черное платье с высоким воротом и длинными рукавами, на котором выделялась ее неизменная нитка жемчуга — Франческа уже подозревала, что с этим ожерельем она не расстается даже в постели. Ей вдруг представилась встреча двух матерей, ее и Криса, и она чуть не поперхнулась.

— Как вы познакомились с Крисом? — спросила его мать за коктейлем. Франческа понятия не имела, что ответить. «Он живет в моем доме» — пожалуй, не стоит. «Я хозяйка дома, в котором он снимает квартиру… я держу пансион… в церкви»? Верный ответ не находился. Крис предупредил, чтобы она не говорила, что в доме на Чарлз-стрит они живут вместе.

— Нас познакомили друзья, — вмешался Крис, прислушавшийся к их разговору. Франческа

благодарно улыбнулась. Она постоянно боялась сказать или сделать что-нибудь не то.

Отец Криса поинтересовался, чем занимается ее отец, и она объяснила, что Генри художник, упомянула его фамилию, сумела произвести впечатление и наконец вздохнула с облегчением. Сообщение о том, что ее мать проводит Рождество в Гштаде, вызвало легкий шок, а поездка отца в Сан-Вэлли никого не удивила: это место все знали и любили. Но лыжный курорт в Европе был для матери Криса чем-то вроде Содома и Гоморры.

— Вынести ужины в этой семье может лишь тот, кто пьет без передышки и постоянно улыбается, — шепнул Франческе один из двоюродных братьев Криса, и она рассмеялась. Совет показался ей ценным, но последовать ему она не решилась. Вопросы сыпались один за другим, в том числе каверзные, и чтобы ответить на них, следовало оставаться трезвой. Родные Криса пожелали узнать, где она выросла, в какой школе училась, отправляли ли ее в закрытую школу, не была ли она замужем, есть ли у нее дети, где она обычно проводит лето. Отпуск в Мэне был воспринят благосклонно, работа в галерее — с сомнением, но поскольку уже выяснилось, что ее отец художник, этот промах ей простили. Время

от времени к Франческе обращались сестра и брат Криса. Когда ужин завершился, Франческа чувствовала себя так, будто всю ночь играла в теннис. Забежав к себе в комнату перед уходом в церковь, она устало рухнула на кровать. К таким трудностям она оказалась не готова, ей пришлось гораздо тяжелее, чем она предполагала. Особенно в разговорах с матерью Криса. Думая о том, что сейчас придется выйти и эти разговоры возобновятся, Франческа чуть не лишилась чувств. Ей вдруг стало страшно: если она выйдет за Криса замуж, придется изворачиваться каждые праздники, лишь бы избежать встречи с его родными. А о том, чтобы собрать обе семьи под одной крышей хотя бы на свадьбу, и речи быть не могло. Только Эйвери смогла бы выдержать это испытание. Отец Франчески с его пренебрежением к условностям вряд ли вписался бы в эту компанию: он не учился в Гарварде, ненавидел спорт, совершенно не разбирался в футболе. А уж о том, чтобы представить этому сборищу консерваторов Талию, и думать не стоило. Слишком уж эти люди порядочны, высоконравственны и набожны. Чего стоит только их увлечение спортом! Вдобавок они преуспевают и занимают высокое положение в обществе. И среди них нет ни одного

бунтаря, кроме Криса. Только эти люди способны счесть его отступником.

Заглянув к ней перед уходом в церковь, Крис увидел, как безвольно она вытянулась на постели, словно только что пробежала марафонскую дистанцию, и рассмеялся. Вокруг лежал десяток подготовленных нарядов, а Франческа не знала, какой выбрать.

— Развлекаешься? — пошутил он. — Не обижайся на маму. Заслужить у нее похвалу так же трудно, как проплыть между Сциллой и Харибдой, или кто там теперь сторожит врата ада. Но если ты выдержишь экзамен и она примет тебя, считай, что твои беды позади. Впредь от тебя потребуется только являться к столу вовремя и не раздражать маму.

— Она твоя мать. Я боюсь ненароком оскорбить ее. — Франческа даже не надеялась когда-нибудь заслужить одобрение этой женщины.

— Задавать столько личных вопросов невежливо. Это ей стоило бы побеспокоиться о том, как бы ты не обиделась. Начни платить ей той же монетой: спроси, в какой школе она училась. Такие вопросы она обожает. Она закончила Вассар, когда он еще был исключительно женским учебным заведением, и страшно этим гордится.

И вправду, начать беседу таким способом было бы проще простого.

— Никогда в жизни не бывала в церкви дважды за один день, — с отчаянием призналась Франческа. — Боюсь, как бы Господь не возмутился, не выставил меня вон и не поразил заодно молниями всех собравшихся.

Крис рассмеялся, благодарный ей за терпение.

— Ничего, эти муки зачтутся тебе на небесах, — пообещал он и помог ей встать. — Кстати, о муках: не хочется тебя расстраивать, но нам уже пора в церковь.

Ко всенощной отправилось человек двадцать. Франческа не помнила всех имен и степени родства, разве что обратила внимание, что с братом и сестрой Криса у нее нет ничего общего. Мысленно она называла всех этих людей общей фамилией — Харли. Единственным, кто выделялся среди них, был Крис. Франческа уже почти сердилась за то, что он притащил ее сюда. Впрочем, торчать одной в Нью-Йорке было бы совсем тоскливо. Поэтому она и плелась в церковь уже во второй раз за сегодняшний день. Отец посмеялся бы над ней, даже мать не упустила бы возможности пошутить. Талия давным-давно не бывала в церкви даже на собственных свадьбах.

Во время проповеди Франческа чуть не задремала. После возвращения домой все, к счастью, сразу разошлись по спальням. Полиция нравов в лице матери Криса пожелала всем спокойной ночи и счастливого Рождества, делая акцент на втором слове и почти проглатывая первое. Франческа заметила, что никто не стал целоваться, только отцы и сыновья обменялись рукопожатиями. Обниматься в этой семье вообще было не принято.

Спустя полчаса Крис прокрался в комнату Франчески. В свои тридцать пять лет она вдруг почувствовала себя четырнадцатилетним непутевым подростком и теперь боялась, что ее отправят в школу для трудных детей или сразу в тюрьму.

— Счастливого Рождества, детка, — сказал Крис, поцеловал ее и достал из кармана коробочку — длинную и плоскую, от Тиффани. Открыв ее, Франческа увидела золотой браслет с подвесками-сердечками. Крис сам застегнул его на запястье Франчески и поцеловал ее. Она вручила ему приготовленный в подарок серый кашемировый шарф, которым Крис остался доволен.

Вспомнив, что провести в гостях ей осталось всего два дня, Франческа вздохнула с облег-

чением. Впрочем, пережить следующий день оказалось проще — наступило Рождество с обменом подарками и роскошным угощением. Большой стол накрыли на тридцать персон, детей опять усадили отдельно, в холле, девочек нарядили в бархатные платьица. К счастью, Франческе не пришлось участвовать в общей игре в мяч на заснеженной лужайке возле дома, да и то лишь потому, что играли в него только мужчины. А потом все пили горячий пунш, рассевшись у камина. Мать Криса играла в бридж с мужем, дочерью и одной из племянниц. Крис сидел у камина рядом с Франческой, Йен играл где-то наверху с остальными детьми. К полуночи Франческа вернулась к себе в комнату, Крис сопровождал ее. Осталось выдержать всего один день, и можно уезжать. Франческа уже считала часы.

— Тебе было весело?

— Да, — солгала она, — но я все время боялась сделать что-нибудь не то. И чувствовала себя ребенком. — Последнее было правдой.

— Просто не обращай на них внимания. Они держатся так, будто создали этот мир, но ведь это неправда. Вот почему я бываю у родителей всего два раза в год. На Виньярде проще: там все

расслабляются. — Крис прекрасно понимал, что его родные кого угодно могут свести с ума. Они стремились к совершенству во всем, чем занимались, и ожидали того же от окружающих, мало того, требовали подчинения своим правилам. Крис давно уже не старался подстроиться к родным, но и спорить с ними не желал — просто жил так, как считал нужным. Однако ему нравилось приезжать к родителям на Рождество, нравилось соблюдать традиции, и он был благодарен Франческе за то, что она согласилась сопровождать его. Он понимал, как ей трудно находиться под постоянным придирчивым наблюдением. Крис признавал, что его семья существует в искусственном мирке, где все одинаковы, словно печенье, вырезанное одной и той же формочкой. А Франческа явилась из мира, где никто не желал умещаться в одну форму на всех — и ее мать, и отец были своеобразными людьми: одна поражала избалованностью и капризами, другой был артистичен и эксцентричен. Но и Франческа, и Крис жили так, как хотели сами, независимо от родительских привычек и идеалов.

— Если бы твоя мать познакомилась с моими родителями, ее хватил бы удар, — грустно заметила Франческа.

— Само собой, — согласился Крис. — Да, они совсем разные — ну и что? Образ жизни моих родителей мне чужд, слишком много в нем ограничений. Порой мне с ними невыносимо скучно.

Франческа не стала продолжать этот разговор, чтобы случайно не обидеть чем-нибудь Криса. Как бы там ни было, его родители — приличные, респектабельные люди. Просто она чувствовала себя среди них чужой и странной. Она не соответствовала их требованиям. Как и Крис. Утешало сознание того, что они оба здесь белые вороны.

Всю следующую ночь Крис опять проспал в постели Франчески, но проснулся до семи и по привычке позавтракал с матерью. Рождество прошло, все немного расслабились, даже мать Криса. В церковь больше никто не спешил. Все опять уехали играть в теннис и сквош, как всегда бывало, когда семья собиралась вместе. Франческа по-прежнему не помнила, как кого зовут, и злилась на себя за короткую память. В этой компании она была единственной Франческой, а всех мужчин, казалось, звали Крисами, Бобами и Уильямами — по крайней мере она подсчитала, что человек пять носит каждое из этих имен. Из женских имен в семье чаще всего встречались Элизабет, Хелен и Брук. Мать Криса звали

Элизабет, в ее честь назвали сразу нескольких девочек.

Похоже, празднику искренне радовался только Йен, который любил двоюродных братьев и сестер и жалел лишь о скором расставании. В день отъезда Крис снова завтракал с матерью. Его отец отвез гостей в аэропорт, сказал, что был очень рад познакомиться с Франческой, а она мысленно ответила, что ей целых три дня казалось, будто она болтается между землей и небом. Более странного Рождества в ее жизни еще не случалось, но она по-прежнему любила Криса и не могла дождаться, когда наконец вернется в Нью-Йорк и вздохнет свободно. Переступив порог своего дома, она чуть не расплакалась от облегчения. Через десять минут позвонила мать из Гштада.

— Надеюсь, вы хорошо провели Рождество, — беспечно защебетала она. — А я на ужине в сочельник познакомилась с таким мужчиной! Он живет в Нью-Йорке, но он швейцарец, банкир, и я скоро иду с ним ужинать!

По голосу Франческа поняла, что ее мать сияет, и чуть не застонала. Похоже, у Талии наконец-то появился кандидат на роль шестого мужа. Не составляло труда догадаться, как к этому отнесутся Харли.

— Только не принимай поспешных решений, — упавшим голосом попросила Франческа, зная, что остановить мать невозможно, если на горизонте нарисовался потенциальный муж. А если верить Талии, этого не случалось уже довольно давно, причем не по ее вине.

— Разумеется, не стану. Это же просто ужин, а не свадьба.

— Просто ужин? Это что-то новое, — отозвалась Франческа, и ее мать рассмеялась.

— Ты мне не веришь?

— Ни на минуту. И ничуть не сомневаюсь, что в ближайшем времени ты найдешь себе шестой номер.

— И что в этом плохого, если я буду счастлива? — парировала мать. Франческа задумалась, не зная, что ответить.

— Знаешь, а ведь ты права. Пять, шесть… какая теперь разница? Если ты счастлива, пусть остальные думают что хотят. — Франческа только что провела три дня среди самых консервативных и занудных людей на планете, и оказалось, что общаться с ними гораздо труднее, чем с ее матерью. По крайней мере Талии с избытком хватало стильности и энергии. — Так что дерзай, мама, — со смехом продолжала она. — Поступай так, как

считаешь нужным. Но если на следующей свадьбе бросишь мне букет — берегись!

— Договорились, дорогая. Увидимся, когда я вернусь, только сначала заеду в Париж.

Франческа повесила трубку и увидела, что Крис стоит рядом, глядя на нее. Он был благодарен за то, что она съездила с ним в Бостон и сумела выдержать праздники в компании его родных. Родители даже признались, что она им понравилась.

— Мама совсем спятила, — деловито сообщила Франческа. — А я только что поняла, что за это ее и люблю.

Этот взгляд на вещи был для нее совершенно новым. Франческа осознала, что он означает: она выросла и приняла мать такой, какая она есть. С ней такое случилось впервые.

Эту ночь они провели в спальне Франчески наверху. Франческа была счастлива: ночь в своем доме, в своей постели, рядом с Крисом! И больше никаких каверзных вопросов. Крису не надо вскакивать чуть свет и мчаться через весь коридор к себе в комнату, не надо оправдывать ничьи ожидания, следить за тем, как выглядишь, что носишь, что говоришь. Франческа была довольна собой и не считала нужным меняться. В своем

доме и в своем мире она была уместна. И совершенно счастлива в своей маленькой вселенной, рядом с Крисом, одетым в футболку и боксеры, и Йеном, крепко спящим внизу. Их общая жизнь была тихой, приятной и устраивала всех троих.

Глава 24

В последнюю минуту, когда с делами уже было покончено, Крис и Франческа решили съездить на Новый год в Вермонт, пожить в доме Марии. Теперь оставить Йена им было не с кем, и они радостно взяли его с собой, чтобы встретить праздник всем вместе, в узком семейном кругу.

Им нравилось где-нибудь бывать втроем, а шумное веселье в большом городе их не прельщало. И Криса, и Франческу несколько раз звали в гости, но отдых в Вермонте выглядел заманчивее, и поэтому накануне наступления Нового года они отправились туда на машине.

Сразу же после приезда Франческа сбегала в ближайший магазин за припасами. Крис растопил камин в гостиной, Йен занялся своими дисками и игрушками. Встретить праздник только втроем — что могло быть лучше? Утром, проснувшись и выглянув в окно, они увидели пейзаж, как на новогодней открытке. Крупными хлопьями падал снег. Франческа жалела лишь о том, что рядом нет Марии. В эту минуту Мария отмечала Новый год в Куршевеле, среди аль-

пийских снегов, в кругу друзей Шарля-Эдуара. Франческа уже получила от нее по электронной почте несколько писем и была уверена, что Мария счастлива.

Вечером Франческа, Крис и Йен играли в «монополию» и «улику», а после партии в скрэббл и Джин Рамми, в которые играли только взрослые, Йен снова присоединился к ним и затеял «рыбалку». Утром спали допоздна, потом возились в снегу: лепили снеговика, кидались снежками, покатались на коньках, сбегав к ближайшему озеру, но недолго, — Франческа не спускала глаз с Йена, боясь, как бы он не провалился под лед. Вечером жарили на прутиках маршмеллоу, просто так и с крекерами — словом, делали то, что нравилось всем троим. Это были идеальные праздники.

На второй день Нового года Франческу разбудил звонок мобильника, но лень помешала ей ответить сразу же. Телефон не унимался, пришлось встать, досадуя на настойчивый звонок. Дважды включалась голосовая почта, но кто-то упорно продолжал звонить. Наконец Франческа взяла трубку и пожалела о том, что не сделала этого сразу: звонила Мария из Парижа.

— Угадай, где мы! — воскликнула Франческа. — В Вермонте! Здесь уже два дня идет снег, кругом

такая красота!

Они с Крисом устроились в спальне Марии, а Йен — на кровати с четырьмя столбиками в комнате для гостей, как предложила Мария в прошлый приезд.

— С Новым годом! — продолжала Франческа, догадавшись, что Мария звонит поздравить их. — Как там Париж?

— Он прекрасен. Вчера здесь тоже был снегопад. Мы нашли квартиру на улице Варенн, — сообщила Мария. Значит, им предстояло жить именно там, где они хотели, в Седьмом районе. — Шарль-Эдуар целую неделю торговался за нее. — Помолчав, она продолжала: — Я хочу кое-что вам сообщить… — Франческа ждала, понимая, как соскучилась по Марии. — Вчера мы поженились. На церемонии были только мы и несколько друзей. Шарль развелся еще до Рождества, к нашему приезду документы уже были готовы. Я, наверное, спятила, но все-таки рада, что решилась. А если он мне когда-нибудь изменит, я его убью! — И новобрачные расхохотались.

Шарль-Эдуар взял трубку через минуту, Франческа поздравила их обоих. Удивительно сплетаются судьбы, причудливо складывается жизнь. Мария думала, что ей предстоит доживать свой

век в одиночку, а потом жена ушла от Шарля, и жизнь Марии разом изменилась. И вот теперь Мария с Шарлем были уже супружеской парой. Если бы год назад кто-нибудь рассказал Марии, что ее ждет, она бы не поверила.

— Как я рада за вас обоих! — счастливо вздохнула Франческа. Слушающий ее Крис тоже улыбался, считая, что Мария и ее муж заслужили право на счастье.

— Жаль, что вас не было рядом, — печально добавила Мария, и Франческа тоже пожалела об этом. Такую свадьбу она бы ни за что не пропустила: жених и невеста слишком много значили для нее. Закончив разговор, Франческа и Крис переглянулись, продолжая улыбаться.

Потом они вернулись в постель, обсуждая известие и радуясь за молодоженов.

— А когда мы последуем их примеру? — спросил Крис. Долгую минуту Франческа молчала.

— Не знаю. Зачем спешить? У нас и так все хорошо.

Они начали встречаться всего четыре месяца назад.

— А если мы поженимся, будет еще лучше. Не бойся, ты не превратишься в копию своей мамы, — заверил он, вызвав у Франчески новый

взрыв смеха.

— Да, пожалуй, — согласилась она. — На пятерых мужей у меня просто не хватит сил. А искать шестого я уж точно не стану.

— А как насчет единственного? — Раньше Франческе казалось, что и одного замужества ей будет слишком много. — Что скажешь?

Он перекатился на бок, подпер голову ладонью и с улыбкой засмотрелся на Франческу. Она ответила ему долгим взглядом. Впервые в жизни мысль о замужестве не вызвала у нее опасений. Замуж она не спешила, но, возможно, в семейной жизни нет ничего плохого. А Йену было бы лучше, если бы они поженились.

— Может быть, — уклончиво отозвалась она и улыбнулась. Заходить еще дальше она пока что не хотела, зная, что она не Талия и не Мария: ей надо найти свой путь.

— Пока достаточно, — заключил Крис. — Буду довольствоваться тем, что есть. — Он поцеловал ее, но не успели они поуютнее устроиться под одеялом, как в комнату ворвался Йен. Тем днем им предстояло вернуться в Нью-Йорк. Три дня в раю закончились.

— Давайте слепим еще снеговика! — предложил Йен, и Франческа встала. Чтобы вчерашнему

снеговику было не так скучно, они слепили еще двух. Снежная семейка стояла под окнами у Марии.

Перед отъездом в Нью-Йорк Йен помахал всем троим снеговикам. В пути Франческа ощущала покой и умиротворение. Недавно она узнала, что Тодд весной женился, но эта новость не вызвала у нее ни малейшего волнения. Теперь у нее своя жизнь. Крис — ее вторая половинка. Крышка для горшка нашлась, причем точно подошла по размеру. Оказалось, требовалось всего-навсего найти не чужую крышку, а свою.

После долгой поездки они вернулись в Нью-Йорк поздно вечером, Франческа помогла перенести в дом вещи, Крис внес уснувшего Йена. Поставив чемоданы на пол в холле, Франческа огляделась. Дом казался тихим и пустым, Франческа удивленно подняла брови, повернувшись к Крису.

— Я хочу продать дом, — тихо сообщила она.

Крис удивился:

— Серьезно? Почему? Ты же его любишь.

Оба помнили, скольких трудов ей стоило сохранить дом. Год назад она отважилась даже поселить в доме троих незнакомых людей, лишь бы не продавать его.

— Люблю… или любила. Мне хочется, чтобы мы начали все заново, с самого начала… с чистого листа. — Ей вспомнились Тодд и Эйлин. — Слишком много всего связано с этим домом. Груз воспоминаний чересчур велик. — Она вдруг исполнилась уверенности в своем решении — точно так же, как год назад твердо решила сохранить дом. Крис не спорил. Просто не хотел, чтобы она продала дом, если он ей нравится и если она хотела бы здесь остаться.

— Может, доживем до утра, тогда и поговорим? — спросил он, и она кивнула, начиная подниматься в спальню. Йен уже спал в своей комнате.

На следующий день решение Франчески не изменилось. За завтраком она посмотрела Крису в глаза и твердо объявила:

— Я хочу продать дом. На самом деле хочу.

— Ладно, — кивнул он. — Давай выставим его на продажу.

— Вряд ли его купят сразу. Он такой старый, — осторожно заметила она и тем же днем позвонила знакомому агенту по недвижимости. Они обсудили цену, Франческе удалось немного поднять ее. В выходные дом предполагалось выставить на продажу. Франческа позвонила Эйвери и сооб-

щила о своем решении.

— По-моему, прекрасная мысль. Сейчас на рынке недвижимости подъем, за дом наверняка дадут неплохую цену. С тех пор как погибла Эйлин, я все время думала, что этот дом тебе не нужен, только не хотела говорить.

— Дело не в Эйлин, а во мне. Кажется, я уже переросла этот дом. Он был моим, пока мне этого хотелось. А теперь я хочу жить с Крисом. И мне не нужен дом, который был частью моей прежней жизнью. У Тодда теперь все по-новому, вот и я так хочу. А пока дом принадлежит мне, у меня такое чувство, словно к моему хвосту привязали целую кучу консервных банок. Хочу стать свободной. Нам нужно новое жилье. — Собственное решение Франческа считала обдуманным и правильным. Она назвала Эйвери цену, на которую уговорилась с риелтором, и Эйвери сочла ее достойной.

— Надеюсь, продавать галерею ты не станешь? — Эйвери заподозрила, что Франческа решила одним махом покончить с прошлой жизнью, но сразу услышала в ответ:

— Конечно, не стану! Обузой для меня стал только дом — говорю же, я его переросла. С ним слишком тяжело, во всех смыслах. Эйлин, текущие расходы, выплаты по кредиту, ремонт… Для

троих дом слишком велик, а сдавать свободные комнаты я больше не хочу. Нам хватит и квартиры или дома поменьше. Пока мы можем снять какое-нибудь жилье.

— Посмотрим еще, как быстро его купят и сколько дадут, — задумчиво отозвалась Эйвери. Франческа настроилась на долгое ожидание, Крис втайне радовался ее решению, но еще больше — возможности подыскать вместе с ней новое жилье.

Дом выставили на продажу в субботу, а через две недели поступило первое предложение. Покупатели почти не торговались. Им не стали сообщать о том, что стало с Эйлин, как только поняли, что дом понравился им с первого взгляда. У этих людей было четверо детей, они могли позволить себе просторное жилье. Франческу охватило радостное предвкушение, Крис втайне ликовал: он ни за что не стал бы просить ее продать дом и даже помог бы ей расплатиться с кредитом, если бы понадобилось, но решение перебраться на новое место полностью его устраивало. Крис тоже считал, что они должны начать все заново. Франческе мечталось о новой жизни, которая принадлежала бы только им, а не была бы наследием прошлого, пусть даже их собственного.

Дом должен был перейти в собственность покупателей пятнадцатого марта. В День святого Валентина Франческа и Крис сняли квартиру, которая им понравилась и как раз подходила по размеру, а спустя две недели переехали туда. События развивались так стремительно, что Франческа с каждым днем убеждалась: да, она поступает правильно. Семье, купившей дом, он так нравился, что все, и дети, и родители, с нетерпением ждали переезда. Словом, сделка устроила всех, особенно Йена, Франческу и Криса. У них появился новый дом, они стали новоиспеченной семьей, для них началась новая жизнь.

* * *

Через день после переезда Франческа одна отправилась на Чарлз-стрит, чтобы в последний раз осмотреть уже чужой дом. Крис и Йен ждали ее в новой квартире, а ей вдруг захотелось включить сигнализацию и еще раз самой повернуть ключ в замке дома на Чарлз-стрит. Днем раньше приезжали уборщики, чтобы подготовить дом к вселению новых владельцев — все организовал риелтор, присутствия Франчески даже не понадобилось. Но ей хотелось попрощаться с домом.

Она медленно бродила из комнаты в комнату,

вспоминая, сколько хорошего здесь случилось и сколько плохого. Подниматься в комнату Эйлин, пустую и уже отпертую, она не стала, но обошла все остальные. На кухне она помедлила, вспоминая чудесные ужины с Шарлем-Эдуаром и Марией.

Этот дом отслужил свое. Крис прав, Франческа действительно любила его и понимала, что будет любить всегда. Но дома ничем не отличаются от людей, с которыми Порой приходится расставаться. Эти расставания — вопрос времени, на каждом этапе жизни мы чем-то владеем и с чем-то расстаемся. Сейчас наступил момент расставания с домом. Франческа в последний раз постояла в холле, огляделась, включила сигнализацию, набрала привычную комбинацию цифр и закрыла дверь. А потом шепотом попрощалась, сбежала с крыльца и на такси поспешила к новому дому, где ее ждали Крис и Йен — два человека, которых она любила и которые любили ее.

Едва шагнув через порог, Франческа учуяла аппетитный запах. Йен испек ей печенье.

— Смотри, что мы для тебя сделали! — торжествуя и волнуясь, закричал мальчик. Печенье было в виде четырехлистников клевера, символа Дня святого Патрика. Йен покрыл его зеленой

глазурью.

— О, печенье удачи! — воскликнула Франческа, наклонилась поцеловать Йена, потом коснулась губами щеки Криса. — В самый раз для меня — ведь мне во всем везет, — объявила она.

Как и предсказывала Эйвери, для горшка нашлась крышка. Франческе даже не пришлось искать ее всю жизнь. Счастье нашлось само. Только теперь она поняла, как правильно поступила когда-то, стремясь сохранить дом. Если бы не этот дом, она никогда не встретилась бы с Крисом. Все сложилось удачно — для всех, кроме бедной Эйлин. Но помочь ей было невозможно. Бывают случаи, когда ничего нельзя поделать.

Франческа угостилась печеньем и огляделась. Повсюду громоздились коробки. Предстояло распаковать почти все вещи и переделать уйму дел. Как хорошо, что она уже дома. Но еще лучше — что дома она не одна. Франческа нашла своих близких и свой приют. Но не в доме номер сорок четыре по Чарлз-стрит. Дом на Чарлз-стрит остался в ином времени, в другой жизни, его историю предстояло продолжить любящей и дружной семье. В жизни Франчески дом на Чарлз-стрит был скорее главой, чем просто домом. Эта глава завершилась. И началась новая.